

Евгений Никифоров

Без шансов выжить

Классический детективный роман. Лихие 90-е.

1

Как приятно открыть глаза утром и уже с самого момента пробуждения сознавать, что предстоящий день и несколько последующих целиком в твоём распоряжении, что не нужно никуда спешить, ни о чём заботиться. Как отрадно через открытое окно слышать уличный шум курортного городка, какой-то особенный шум, совсем не похожий на столичный, и среди его разнообразных звуков угадывать отдаленный гул моря. С будоражающим чувством вспоминать вчерашний вечер в гостиничном баре, легкую болтовню с очаровательной незнакомкой (конечно, не профессионалкой). Окинуть взглядом уютный номер, с хрустом потянуться, полежать минуточку-другую, свесить, наконец, ноги вниз, нащупать прохладные шлепанцы и пойти умываться. Потом сделать небольшую разминку, встать под теплый душ, побриться и с чашкой обжигающего кофе утонуть в глубоком кресле перед телевизором, рассеянно слушая вчерашние новости и предвкушая скорое свидание с морем.

Я в точности исполнил весь утренний ритуал, прикидывая, что лучше надеть в свой первый выход на пляж, но не успел сделать и нескольких сладостных глотков, как чуть не поперхнулся: с экрана на меня было обращено лицо молодого мужчины с внимательным и чуточку строгим взглядом зеленых глаз. Он смотрел доброжелательно и вместе с тем требовательно. Мы всегда и помнили его таким, и любили за открытость, за легкую улыбку, с которой он обращался к собеседнику. Этой-то завораживающей улыбкой он и проложил путь к стольким

сердцам. Я думал о нем в прошедшем времени, потому что с экрана телевизора на меня смотрел покойник.

Как сообщила с оттенком скорби в голосе ведущая новостей, накануне поздно вечером, когда популярный шоумен возвращался домой, двое неизвестных вошли в подъезд вслед за ним... Немного погодя один из жильцов случайно обнаружил окровавленное тело... Вещи, ценности и деньги - довольно значительная сумма - не тронуты, на полу — три стреляные гильзы от пистолета “ТТ”...

И больше никаких следов. Впрочем, одну маленькую деталь я отметил сразу: киллер (или киллеры) забрал(и) с собой оружие.

Я отставил недопитую чашку и, откинувшись в кресле, несколько секунд ошеломленно переваривал это сообщение. Вот так да! А ведь еще пару дней назад я видел интервью с ним, в котором он делился своими грандиозными планами на будущее. И не знал, бедняга, что жить ему осталось всего сорок часов.

По телевизору показывали полутемный подъезд с кое-где облупившейся мрачно-зеленой краской, кафель лифтовой площадки, забрызганный кровью, и худощавую фигуру в светлом костюме со сложенными на груди руками. В глаза почему-то бросились разведенные в стороны острые носы модных туфель...

Я встал и прошелся по комнате. Кто бы мог подумать, кто бы мог... Такой обаяшка, блестящая будущность впереди — и все оказалось перечеркнутым в несколько мгновений.

Чьих рук это дело? Вопрос мудреный, но, конечно, за всем стоят большие деньги. Если уж киллеров не прельстили три тысячи зеленых, лежавших в кейсе жертвы, которые можно было взять легко, стоило лишь протянуть руку, нетрудно себе представить, каков был гонорар.

В акциях подобного уровня участвуют крепкие профессионалы. Непосредственные же помощники, если они и есть, немедленно отправляются кормить рыб в ближайшее водохранилище с бетонным блоком в обнимку, следы тщательно зачищаются. Кому-кому, а мне, бывшему следователю, отлично

известно, что раскрываемость таких убийств никогда не превышала десяти-пятнадцати процентов...

Я всмотрелся в его лицо, опять появившееся на экране в траурной рамке, — оно уже казалось мне мрачным, будто застывшие черты на фотографии могли измениться, и подумал, что нужно сходить на переговорный пункт и связаться с Москвой, а дальше уж как сложится...

Я выключил телевизор, наскоро оделся и запер номер. Спустился в безлюдный холл, передал ключ администратору и вышел на вольный воздух.

Сияние свежего солнечного утра ослепило меня. Красноватые скалы с изломанными зубцами вершин, поросшие внизу, на пологих склонах, буйной растительностью; чистые маленькие домики, спускавшиеся к заливу; море, искрившееся бесчисленными бликами, — вся эта жизнерадостная картина так контрастировала с окровавленным трупом в мрачном подъезде, что некоторое время я не мог совместить эти две половинки реальности.

Все-таки странно устроен человек: сидел бы несчастный в укромном уголке, был бы поскромнее и, я уверен, находился бы сейчас в добром здравии. Ан нет, ему нужно было доказать, что он способен горы свернуть. Да и денег на жизнь не хватало — супруга, небось, сзади спицей ширяла — давай, давай! Ну и полез, используя имя, в крутые дела. А там разговор короткий...

Вот и я, какая нелегкая понесла меня на почту? Захотелось подзаработать? Но чрезмерных запросов в этом отношении у меня никогда не было, как и понукальщиц за спиной. Давно не испытывал острых ощущений? Мне бы быть попроще, пропустить все мимо ушей, пойти расслабиться на пляж, позагорать, понаблюдать контингент, глядишь, повстречал бы давешнюю фею, забил бы с ней стрелку на вечер, пригласил куда-нибудь в приличное заведение — а там и в койку. По крайней мере, приятно провел бы время. Но ноги понесли меня почему-то в другую сторону...

Скоро я дошел до маленького неказистого домика, в котором находились почта и междугородный переговорный пункт, поднялся по скрипучим ступеням разошедшего крыльца.

В столь ранний час я оказался единственным посетителем.

На стене уныло тикали засиженные мухами допотопные ходики, показывая без четверти девять. За невысокой перегородкой виднелась светлая макушка. Услышав шаги, девушка подняла голову и быстрым блестящим взглядом окинула меня с головы до ног.

— Доброе утро, — я улыбнулся как можно приветливее: ранее утро, увы, не всех располагает к общению.

— Здравствуйте.

— Мне бы хотелось заказать разговор с Москвой. И, если можно, побыстрее...

— Одну минуту, — она взяла чистый бланк и принялась его заполнять. — Ваша фамилия, номер московского абонента? Подождите немного, я сообщу, когда соединят.

— Спасибо.

— Пожалуйста, — девушка бросила на меня еще один взгляд, поднялась со своего места и, покачивая бедрами, направилась к столу, на котором лежали какие-то бумаги.

Я невольно засмотрелся на обольстительные формы. По тому, как она все это проделала, я понял, что подобной маленькой демонстрации, видимо, удостоивается всякий молодой и мало-мальски привлекательный приезжий мужчина. Бедная девочка, в мареве курортной жары выглядывающая свою судьбу!

В стеклянной кабине я довольно долго слушал тягучие гудки, наконец в трубке что-то щелкнуло, и недовольный мужской голос, такой знакомый мне, пробурчал:

— Алло! Слушают вас!

— Привет, служивый.

— А-а, Игорек, здоров! — я почувствовал, как у собеседника растягиваются в невольной улыбке губы. — Ну как там теплое море, шоколадные девочки?

— Море плещет, девочки визжат. Навожу мосты...

— Долго наводишь! В курсе наших последних событий?

— Ну, а как ты думаешь, иначе побежал бы я с утра на переговорный пункт выслушивать твое брюзжание?

— Да, конечно... Есть уже чем похвастаться перед бледнолицыми бедолагами, гнущими на службе спины?

— Похващаешься тут, как же! Ты не тяни, выкладывай, какие наклеваются варианты?

В трубке зашелестел ехидный смешок.

— И чего людям спокойно не живется? Отдыхай себе, купайся, девочек кадри...

— Шура!

— Ладно, ладно, проехали. Связался я, короче, с кем надо, расписал твои похождения — там про тебя, оказывается, слышали, поэтому никаких проблем — родственники согласны оплачивать твои частные изыскания. Значит, вылетай первым же рейсом. Встретимся в погребке в пятнадцать, там и поболтаем. Договорились? А то мне надо уже по делам бежать.

— Понял. Буду как штык!

— Да, еще вопросик: чего звонишь с почты, а не по мобильному?

— Так я мобильник на отдых с собой никогда не беру — на черта мне лишний контроль и проблемы.

— Тоже верно. В конце концов, проще купить новый с подключением на месте. Тогда до встречи, — в трубке что-то захрипело, затрещало, потом забились короткие гудки.

Я еще несколько секунд слушал их нервный ритм, затем мягко опустил трубку на рычаг.

Обратный путь до гостиницы я проделал почти механически, никого и ничего не замечая. Мысленно я уже был в задыхающейся от смога столице, в парадном подъезде внушительного сталинского дома, там, где так ошеломляюще внезапно оборвалась жизнь полного сил и замыслов человека.

Войдя в прохладный, после улицы, номер, я сел в кресло и закурил. Как все взаимосвязано в этом мире. От человека к человеку тянутся незримые нити, о существовании которых мы и

не подозреваем. Еще вчера вечером я выпивал за стойкой бара, болтая с очаровательной незнакомкой (интересно было бы узнать ее покорооче), а в это же время далеко-далеко, в суетной Москве, совершались действия, которые в итоге и становятся теперь причиной моего поспешного отъезда...

Впрочем, о чем я? Все это лирика. От меня же требуется вполне конкретное дело — как можно скорее добраться до Москвы: раз убийство произошло вчера поздно вечером, еще есть шанс побывать на относительно свежем месте происшествия, не сильно затоптанном сыскарями и зеваками. Может, выглянет какая-нибудь зацепочка, самая ничтожная, которая и даст путеводную ниточку — чем черт не шутит!

2

Белоснежный толстобрюхий аэробус с голубой полосой на борту легко разогнался, оторвался от взлетной полосы и начал набирать высоту.

Я смотрел в иллюминатор, как стремительно уносится назад и вниз земля, и не очень-то верилось, что с того момента, когда я утром открыл глаза, прошло меньше четырех часов: так неожиданно быстро менялись обстоятельства.

Между тем за время перелета мне предстояло кое над чем поразмыслить. Перво-наперво очертить общий круг предварительных версий, выделить из них приоритетные; наметить подробный план неотложных действий как непосредственно на месте происшествия, так и на прилегающей территории. Ну и черне набросать схему последующих шагов. То есть выработать тактику и отчасти стратегию предстоящей работы.

Итак, что мы имеем в наличии? Бросим, так сказать, свежий взгляд со стороны, поразмышляем отвлеченно над произошедшим, пока еще не появились первые улики и лжеулики, пока не начали делиться сбивчивыми и нередко противоречивыми воспоминаниями родственники, соседи и близкие знакомые (если они пожелают делиться). Этот первый, ничем не замутненный

взгляд бывает порой удивительно точным, хотя и основывается только на живом опыте, интуиции, а не на голой логике очевидных фактов.

Налицо заказное убийство известного шоумена и продюсера, собиравшегося в скором времени занять высокий пост в очень авторитетном и будто бы независимом органе средств массовой информации, и тем самым получавшего реальную возможность оказывать заметное влияние на формирование общественного мнения, что в нынешней обстановке непримиримой борьбы олигархов и власти предрешающей приобрело бы огромное значение. Такова внешняя канва события — череда фактов, лежащих на поверхности. Но надо быть очень наивным человеком, если видеть только то, что выносится на суд общественности. Конечно, за якобы независимым органом СМИ стоят определенные могущественные силы, и силы, не лояльные к власти. В связи с такой постановкой проблемы означает ли это, что руку здесь приложили спецы, когда стало понятно, что молодой, энергичный, амбициозный, жаждущий конфронтации руководитель с усердием примется отрабатывать вложенные в него опальными воротилами деньги? Не так уж очевидно. В подобных делах у конторских есть много других способов избавиться от нежелательного оппонента, тем более, что официального вступления в должность еще не было. Каких способов? Слишком долго перечислять: от разного рода компромата до небольшого несчастного случая с последующим длительным расстройством здоровья. Да мало ли какие заготовки всегда имеются в запасе у сметливых ребят!

Конечно, сбрасывать со счетов эту версию не стоило, но пока ее можно было задвинуть в дальний уголок памяти, чтобы не мешала сосредоточиться на главном.

Но если Конторе здесь делать вроде бы нечего, тогда кому нужно было суетиться? Первое по значимости, что приходит на ум вслед за политикой, конечно, бизнес, которым, кстати, весьма активно и успешно занимался погибший. Конкурентная борьба, финансовые разборки между компаньонами, наконец, банальный

рэклет — представляются наиболее вероятными мотивами убийства. В лихое время всеобщего передела физическое устранение кажется самым простым и надежным способом решения любых вопросов: нет человека — нет проблемы. Поэтому “коммерческую” версию с ее вариациями следует выделить как наиболее перспективную.

Ну и напоследок остаются мотивы, связанные с личной жизнью. Здесь важно знать все: характер, привычки, наклонности, увлечения, знакомства, отношения с женой, близкими и друзьями, пороки явные и тайные. Не было ли у погибшего недоброжелателей, врагов? А коли они были, на чем основывалось их негативное отношение? Как далеко могли бы их завести злоба, зависть, ненависть? Много, много предстояло выяснить в самые же ближайшие дни...

— Что будете пить? — раздался надо мной приятный девичий голосок. — Колу, спрайт или, может быть, сок?

Я поднял глаза. Молоденькая стюардесса, катившая перед собой тележку с напитками, вопросительно смотрела на меня. Правильного овала лицо под шапкой пышных каштановых волос, большие серые глаза, оттененные пушистыми ресницами, тонкий прямой нос, красиво очерченные губы, слегка растянутые в полуулыбке. Рекламная картинка да и только.

— Если можно, пятьдесят граммов коньяка, желательнее армянского или молдавского, ломтик лимона в сахарной пудре и нашу, отечественную, шоколадку.

Она удивленно приподняла брови.

— Коньяк в одиннадцать часов?

— Именно, милая, именно.

— Хорошо, после напитков я принесу. Но у нас, насколько я помню, есть только ординарный пятизвездочный.

— Ничего, я переживу.

Что же с местом происшествия? Времени на осмотр мне отпущено не так уж и много: даже имея на руках корочки частного детектива и контракт с родственниками, нежелательно болтаться по лестнице полвечера, привлекая взгляды подозрительных

жильцов. Значит, потребуется проявить максимум внимания и за весьма короткий срок попытаться наиболее полно восстановить и уяснить для себя картину убийства. Ну и, по возможности, захватить на память какой-нибудь завалящий сувенирчик.

Один из главных вопросов, возникающих в связи с этим, — откуда стреляли: снизу или сверху? Хотя по телевидению и объявили, что преступники — почему не преступник? — вошли в подъезд вслед за жертвой, цена горячей репортерской информации известна. Если снизу, значит, киллер (для простоты оставим его пока в единственном числе) стерег продюсера где-то во дворе или в машине, а поскольку ему совсем не улыбалось продолжительное время маячить на глазах у обывателей, был еще кто-то, кто снабжал его информацией о перемещениях “клиента”. Соответственно, и следы нужно искать поблизости от дома и в прилегающих переулках. Если же стреляли сверху, тогда совсем другой вариант: следы должны остаться на верхних этажах. Где находился киллер, возможно, станет ясно по характеру пробоин и направлению каналов повреждений в стенах, если, конечно, все пули не застряли в теле. В последнем случае придется опираться на косвенные данные — разметку следственной бригады. Прояснив на месте этот очень важный вопрос, легче будет определить сектор наиболее интенсивных поисков...

— Молодой человек, ваш коньяк, — снова зазвучал надоевшей чудный голос.

Какой чистый выпуклый лоб, открытый, доброжелательный взгляд. Очень редкое по красоте и обаянию лицо.

Девушка протягивала мне на маленьком подносе рюмку с янтарной жидкостью. Рядом, на пластиковой тарелочке, лежали опущенные сахарной пудрой дольки лимона — мировая закуска а-ля император Николай Второй — и шоколад. Я мягко положил ладонь на запястье ее свободной руки.

— Глядя на вас, можно натурально захандрить — так вы непозволительно хороши...

В ее зрачках вспыхнул озорной огонек, но она быстро справилась с собой, вежливо улыбнулась.

— Спасибо. Пейте ваш коньяк и пустите руку, меня ждут другие пассажиры.

— А если я не отпущу, пока вы не скажете, как вас зовут, лучезарная?

Грузный сосед, расплзшийся между ручек глубокого кресла, недовольно засопел на своем месте. Я бросил на него мимолетный уничтожающий взгляд. Потом перевел глаза на зардевшуюся девушку.

— Так как?

Она не переставала улыбаться, но я заметил, как опять поползли вверх уголки ее бровей.

— Молодой человек, я нахожусь на работе. Пожалуйста, не задерживайте меня.

— Извините, только имя.

— Марианна.

— Так я и думал, что у вас и имя необыкновенное. Большое спасибо, Марианна. — Я взял с подноса тарелочку и рюмку, положил деньги. — Ради Бога, простите меня за настойчивость. Я один отважился на то, о чем подумывали все окружающие мужчины.

Девушка едва кивнула и пошла по проходу. Прихлебывая ароматный коньяк, несколько секунд я восхищенно следил за ее стройной фигуркой.

Но к делу... На чем я остановился? Да, за относительно короткий промежуток времени мне нужно определить место, где киллер поджидал свою жертву и где есть вероятность найти какие-либо следы.

Конечно, отпечатки обуви на лестничных маршах обнаружить и идентифицировать просто невозможно. Но брошенные окурки, спички и тому подобная мелочь, которая обычно оказывается в руках человека, занятого напряженным ожиданием, помимо его желания, вполне может попасться. Это если повезет. Вообще же шансов обнаружить что-либо немного: известно, что в подобных делах серьезных просчетов, как правило, не бывает.

Остается еще опрос соседей. Мало ли кто что видел: человек любопытен по своей природе — все ему нужно рассмотреть, во все вникнуть. Лишь в редких случаях любопытство пасует перед леностью или страхом.

Вот, пожалуй, все мои действия на ближайшую перспективу. Дальше не стоит пока загадывать — непредсказуемая жизнь внесет свои неизбежные коррективы.

Интересно, как обстоят дела у штатных сыскарей, моих бывших коллег? Надеюсь, Шура Кондратьев предоставит мне некоторую первичную информацию из закрытых источников...

Еще не так давно мы с ним работали в смежных структурах, он — в угрозыске, я — в прокуратуре. Теперь прежние служебные отношения плавно перешли во взаимовыгодное сотрудничество, длящееся уже полтора года, — с тех пор как я оставил казенную ляжку. Я говорю взаимовыгодное, потому что, естественно, определенный процент от контракта Шура получал за те неофициальные сведения, в которых я нуждался и которые мне в моем нынешнем качестве были не всегда доступны.

Вообще мне трудно было бы достичь заметных успехов на ниве частного сыска, если бы я гибко не использовал старые связи.

Буквально пару месяцев назад, благодаря собственным энергичным действиям и совсем не лишней своевременной информации от прежних сослуживцев, мне удалось в короткий срок разыскать и освободить заложника, родственники которого, по вполне понятным причинам, не хотели подключать к делу правоохранительные органы.

Правда, эта удача, помимо прочего, принесла и некоторые неудобства: от греха, на всякий случай пришлось снять резервную квартиру в укромном месте... Но это уже издержки нашей профессии...

Коньяк подействовал на меня тонизирующе. Я бодрым взглядом окинул ряды кресел, задремывающих пассажиров. Сосед-толстяк, нацепив роговые очки и беззвучно шевеля губами, читал какую-то книгу. Я присмотрелся: на странице разворачивался амурный диалог:

— ...Да-да, если б не ты... Это чудо, что ты сейчас здесь, что я могу просто прикоснуться рукой к твоей руке.

— Ты меня не прогонишь больше?

— Что ты! Я буду считать счастьем твое решение остаться рядом со мной.

— Боже, неужто это не во сне?..”

Браво. Читаем поразительную чушь.

В дверях, разделяющих салоны, показалась Марианна. Строгий темно-синий костюм придавал ей очень элегантный вид, делал строже, взрослее. Но свежие черты живого лица, открытый пытливый взгляд, все ее движения — то, как она разговаривала, улыбалась — не могли, конечно, ввести в заблуждение относительно ее истинного возраста. Сколько ей может быть лет? Восемнадцать, девятнадцать? Нежный возраст. “Я буду считать счастьем твое решение остаться рядом со мной”.

Марианна несла в руках иллюстрированные журналы. Я проводил девушку продолжительным взглядом, надеясь встретиться с ней глазами, но не удостоился чести.

Бог ты мой! Где мои девятнадцать лет? В Чучковской бригаде десантного спецназа. Давненько это было, и, надо сказать, что-то быстро пробежали годы. Хотя тридцать лет — вроде бы и немного, но вон какая цветущая поросль поспешает следом.

Когда я лазил по деревьям, ставил на лесных тропках мины-ловушки, обливался потом под полной выкладкой на марш-бросках, закапывался в землю так, что не могли отыскать пытливые следопыты с собаками, эта девчушка только-только пошла в школу. Пока постигал премудрости правоведения, работал следователем, возился со жмуриками — удушенными, зарезанными или брошенными под поезд, — она расцветала, и сейчас вот какая дива выросла: в глазах манящая губительная бездна — аж дух захватывает.

— Марианна!

Девушка подошла ко мне.

— Вы что-то хотели? — ровно звучащий голос, доброжелательная улыбка.

Да, что-то я хотел... Что же?

Секунду-другую я всматривался в ее чудные серые глаза, лучившиеся теплотой.

— Вы не могли бы мне тоже принести какой-нибудь пестренький журнальчик, чтобы я благополучно над ним заснул?

3

Без десяти минут три я уже сидел за столиком для обслуживающего персонала в уютном погребке, что находится в самом центре Москвы, в двух шагах от мэрии, и с аппетитом уплетал шашлык по-карски, запивая его красным вином.

Маленький полутемный зал со стенами и сводчатым потолком из красного кирпича был почти пуст. Только за столиком, расположенным справа от входа, уныло опустив плечи и рассеянно помешивая соломинкой в бокале, сидел парень, да чуть поодаль о чем-то вполголоса беседовала парочка средних лет.

Столик для персонала, установленный в глубокой нише и охотно предоставленный мне знакомой официанткой, я выбрал по той простой причине, что отсюда можно было без труда держать в поле зрения и посетителей, и вход, а самому при этом не очень-то мозолить людям глаза. Мне, конечно, пока нечего и некого было опасаться — просто сказывалась привычка держать, по возможности, ситуацию под контролем.

Я с большим удовольствием прикончил двойную порцию шашлыка с гарниром и зеленью, обильно политого кетчупом, так как едва успел заехать из аэропорта домой, чтобы бросить чемодан, и был порядком голоден.

Воздушное путешествие мое закончилось благополучно.

Я больше не донимал Марианну просьбами и лишь издали наблюдал за ней. Только после приземления, уже покидая салон самолета, я все же подошел к девушке.

— Марианна, вы удивительная девушка. Догадываюсь, что вам это многие говорят. Но, тем не менее... Мы можем с вами встретиться где-нибудь в городе? Могу я вас пригласить отужинать вместе?

Она улыбнулась и покачала головой.

— Боюсь, что нет.

— Очень и очень жаль. И все же я почему-то уверен, что мы еще увидимся...

Минутная стрелка на часах медленно приближалась к цифре 12.

Расправившись с едой, я откинулся на стуле и, ковыряя спичкой в зубах, бегло оглядел соседей.

Фигура молодого человека, вопросительным знаком изогнувшаяся за столом, выражала крайнюю степень угнетенности. Отодвинув недопитый бокал, он уставился в одну точку и так застыл, машинально приглаживая волосы на затылке. Какая-то невеселая мысль или неприятное воспоминание явно выбили его из колеи.

Я перевел глаза на парочку.

Он — раздобревший круглощекий господин с остатками растительности на голове, в отлично сшитом костюме. На мясистом носу массивные очки в черной оправе. Она — миниатюрная брюнетка с мелкими, увядающими, но выразительными чертами лица, держащая в тонких изящных пальцах дымящуюся сигарету.

В неверном свете декоративных ламп, имитирующих горящие свечи, какая-то тайна витала над ними: блестящие взгляды, едва намечающиеся улыбки, неясный гул голосов.

Шура задерживался, что совсем не было на него похоже: не припомню случая, чтобы педант Кондратьев когда-нибудь опоздал. Возможно, случилось что-то непредвиденное? Я уже вынимал мобильник, намереваясь прояснить ситуацию, и в этот момент в дверях показалась знакомая долговязая фигура. Быстрым шагом Шура подошел к столу, энергично протянул узкую ладонь.

— Привет. Разминаешься “Хванчкаррой”?

— Привет. Под шашлычок сам Бог велел. Присоединяйся. Светочка! — позвал я отходившую от парочки официантку. — Принеси, пожалуйста, еще двойную порцию.

— Да уж, перекусить не откажусь: с утра кручусь как белка в колесе. — Шура возбужденно потер руки. — Ну-с, как долетел?

— Твоими молитвами.

Он засмеялся.

— Ничего, ничего. Овчинка выделки стоит. Покойник был при больших деньгах, родичей снабжал по высшему разряду. Если дельце выгорит — отдохнем потом в теплых краях по полной программе. Глянь в контракт — здесь не только солнечные острова, здесь и девочки, и доброе французское вино. Все неудобства и хлопоты окупятся с лихвой.

— Я надеюсь, надеюсь... А то ведь от моря и девочек ты меня уже оторвал. И, кстати, вино я предпочитаю молодое грузинское...

Шура быстро вскинул глаза.

— Что-то не нравится мне твое преждевременное брюзжание!

— Да вот думаю, как бы нам прежде курорта не оказаться в деревянных бушлатах, — дядьки-то, похоже, в деле крутые.

— Что ж, риск, и немалый, конечно, есть. Но такая уж наша доля... Да и потом, все, в конце концов, замкнуто на нас: если очень прижмет, можно дать и обратный ход. Отработать контракт не полностью, вернуть заказчику часть денег, только и делов.

— Кстати, кто конкретно заказывает нашу суету? Жена?

— Мать.

— Ладно, не бери в голову, насчет деревянных бушлатов я к слову. Выкладывай подробнее, что да как — я видел только заставку в новостях.

— Ну, то-то! Короче говоря, вечером продюсер был в “Золотом павлине”... — Шура запнулся.

К нам подходила Света с заказом.

— Еще бутылочку, мальчики?

— Нет, Светик, спасибо, как-нибудь в следующий раз — белый день на дворе, работы еще невпроворот.

— Ну ладно, если что, я недалеко.

— Хорошо, золотко. — Я заговорщицки подмигнул ей. Потом перевел взгляд на Шуру.

— Ну и?..

— Играл в рулетку, ориентировочно до половины двенадцатого. Почти сразу сорвал куш, поэтому недолго – он умеет... умел останавливаться. Потом сел в свой джип и поехал домой. Из машины звонил жене, что в пути. У дома был через двадцать минут. Запер машину, зашел в подъезд. Дальше только предположительно: киллеры вошли вслед за ним.

— Почему предположительно? А дырки в трупе, следы от пуль в стенах?

— В том-то и дело, что первая пуля попала в правую руку у запястья, а застряла в плече: он, видно, вытянул ее вперед, пытаясь хоть как-то защититься. По этой ране трудно понять местоположение стрелка — он мог находится и ниже, и выше. Вторая пуля вошла в подбородок снизу и застряла в затылочной кости, — поэтому наиболее вероятно все-таки стрельба с нижнего лестничного марша...

— А гильзы?

— Две гильзы у мусоропровода, на марш ниже трупа, третья — возле самого тела.

— Контрольный?

— Да, контрольный выстрел в голову. В левое ухо снизу вверх. Надо сказать, весьма характерная деталь.

— В смысле?

— В смысле навыка.

— Возможно. Так, значит, все пули в трупе? Стреляли всего три раза?

— Похоже на то. Выстрелов никто не слышал, видно, пушка, “ТТ”, была с глушителем. Но ее пока не нашли. Гильз тоже больше не обнаружили.

— Понятно. Почему решили, что работал не один человек? Какие-то следы?

— Следов нет. Но утром возле дома в машине вроде бы заметили двоих.

— А кто обнаружил труп?

— Жильцу в первом часу ночи взбрело в голову выносить мусорное ведро. Сперва подумал, что продюсер просто в стельку пьян. С ним, говорит, это случилось.

— Вот как! С трупа ничего не забрали?

— Ничего. Кейс с деньгами, золотые часы “Ролекс”, еще что-то по мелочи, включая и навороченный мобильник, – все на месте.

— Где он оставил машину? Что с ней?

— В обычном месте парковки, во внутреннем дворе, недалеко от подъезда. Ее не трогали.

— Да-а... Типичный заказняк. Шансы, сдастся мне, самые минимальные... Ну, что ж, нужно, не откладывая, все осмотреть. Пока еще есть, что смотреть.

— Все готово, Игорь, все документы. Заскочи только к юристу, это на Беговой, поставь формальную подпись: контракт уже составлен. Прокуратуру можно известить и завтра. Наша оперативно-следственная группа и конторские уже закончили работать на месте, так что тебе и карты в руки.

— Тогда нечего рассиживаться. Будем надеяться на лучшее... Ты за рулем? Меня подбросишь?

— Только до Беговой. Мне еще надо мчаться к возбужденному начальству, выслушивать там последние ценные указания.

4

Вот я и добрался, наконец, до этого внушительного дома, возвышающегося над столетними липами бульвара.

В рустованном гранитном цоколе, украшенный богатым декором – пилястрами, пышными розетками, карнизами — он когда-то олицетворял собой величие эпохи. Но грянули перемены, и, изъеденный смогом, почернел фасад, много лет не видевший ремонта, обвалилась кое-где штукатурка. Мало что осталось от былой помпезности.

Я медленно проехал по боковой дорожке, внимательно оглядывая окрестности и заодно выискивая удобное место для парковки: надо было поставить машину так, чтобы она не бросалась в глаза. Свернув за угол, нашел пустое пространство в длинной шеренге разномастных автомобилей. Моя темно-синяя не первой свежести “пятерка” в этом ряду выглядела обычно.

Часы на приборной панели показывали десять минут шестого. Довольно много времени отняли все эти предварительные приготовления: формальности в конторе адвоката (зато теперь я был во всеоружии и с согласия родственников потерпевшего мог официально предпринять некоторые действия); потом еще пришлось ехать в гараж, а оттуда, уже на своей машине, домой, чтобы захватить нужный инструментарий, крайне необходимый в подобной ситуации.

Не торопясь, я запер машину и пересек заросший кустарником двор.

Посередине был устроен детский городок, качели, лестницы, песочница и тому подобное. Ближе к дому располагались скамейки, возле которых кучками собрался народ: старушки в разноцветных платках, вездесущие подростки, взрослые. Немного поодаль я заметил стоящий в кустах стол для игры в домино, но игроков за ним не было.

Метрах в двадцати, наискосок от подъезда, стояли три автомашины, среди которых черный “Гранд Чероки” продюсера.

Чувствовалось висящее в воздухе напряжение. Это, конечно, совсем не нравилось мне, но другого трудно было ожидать через семнадцать часов после убийства и почти сразу же вслед за отъездом объединенной следственной бригады.

Как можно более непринужденным шагом я направился к такой знакомой по телерепортажу обшитой деревянными рейками подъездной двери.

Какое чувство я испытывал в этот момент? Только досаду оттого, что добрый десяток пар глаз уставился мне в спину. Вся лирика мигом улетучилась из головы, мысль работала четко, кончики пальцев похолодели.

Я потянул за дверную ручку и вошел в полутемный с легким затхлым запахом подъезд.

Глаза не сразу привыкли к полумраку: слева висели почтовые ящики, мрачно-зеленая краска на стене кое-где облупилась.

На нижней площадке не стоило задерживаться, нужно было начинать с подробного исследования третьего, где был застрелен продюсер, и прилегающих к нему этажей. Поэтому я ограничился беглым осмотром пола, стен, дверей лифта.

На первый взгляд, ничего интересного не было: пол довольно чистый, мытый дня два назад, без каких-либо жидкостных натеков, но уже с нанесенным с улицы песком, похрустывающим под подошвами, — на таком обнаружить и выделить чьи-то конкретные следы довольно трудно, если вообще возможно.

Пятен крови или чего-либо подобного тоже видно не было.

На площадке между вторым и третьим этажами витал запах влажной тряпки — значит, здесь недавно убирали. Кафель возле мусоропровода был тщательно вымыт, но в межплиточных швах недалеко от стены я разглядел следы мела, указывающие, по всей вероятности, места, где лежали две стреляные гильзы..

Я прикинул взглядом расстояние до лифтовой площадки следующего этажа.

“ТТ” выбрасывает гильзы вправо и назад на два-семь метров, и, если стреляли с нижнего лестничного марша, гильзы, выброшенные давлением пороховых газов из патронника, срикошетив о противоположную стену, вполне могли оказаться на этом месте.

Я достал из кармана увеличительное стекло и внимательно исследовал шероховатую поверхность стены в надежде обнаружить следы рикошета. Вкупе со вторым ранением продюсера в подбородок, когда пуля вошла снизу, эти следы дали бы мне твердую уверенность в том, что киллер поджидал жертву где-то во дворе, в кустах или машине, и зашел в подъезд почти сразу вслед за жертвой.

Однако никаких царапин, даже самых мельчайших, на старом слое краски мне найти так и не удалось. Что, конечно, не исключало рикошета — просто гильза могла удариться о стену цилиндрическим корпусом или шляпкой, не имеющих острых краев.

Тогда я подробно осмотрел углы площадки мусоропровода, куда не достает обычно тряпка уборщицы и где вместе со старой грязью могло сохраниться что-либо для меня интересное. В дальнем углу я действительно нашел обломок спички и крошечный обрывок от обертки жевательной резинки, но и то и другое было посеребрившим от пыли и поэтому меня не заинтересовало.

Оглядев окно и на всякий случай отметив сектор обзора двора из него, я медленно двинулся по лестничному маршу к третьему этажу: мое внимание опять-таки привлекали углы ступенек.

Но и здесь меня ждало разочарование: неведомая “тетя Дуся” постаралась на славу: ни мельчайшего мусора, ни плевков на стенах, ни тем более окурков — все подметено и вычищено идеально.

Я шагнул на лифтовую площадку и огляделся.

В маленьких коридорах по обе стороны в четырех одинаково обитых черным дерматином дверях блестели бусинки глазков. Таким образом, непосредственное место трагедии обозревалось соседями безупречно. Это стоило взять на заметку.

Слева от лифта, на стене, начиная от полутораметровой высоты донизу, виднелись замывные следы крови. Бледно-розовые разводы были и на пестром кафеле пола. Вокруг них, неровно опоясывая, шла еле заметная прерывистая меловая черта — так называемое “ложе трупа” — обведенный контур тела в том положении, в каком застала человека смерть. Судя по его малым размерам и неопределенной форме, а также по наличию следов крови на стене на значительной высоте, с большой долей уверенности можно было предположить, что после второго выстрела смертельно раненного продюсера качнуло на стену и по

ней он сполз на пол, так и застыв в полусидячем положении. Голова была запрокинута назад и наклонена вправо — иначе нельзя произвести контрольный выстрел в левое ухо снизу вверх.

Итак, сценарий убийства примерно следующий: жертва зашла в подъезд, вслед за ней, спустя некоторое время, киллер. Что задержало его на улице? Ведь он смог нагнать продюсера лишь на третьем этаже! Сидел в машине? А если преследуемый предпочел бы подниматься на лифте? Или было точно известно, что он всегда ходит пешком? Все равно, больно уж ненадежная схема. Правда, ожидание на лестничной клетке тоже имеет свои минусы: во-первых, могут заметить соседи, во-вторых, у жертвы есть путь к отступлению. Шансы выжить, конечно, минимальные, но мало ли что может случиться, например, осечка или перекок патрона в патроннике...

И сколько было выстрелов? Только три?

Я встал спиной к лифту, пытаясь представить себя на месте погибшего. Потом сделал шаг вправо, вернулся на исходную позицию, шагнул вперед и влево, обернулся — за моими плечами оказалась затянута мелкаячейстой металлической сеткой лифтовая шахта. А что, если?.. Я подошел ближе и стал пристально рассматривать проволочное плетение.

Темно-серая краска, которой красили сетку, была хотя и не первой свежести, но держалась крепко, что облегчало поиск следов механических повреждений.

Тем не менее, начав примерно с двухметровой высоты, что было сантиметров на пятнадцать выше роста погибшего, и постепенно опускаясь вниз, лишь после нескольких минут кропотливых поисков (и почти на уровне пояса) я наткнулся на едва заметный свежий скол. Я еще раз оглядел его через увеличительное стекло: тусклый блеск стальной проволоки, несомненно, указывал на недавнее механическое воздействие твердым предметом. Это могло быть все, что угодно — велосипед или какая-нибудь другая вещь, небрежно прислоненная хозяевами, да мало ли что еще, — но затеплилась уже надежда. Я достал карманный фонарик и осветил ту часть стены лифтовой

шахты, куда, следуя по восходящей траектории, должна была ударить пуля.

Стена была гладкая.

Я обшарил лучом порядочный кусок запыленной бетонной поверхности, но результат оказался тем же.

А может, лифт стоял в тот момент на третьем этаже?

Уже намереваясь вызвать кабину и осматривая стену целиком лишь для очистки совести, я наткнулся на него. Да, это был определенно след от пули: свежая воронкообразная выщербина с боковым сколом, указывающим направление рикошета. Но она находилась почти на уровне пола, и “запятая” рикошета указывала вниз и влево. Тогда выходит... стреляли сверху? Как же в таком случае могло получиться, что ранение в подбородок было нанесено снизу? Значит, киллеров было двое? И они блокировали жертву с двух сторон? Что-то слишком мудрено. Да и четыре выстрела на двоих — маловато.

А что, если представить себе такую ситуацию: продюсер поднимается по лестнице и, миновав третий этаж, вдруг натывается на направленный на него сверху ствол, инстинктивно выбрасывает вперед руку, получает первую пулю, отшатывается назад, второй выстрел — мимо; теряя сознание, запрокидывает голову — третья пуля попадает в подбородок, и четвертая — контрольная — уже после падения. В таком случае все сходится. Только... Только вот две гильзы — их ведь нашли на пол-этажа ниже... И куда тогда делась четвертая?

Времени было в обрез, нужно было продвигаться дальше, искать следы на верхних этажах.

Я поднялся на марш выше и оглядел место убийства под новым углом. Похоже, киллер начал стрельбу именно отсюда. Все указывало на это: соотношение высоты лестничного пролета и роста продюсера, расстояние до жертвы и до шахты лифта. Клочок белой бумаги, вставленный мной в ободранную ячейку сетки, зрительно закрывал приметно то место, где в стене была выщербина, плюс-минус несколько сантиметров.

Оставалось только произвести точные измерения для того, чтобы узнать рост убийцы. Но это я отложил на потом.

Меня жег один неотвязный вопрос: где, на каком этаже, поджидал киллер свою жертву? Скорее всего, на площадке между последним этажом и чердаком: именно там можно было находиться относительно долгое время с наименьшим риском засветиться.

Я посмотрел на часы: пять сорок пять.

Странно, но я еще не столкнулся ни с кем из жильцов, хотя движение лифта было довольно интенсивным — двери хлопали на верхних этажах.

Шагая через ступеньку, я быстро стал подниматься по лестнице, беглым взглядом окидывая пол, подоконники и все более или менее загрязненные углы. Между пятым и шестым этажами я наткнулся на несколько свежих окурков, валявшихся около мусоропровода, хотя рядом, на решетке ограждения, висела закопченная консервная банка с загнутой крышкой, служившая пепельницей. Я присел на корточки и, не прикасаясь к ним, внимательно их изучил.

Два человека, мужчина и женщина, курили из одной пачки “Винстон”. На некоторых окурках виднелись сочные следы бледно-розовой помады. Эти окурки были довольно большой длины и все приплюснуты с обгоревшего края.

По всей вероятности, дама, молодая или молодящаяся яркая блондинка, тушила их каблук.

Другие, наоборот, были выкурены почти до фильтра и погашены плевками.

Судя по тому, что курильщики не пользовались импровизированной пепельницей, хотя она находилась под рукой, оба не являлись жильцами этого дома и, кроме того, были под хмельком. Многочисленные засохшие плевки вокруг указывали на обильное слюноотделение.

Густо накрашенные губы, долгие разговоры вдали от чужих ушей в незнакомом доме... Вечеринка? Но на вечеринке если и не курят всей компанией в комнате, уединяются на кухне, в ванной...

Семейные посиделки? Так или иначе, это нужно взять на заметку. Да и с заядлым курильщиком-работягой, повесившим банку-пепельницу (она была наполовину заполнена окурками “Примы”), тоже следовало поговорить.

Наверху заскрипела и хлопнула входная дверь, послышались тяжелые шаркающие шаги.

Я мгновенно распрямился и через плечо глянул на площадку шестого этажа: из коридорчика медленно показалась полная пожилая женщина и, подозрительно покосившись на меня, пошла к лифту.

Одета она была просто, руки ничем не заняты, видно, направлялась на прогулку во двор.

Быстро прикинув, что могу вытянуть из нее кое-какую информацию, я поднялся по лестнице и показал ей свое удостоверение. Стараясь, чтобы голос звучал ровно, с мягкой, доверительной интонацией, проговорил:

— Я частный детектив, работаю по просьбе родственников погибшего. Извините за беспокойство, вы не скажете, кто обычно курит на той площадке?

Она напряженно посмотрела на раскрытые корочки, не прочитав ни слова, перевела испуганные глаза на меня, зачастила на неожиданно высокой ноте:

— Ой, ой, и не спрашивайте, ничего я не знаю, ничего! Это какой-то кошмар! Совсем бандюги распоясались, скоро из квартиры нельзя будет выйти!

— Извините, но возможно...

В этот момент на площадке остановился поднимавшийся с нижних этажей лифт.

— Это какой-то кошмар, кошмар! — Она неуклюже повернулась ко мне боком, потянулась к блестящей стальной ручке, давая понять, что разговор окончен.

Из кабины вышел длинный худосочный подросток, вопросительно посмотрел на нее, поздоровался, потом перевел взгляд на меня.

Кляня себя за излишнюю поспешность, я, скрепя сердце, обратился к нему.

— Паренек, подожди минуту! Я тут пытаюсь выяснить детали вчерашнего происшествия, вот мое удостоверение. Ответь мне, пожалуйста, на пару вопросов.

Глаза его расширились.

— Происшествия? Вопросы?.. Но я ничего не знаю...

Грохнула металлическая дверь лифта, и мы с ним остались на площадке вдвоем.

— Да меня, собственно, интересует самая малость. Я займу у тебя всего минуту. Скажи, здесь была вчера какая-то вечеринка? Кто-то что-то отмечал?

Он удивленно вскинул брови.

— Да-а... А вы откуда знаете? У соседей был небольшой сабантуйчик...

— В какой квартире?

— В двадцать второй.

— И до которого часа?

— Наверное, часов до одиннадцати. По крайней мере, после уже было тихо.

— А кто обычно курит на той площадке? — я указал на висевшую консервную банку.

— А-а, это снизу, из девятнадцатой мужик.

— Вот и все, что я хотел у тебя узнать. Спасибо!

Парень нерешительно переступил с ноги на ногу.

— И я могу идти?

— Конечно.

Мне действительно от него ничего больше не было нужно. С жильцами из 19-й и 22-й квартир предстоял отдельный неторопливый и обстоятельный разговор.

Продолжая путь наверх, я думал о том, как преподнесет среди кумушек наш разговор эта толстая испуганная старуха. Если в невыгодном для меня свете (а это наиболее вероятно): “Там какой-то мужик шляется” — тогда скоро жди гостей в серых мундирах. Тем более следовало поторопиться...

Я легко преодолел последние этажи, не заметив ничего интересного. У лестницы, ведущей на чердак, с бьющимся сердцем остановился. Здесь, где-то здесь, должны были остаться следы убийцы! Или убийц.

В воздухе витал легкий гнилостный запах. Весь последний лестничный марш и площадка перед чердаком были основательно захламлены, видно, не часто сюда добиралась со своей тряпкой ретивая уборщица.

Ступени и пол покрывала почти сплошная корка многомесячной грязи, кое-где принявшая цвет разлитых жидкостей. Тут можно было найти и коричнево-красные следы дешевого портвейна и еще чего, попахучей. На ступеньках, на полу, на бордюрах, окаймлявших площадку — всюду густо лежали окурки, обрывки газет, смятые пачки. На обрешеченной лесенке лифтовой комнаты стояла свежая опустошенная бутылка из-под импортной водки.

М-да! Несладко пришлось киллеру, коли он здесь поджидал, вдыхать все эти ароматы. Но ничего не поделаешь — издержки профессии. Мне тоже иногда приходится заглядывать в такие укромные уголки совсем не по собственной воле.

Стараясь глубоко не дышать, я несколько секунд оглядывал это просторное поле былых пиршеств. Сколько тут предстояло кропотливой работы!

Перво-наперво, меня интересовали, конечно, следы обуви. На третьей ступеньке возле бурого липкого пятна я сразу заметил довольно четкий отпечаток половины подошвы, судя по протектору, импортных туфель 43-44-го размера. Но кто сейчас ходит в отечественной обуви? Разве только древние старики. Я сделал осторожный шаг — под ногами заскрипел песок — и внимательно изучил рисунок следа: несколько окружностей с расходящимися в стороны лучами. Потом занялся россыпью окурков, валявшихся поблизости.

Это были в основном дешевые отечественные сигареты — “Прима”, “Астра”, встречались также смятые гармошкой гильзы “Беломора”. Давность — навскидку около суток. Возможно, убийца

не того пошиба и не станет курить подобную дрянь. Но, памятуя о том, что за последнее время в “мокрую” профессию ударилось множество отставных военных с полевым опытом, нередко предпочитающих “крепкий” отечественный табак, я внимательно оглядел находки.

Гильзы “Беломора” с необычно фасонистой частой гармошкой глубоко закушены, измочалены зубами у краев: видно, курильщик смаковал папиросу, перебрасывая ее во рту из угла в угол. В таком случае вокруг должна быть гора спичек — “Беломор” не любит гурманов, гаснет через каждую минуту. Рядом, однако, валялись лишь три скрюченные полусгоревшие спички, а это означало, что курильщик пользовался зажигалкой.

На окурках “Астры”, наоборот, бумага едва тронута губами. И те и другие окурки лежали кучно, сдобренные общими плевками. Это уже как-то притупило мой интерес: трудно представить, что два душегуба мирно беседовали, поджидая жертву. Когда же, приглядевшись, я увидел на огарках спичек неровно заостренные края, слегка окрашенные остатками пищи, я и вовсе оставил этот уголок лестницы. Мирная трапеза двух выпивох, унесших с собой пустую бутылку и стакан (если он был), меня совсем не занимала.

Через две ступеньки картина почти повторилась. С той лишь разницей, что в качестве “закуски” фигурировала “Прима”, окурки и смятая пачка которой валялись здесь же. Однако давность этих посиделок измерялась, как минимум, уже тремя-четырьмя днями, что подтверждали окаменевшие и слегка потемневшие от пыли окурки, — это место я сразу пропустил. Оставленный рядом скомканный обрывок бесплатной (примечательная деталь) рекламной газеты также не отличался особой свежестью.

Я поднимался все выше и выше, а того, что меня интересовало, не было. Я просчитал с большей или меньшей степенью достоверности все последние вечера этого убогого пристанища, заглянул даже и в несколько отдаленное прошлое: застывший на бордюре под толстым слоем пыли использованный

презерватив (кто бы мог подумать, что здесь заботятся о гигиене) позволил представить себе веселенькую картинку! Но что мне было до этого — нужных-то следов отыскать не удалось.

Добравшись до верхней площадки, я в задумчивости повертел в руках бутылку из-под водки “Флагман”, осмотрел увесистые, прямо-таки амбарные замки на дверях чердака и лифтовой комнаты. Как ни прискорбно, следов не было.

И вдруг... Случайно брошенный в угол взгляд вдруг наткнулся на трещину. Небольшую трещину в штукатурке стены. Черную, змеившуюся вдоль панельного шва трещину. В одном месте она странно прерывалась. Что бы это такое могло быть? Я сделал два шага и наклонился к ней. В штукатурку были аккуратно вставлены два окурка с белым фильтром. “Кент”. Вот оно!

У меня бешено заколотилось сердце. Сдерживая себя и не веря еще в удачу, я дрожащим пинцетом извлек первую бесценную находку на свет. Свежий. Очень даже свежий! Мне даже показалось, что на фильтре еще не высохла слюна, хотя, конечно, это была фантазия. Цилиндр фильтра сплюснут зубом, окурочек потушен плевком, и подгоревший табак еще влажен — а это уже реальность! Ни в коем случае не дать высохнуть влаге, не потерять ее ни миллиграмма. Я раскрыл целлофановый пакет и один за другим опустил в него окурки. Потом несколько раз перегнул край и закрепил его скрепкой. Уже кое-что есть. Осталось осмотреть пол и стены...

С помощью лупы я тщательным образом исследовал угол, но ничего больше не обнаружил. Что ж, не будем столь привередливыми, надо довольствоваться малым.

Часы показывали шесть восемнадцать.

Я спустился на восьмой этаж, по пути заглянув в окно: отсюда не было видно не только припаркованной иномарки погибшего, но и доброй половины стоянки. Значит, был все-таки еще сообщник на улице, который координировал действия исполнителя?

Стоя у лифта, я задумался. Теперь, когда прошло несколько минут после находки, когда я поостыл и мог спокойно все взвесить, я готов был забрать свои восторги обратно.

Свежие окурки? Ну и что? Спрятаны в трещину? Тоже ни о чем не говорит. Просто аккуратный человек попался, не захотел сорить. Если уж на то пошло, профессионал вообще не стал бы курить, а покурив, все свое унес бы с собой. Других-то находок нет, как нет и малейших намеков на то, что они могут появиться. Так что нечего обольщаться.

По мере того как холодный душ разочарования остужал мой пыл, в голове все отчетливее проступала другая, прежняя мысль. Занятый осмотром, я на время отодвинул ее на задний план, теперь же она с неизбежной неотвратимостью снова возникала передо мной. Где четвертая гильза? Куда она могла подеваться? Оперативно-следственная группа, по словам Кондратьева, обнаружили три. Уборщица мыла полы позже и тоже ничего не нашла — иначе было бы известно. Так в чем же дело? Киллер стрелял с верхнего лестничного марша? Как же тогда гильзы оказались этажом ниже? Если только провалились в довольно широкий проем между площадкой и окном? Но и в этом случае они вряд ли могли оказаться в тех местах, где их нашли. Хотя, черт его знает. Гильзы могут быть где угодно: как-то во время следственных мероприятий я обнаружил одну аж на люстре. В том убийстве фигурировал “маузер”...

Стоп! Ведь патроны для “ТТ” скопированы с патронов “маузера” и, естественно, подходят к нему. А “маузер” выбрасывает гильзы вперед и вверх... Неужели стреляли из “маузера”? Очень похоже... Убийца держал пистолет не параллельно лестнице, а немного под наклоном и под углом влево — это видно по траектории пули, которая осталась в шахте, и первые три гильзы, упав на нижний марш, скатились еще ниже, на площадку между вторым и третьим этажами. Но... Там нашли-то только две. А третья? Может быть, провалилась в щель между лестничными пролетами? В таком случае ее нужно искать в самом низу.

Я вызвал лифт и, пока он поднимался до последнего этажа, еще раз прокрутил в мозгу возникший вариант. Допустим, “маузер”. Но зачем киллер забрал оружие с собой? Все равно эксперты по пулям — по количеству нарезов, по крутизне этих нарезов, ширине полей — без труда определяют тип пистолета. Какой смысл было так рисковать, брать ствол с собой, везти его, пусть даже и до первой сточной канавы?

На первом этаже я заглянул в закуток под лестницей: в затянутом паутиной углу тускло поблескивал медный бочок гильзы! Я усмехнулся: подобное везение казалось просто нереальным. Трепетно извлек сокровище из пыли, понюхал, хотя в этом и не было надобности, — гильза выглядела очень свежей. Пахнуло сгоревшим порохом и смазкой.

Цифры, проставленные на шляпке, 539 и 50, указывали на то, что патрон был изготовлен в 1950 году на тульском заводе “Штамп”.

Я аккуратно положил находку в целлофановый пакет и убрал его подальше, в брючной кармашек для мелочи, намереваясь рассмотреть подробно в более подходящей обстановке.

Часы показывали тридцать пять минут седьмого.

Итак, что в результате получается? Подтверждается версия о том, что в продюсера стреляли все-таки с верхней площадки. Выстрелов было четыре. Использовался, по всей видимости, пистолет системы “маузер”... Киллер, возможно, ожидал жертву у служебной лифтовой комнаты, возле двери на чердак, имея связь с кем-то, кто следил за перемещениями жертвы от казино... Убийство...

Но через секунду мне было уже не до размышлений.

Дверь подъезда стремительно распахнулась, и в проеме показались два стража порядка в бронежилетах и с автоматами наперевес. Один из них бросился ко мне, истошно вопя:

— Лицом к стене! Быстро! Руки на стену!

Ничего другого я, собственно, и не ждал. Хорошо хоть, что случилось это не так скоро.

— Документы! Что здесь делаешь? — уткнув ствол автомата в мой бок, сержант с проворностью щипача зашарил по карманам свободной рукой.

Я старался сохранять спокойствие.

— Загляни в задний карман. Да убери свою железяку, отличишься как-нибудь в другой раз.

Он вытащил корочки, в которые была вложена пластиковая карточка частного детектива, и несколько секунд недоверчиво изучал ее.

Я искоса глянул на него через плечо, не удержался, хотя знал, что лучше этих ребят не раздражать.

— Что там такого увидел необыкновенного?

Сержант мгновенно вскинул на меня глаза, круглая физиономия налилась кровью.

— Закрой пасть, пока зубы целы!

Подошел второй.

— Что такое, Петя? Что он тут выпендривается?

— Да детектив гребаный! Ксиву паршивую заимел и думает, все теперь у него на мази!

— Да-а? Детек-ти-ив? — с издевательской гримасой протянул второй. — Из какой фирмы?

— Здесь не написано.

— Я сам по себе.

Глядя на их недовольные мины, я попытался сгладить ситуацию, но не тут-то было.

— А в чем проблема-то, мужики? Я что-то нарушил, что-то сделал не так?

Старшину буквально перекосило от злобы.

— Ты что, я не пойму, слишком умный?! Петя, в браслеты его! В отделении посмотрим, что это за птица.

Щелкнули наручники.

Ну, что, добился своего? И поделом. Нечего было гонор свой показывать. Мало того, что час теперь вылетит псу под хвост, еще и перед жильцами нарисуешься в весьма интересном виде.

Однако нужно было искать выход из положения.

— Ребята, подумайте, а вам от этого кисло потом не станет? — как можно медленнее и внятнее проговорил я и тотчас получил дубинкой по почкам.

— Иди, иди, умник!

Под белы ручки меня препроводили к “уазику”, стоявшему неподалеку от подъезда, и запихнули в заднюю дверь. Когда машина уже трогалась с места, в зарешеченное окно я увидел целое собрание любопытствующих бабушек, среди которых с гордо поднятой головой стояла и давешняя испуганная гражданка. В ее черных глазах-бусинках светилось торжество исполненного долга.

Еще я успел заметить, что лакированного черного джипа продюсера на стоянке уже нет.

Сидя на тряской деревянной лавочке, я обдумывал ситуацию. То, что меня привезут в отделение, как-то мало тревожило: проверят и отпустят. Но при обыске обнаружат окурки и, главное, гильзу. Придется давать объяснения. Про окурки, допустим, наплету какую-нибудь чушь — их просто выбросят... Гильзу же изымут, а я ее еще толком не рассмотрел. Да и потом, станут искать четвертую пулю, а мне на нее так хочется взглянуть самому! Вот к чему приводит слишком длинный и невоздержанный язык...

Старшина, сидевший на правом сиденье, со злорадной ухмылкой обернулся ко мне:

— Ну что, дружок, замолчал? Прикусил свой острый язычок?

— Жалко, ты в подъезде не дернулся. Грохнули бы тебя там, на месте, потом вложили бы в руки газульку, и вся недолга, — задумчиво крутя баранку, проговорил сержант.

— Спасибо за откровенность. А что касается прикушенного язычка, старшина, я вот думаю, кому позвонить сначала: в ваш отдел, майору Хитруку, или немного повыше, своему знакомому полковнику в главк. И как ваши доблестные похождения покрасочней преподнести.

Силы слов мы, увы, часто не знаем.

Завизжали тормоза. Спасла меня только отличная реакция: не успея я вцепиться в скамейку, тягаться бы моему лбу в крепости со стеклом. “Уазик” остановился как вкопанный. Другие, совсем другие лица смотрели теперь на меня. Тлела в них еще ненависть, но превозмогали уже ее недоумение и беспокойство.

Я улыбнулся.

— Я что-то не то сказал?

Старшину передернуло.

— Руки давай сюда, — он освободил меня от наручников. — Бери свою ксиву и выкатывайся. И держись подальше от того подъезда, если не хочешь без жопы остаться!

— Как скажешь, начальник. Твою бы сверхсообразительность да на пользу делу!

Я с силой хлопнул дверцей, и, взревев, “уазик” рванул с места.

Номер машины я на всякий случай запомнил.

5

Вечером я лежал на диване и, разглядывая замысловатый узор на обоях, не спеша подводил итог суматошного дня.

Что и говорить, слишком много выпало дел для нескольких часов.

После того как я был милостиво отпущен понятливым старшиной, я еще успел заскочить к хорошему знакомому в экспертно-криминалистическое управление и передать ему свои маленькие находки — два окурка с белым фильтром, обратив особое внимание на их свежесть.

Меня интересовали следующие вопросы: во-первых, сигареты — фирменные или самопальные; во-вторых, пальчики, если они есть; в-третьих, что-нибудь о зубах и, в-четвертых, по возможности, что-нибудь о слюне.

Эксперт, которому я все это перечислял, расторопный малый, не раз оказывавший мне подобные платные услуги, согласно кивал, хитровато прищуриваясь:

— О'кей, о'кей, старина. Все постараюсь выяснить. Даже сообщу тебе, если повезет, какая у курильщика группа крови.

Я, в свою очередь, тоже за словом в карман не полез:

— Заметано. За все дополнительные сведения, которые удастся добыть, плачу по двойному тарифу.

— Ловлю на слове!

Гильзу я пока оставил у себя: хотелось еще ее попристальнее рассмотреть.

Я снял телефонную трубку и набрал номер. Голос Шуры был на редкость жизнерадостным.

— Как дела, Пинкертон?

— Нашел кое-что. Может, и ерунду, а может... Короче, проверю сперва сам, потом отдам твоим ребятам.

— Ты серьезно?

— Нет, шучу!

— Молоток, молоток. Ребята тоже кое-что в машине откопали, когда осмотрели подробнее.

— Машину отогнали на вашу стоянку?

— Естественно.

— Что нашли?

— Это потом, Игорь, при встрече. Так ты заметил, что джип продюсера исчез со двора?

— Спрашиваешь! Его забрали, пока я по лестницам топал. Меня, кстати, немного покатали местные мазурики на своей раздолбанной колымаге...

— Не понял!

— Да менты из местного ОВД.

— А как они там оказались?

— Не знаешь как? По своевременному сигналу особо бдительных граждан.

— И что?

— Ничего. Мне, как ты понимаешь, совсем не улыбалось делиться своими маленькими трофеями с кем бы то ни было. Пришлось вспомнить некую полузабытую фамилию из главка и слегка раскинуть пальцы веером.

— А они?

— А что они? Чуть-чуть сбледнули с лица и передумали везти меня к себе в гости.

— Грамотно.

— Короче говоря, завтра я еще там немного похожу, а вечером встретимся и поболтаем. Может, появится что-нибудь определенное. Когда похороны?

— Послезавтра.

— И где?

— Наверное, на Ваганьковском. Я еще уточню.

— Хорошо, если на Ваганьковском. Не знаю почему, но нравится мне это кладбище. Покойно там лежать в деревянном ларце в компании с Есениным и Высоцким.

Перебросившись еще несколькими фразами, мы попрощались, и я опять растянулся на диване.

Что еще оставалось сделать в подъезде, от которого крутые ребята в серой форме советовали мне держаться подальше? Найти пулю, рулеткой измерить все концы. И потихоньку приниматься за опрос соседей... Но это потом, потом...

Я взял с журнального столика гильзу и приблизил ее к глазам. Трасса от зуба выбрасывателя была видна на боку корпуса и на фланце невооруженным взглядом. А вот следа отражателя я не обнаружил, сколько не присматривался. Но это меня ничуть не огорчило. Наоборот, все складывалось пока как нельзя лучше: дело в том, что механизм экстрактирования гильз у “маузеров” устроен несколько иначе, поэтому след отражателя на стреляных гильзах практически неразличим.

Впрочем, мои наблюдения все равно носили слишком поверхностный характер и позволяли делать лишь предположительные выводы. Окончательное заключение о марке пистолета мог дать, конечно, лишь эксперт-баллист.

Я подумал немного и снова придвинул к себе телефон. Через полминуты ангельский женский голос в трубке произнес:

— Алло!

— Наденька!

— Игорь?!

— Милая моя! Без тебя не сладок мне и знойный юг. Я вернулся, валяюсь дома на диване и с нетерпением жду тебя!

6

Половицы противно заскрипели в ночной тишине, и я бросил опасливый взгляд на кровать. Но Надя по-прежнему безмятежно спала, красиво раскинув на подушке тонкие голые руки. Я стиснул зубы и продолжил на цыпочках свой путь в коридор.

Ровный мертвенный лунный свет лежал на всех предметах в гостиной, и я не сразу разглядел стрелки на сияющем циферблате часов, — они показывали половину двенадцатого. Значит, я спал не более получаса, ведь мы улеглись около одиннадцати.

Будто какой-то толчок разбудил меня именно в это время: сутки назад тот, кто лежит сейчас в холодильнике судмедэкспертного отделения безмяянного городского морга, выходил из казино, приятно возбужденный выигрышем и выпитым по этому случаю бокалом изысканного французского коллекционного вина.

На губах продюсера играла улыбка и, конечно, ему и в голову не приходило, что жизнь его стремительно приближается к концу.

Он подошел к своему новенькому, недавно приобретенному джипу и, оглянувшись еще раз на бегущую разноцветную рекламу казино, удовлетворенно хмыкнул.

Потом он мчался по опустевшим полутемным улицам огромного города, погрузившегося в сон, особенно-то не разглядывая светофоры, и под ровный гул мощного двигателя думал, что все в этом мире в конечном итоге зависит от тебя самого: поверь в свои силы, собери волю в кулак, устремись в нужном направлении, и ты всегда добьешься успеха! Конечно, не помешает и малой толики удачи... Но удача — лишь желательное приложение, не более того, и способна только приблизить

опьяняющий миг победы, к которой тебя и так ведут твои воля и неукротимое стремление!

Двигаясь по причудливо испещренному луной городу, я смотрел на исчезающую под колесами “пятерки” ленту дороги, и события минувшей ночи с такой отчетливостью вставали перед глазами, словно я был их непосредственным участником.

Я видел, как на одном из перекрестков дорогу иномарке преградил полосатый жезл неизвестно откуда взявшегося инспектора ДПС.

Смачно выругавшись, продюсер нажал на тормоз, и послушная машина — две с лишним тонны сверкающего металла — с визгом пронеслась двадцать метров, замерла у обочины. Ни сдавать назад, ни выходить из машины продюсер не стал, а лишь приспустил немного боковое стекло.

В зеркало ему было видно, как из темноты показались сначала белые портупья, краги, а затем и недовольное лицо полуночного стража порядка.

Постовой подошел и, молча приложив руку к головному убору, строго произнес:

— Куда спешим? Документы!

Продюсер поморщился как от зубной боли, достал из внутреннего кармана пиджака корочки с правами и заранее вложенной в них пятидесятидолларовой банкнотой и подал в окошко.

Подсвечивая себе фонариком, инспектор некоторое время изучал бумаги, потом, нагнувшись, пытливым взглядом заглянул в салон. Выражение его лица было уже совершенно иным. Лицо светилось неподдельным участием и предупредительностью.

— Вы тот самый Виктор Кривицкий? Очень-очень приятно! Всегда с удовольствием смотрим ваше шоу, моя жена от него просто в восторге!

Продюсер усмешливо скривил рот.

— Направляетесь домой?

— Да, лейтенант. А что?

— Видите ли, — постовой замялся, не решаясь намекнуть на алкоголь, — сегодня ночью посты значительно усилены, вам бы поостеречься... Мало ли всякого сброда по улицам шляется... Так вы того, поаккуратней бы со скоростью... — и с извиняющей улыбкой протянул обратно документы.

— Благодарю за дельный совет, лейтенант. Всего хорошего, — сухо ответил продюсер и, даже не взглянув на тисненую обложку корочек, из-за которой по-прежнему выглядывал край банкноты, нажал на педаль газа.

— Всего! — инспектор некоторое время смотрел на стремительно удалявшиеся габаритные огни. Потом достал рацию и, нажав на кнопку, коротко произнес. — Жди. На подходе.

Из плоской черной коробки, искаженный помехами, донесся далекий шелестящий металлический голос:

— Понял...

Не доезжая одного квартала до места, я заглушил двигатель и вышел из машины.

Луна делала почти фантастической картину ночного бульвара. И довольно непредсказуемой: зыбкие колеблющиеся и резкие, неподвижные силуэты кустов и деревьев, утопавшие в чернильной мгле углубления домов, легко позволяли укрыться тем, кому это было нужно.

Я пересек улицу и, стараясь держаться в тени, пошел вдоль фасадов. Хотя я специально и надел темную одежду без каких бы то ни было блестящих мелочей, обувь на мягкой каучуковой подошве, это мало могло помочь, ведь мне приходилось двигаться.

Так, бесшумно ступая и до боли в глазах вглядываясь в пестроту теней, я дошел до нужного дома. На улице не было ни единой души.

Несмотря на не очень поздний час (хотя я и не видел циферблата, почти наверняка знал, что стрелки приближаются к двенадцати), во всем здании не горело ни одного окна. Даже лестничные пролеты никак не были освещены. Что-то странное и зловещее проглядывало во всем этом.

Я осторожно прошел через двор и, не заметив ничего подозрительного, направился к подъезду.

Что меня потянуло в столь неподходящее время к возвышающемуся мрачной громадой дому? Я и сам не мог ответить на этот вопрос. Какое-то непонятное сочетание профессионального интереса и нездорового любопытства.

С гулко бьющимся сердцем я взялся за дверную ручку, потянул ее на себя и шагнул в темное чрево подъезда.

Удивительно, но прежнего затхлого запаха не было. Напротив, я почувствовал слабый аромат изысканных духов, как будто совсем незадолго до меня в дом вошла молодая, изящная женщина.

Я шагнул вправо от дверного проема и с полминуты постоял у входа, чтобы глаза привыкли к несколько иной, нежели на улице, освещенности. Лунные лучи проникали сквозь окна на площадку между первым и вторым этажами, и скоро в их неверном свете я уже мог различить ровные ряды почтовых ящиков на стене, сетчатое ограждение лифтовой шахты.

Я сунул руку в карман пиджака, снял пистолет с предохранителя и медленно двинулся вверх по лестнице.

По мере того как я поднимался выше, стараясь держаться ближе к стенам, заглядывал в коридорчики, то и дело прислушиваясь, напряжение росло. Я чувствовал, как взмокла ладонь, сжимающая рифленую рукоятку пистолета; сердце билось учащенно и глухо; во рту пересохло.

Перед третьим этажом до меня донесся легкий шорох — так едва слышно шелестят складки одежды, когда затаившийся человек вынужденно делает какое-либо движение. Я застыл и весь превратился в слух. Прошло несколько томительных секунд, но звук не повторялся. Неужели померещилось? Я сделал очередной шаг и, вскинув голову вверх, едва не споткнулся от неожиданности: на площадке третьего этажа, у лифта, привалившись к стене, полусидел человек. Неестественность позы — неловко поджатая под туловище правая нога, запрокинутая

назад голова — не оставляли никаких сомнений в том, что он был мертв.

Вот так дела! Именно в такой позе сутки назад на этом месте был обнаружен труп продюсера.

Кровь жаркой волной бросилась мне в лицо, тело покрылось противным липким потом. Что это еще за штучки? Кому вздумалось так по-идиотски шутить?

Я поднялся на несколько ступеней и подошел к трупу.

Это был молодой еще мужчина, чем-то похожий на своего предшественника, хотя, возможно, мне и показалось — влияли схожая обстановка и полумрак. Его широко открытые остекленевшие глаза, подсиненные луной, смотрели прямо на меня. На мгновение мне стало не по себе от этого немигающего, пронизывающего насквозь взгляда. Но я взял себя в руки, коснулся пальцами его шеи: пульс не прощупывался, однако тело было еще теплым, — смерть, видно, наступила совсем недавно...

Я наклонился над ним пониже, и опять до моего слуха донесся этот отвратительный шелест. Я стремительно распрямился, одновременно втискивая руку в карман, но было уже поздно: сверху неярко полыхнула желтая вспышка пламени, и в левое плечо будто ударили горячим молотом. Рука сразу онемела, но поначалу я не очень обратил на это внимание. Со стоном сделал размашистый шаг и снопом повалился на пол коридора.

Лежа на спине недалеко от трупа, укрытый стеной, со взведенным пистолетом наготове, я оказывался в неожиданно выгодном положении. Мне оставалось только немного подождать дальнейшего развития событий. Секунды падали одна за другой тягостно долго. Я уже явственно слышал приближающийся шорох одежды... И тут тишину ночи разорвал близкий вой милицейской сирены...

Непонимающе я огляделся вокруг: на тумбочке истошно трезвонил будильник.

Фу ты! И приснится же такая околесица. Крепко, видать, забрало меня это дельце. Все еще пребывая под впечатлением мрачного сна, я помассировал затекшую в плече руку. Хотя ее и

немилосердно кололо иголками, чудесное избавление от ночного кошмара уже ничто не могло омрачить.

Рядом на широкой кровати, разметав роскошные каштановые волосы по подушке и выпростав из-под одеяла розовую пяточку, мирно спала Наденька (вот откуда запах духов в темном подъезде). В отличие от меня, отчаянный трезвон будильника не произвел на нее должного впечатления: она лишь заворочалась, что-то недовольно пробурчала себе под нос, перевернулась на другой бок и поглубже зарылась головой в подушку.

Однако это ей, а не мне, нужно было спозаранку собираться на работу. Поэтому я придвинулся поближе, забрался рукой под одеяло и по горячему бедру начал заманчивое путешествие наверх.

После нескольких попыток пресечь нахальное вторжение — отчаянно-быстрых движений ножкой — она поняла, что от визитера так просто не отделаться, и повернулась наконец ко мне с вымученной улыбкой, моргая заспанными глазами.

— Дай поспать-то.

— А девушке не пора ли собираться в свой любимый банк?

Она состроила гримаску.

— Ой, только не говори мне сейчас про работу!

Я тесно прижался к ней, провел рукой по обольстительным плавным изгибам, заглянул в замутненные сном зеленые глаза.

— Тогда поговорим о любви.

Она прерывисто вздохнула, высвободила тонкую голую руку и обняла меня за шею...

...Почти через час, после сумбурных ласк и стремительных Надиных сборов с отчаянными вскрикиваниями и поисками недостающих частей дамского туалета, я лежал в кровати умиротворенный и уже по-другому вспоминал давешний сон.

Во всем его неправдоподобии — в нереальности самой ситуации (я никогда не стал бы возиться с трупом, не выяснив, что там шелестит над головой) — таилось, однако, какое-то важное значение, символ, который я поначалу не мог расшифровать.

Поразмыслив же, я понял, что в подобном нагромождении невозможных, казалось бы, событий и проявляется суть нашей теперешней жизни — беспредела, густо замешанного на крови, всеобщей перетряски с совершенно непредсказуемыми последствиями. И неспроста я не встретил на улице ни одной живой души, и город не зря был без единого огня: все мы теперь стали одинокими — деньги, зависть, страх навсегда разъединили нас.

7

Начал я свой день с того, что набрал заранее припасенный телефон аварийной службы и изрядно раздраженным голосом сообщил в трубку, что в первом подъезде такого-то дома с раннего утра не работает лифт и что, если в ближайшее время не будут присланы мастера-механики, придется жаловаться в высокие инстанции, а тогда уж пусть пеняют на себя...

Через полчаса из машины, припаркованной на другом конце двора, я уже мог наблюдать двух молодцов в засаленных синих спецовках, разболтанной походкой направляющихся к нужным мне дверям. Я быстро покинул свой наблюдательный пункт и поспешил за ними следом.

Когда я вошел в подъезд, один стоял в задумчивой позе возле лифтовой двери, поглядывая на горящую кнопку вызова и почесывая затылок, другой, бормоча под нос ругательства, пытался связаться с диспетчерской, чтобы доложить о ложной информации.

— Пстой, приятель! — я постарался придать голосу возможно больше основательности.

Оба недоуменно глянули на меня.

— Это я звонил насчет лифта. Дело в том...

Их лица мгновенно помрачнели.

— Тебе что, делать больше нечего? — тот, который был около пульта, чернявый подвижный парень, довольно порывисто повернулся ко мне всем корпусом.

— Минуту! — я уже совал ему под нос корочки со своим удостоверением, стараясь сделать так, чтобы он ничего не смог разглядеть. — В этом подъезде сутки назад было совершено убийство. Вы в курсе?

— Ну, — раздражение в их глазах сменилось не менее неприязненной досадой.

— Мне нужно срочно осмотреть шахту. Займет это не более пятнадцати минут.

— Но мы не имеем права пускать в шахту посторонних! Не дай бог чего случится...

— Знаю, ребята, знаю. Таковы обстоятельства — время не ждет, некогда бумаги писать! Ваши же неудобства, насколько возможно, я компенсирую, — я пошевелил большим и указательным пальцами.

В этот момент после треска помех хриплый женский голос вырвался наконец из коробки переговорного устройства:

— Диспетчерская! Говорите! Диспетчерская!

Парни молниеносно переглянулись, и чернявый нехотя пробубнил в ответ:

— Это Григорьев из первого подъезда сорок четвертого дома. Выясняем причину неисправности лифта...

— Хорошо. Как устранили, сообщите.

В действительности же, для поиска пули мне понадобилось не более пяти минут. Дно шахты оказалось не таким захламленным, как я предполагал, и я без труда обнаружил среди скомканных бумаг и сигаретных пачек сплюснутый с одного бока блестящий кусочек металла со следами прилипшей штукатурки. Незаметно я положил его в карман и еще некоторое время для виду покопался в запыленном мусоре. Потом измерил рулеткой ширину и глубину шахты.

Когда я выбрался наружу и с искренней благодарностью протянул чернявому деньги, он с некоторым недоумением, граничащим даже с беспокойством, взял их.

— Ну, что-нибудь нашли?

— Нет. Но и это неплохо. Теперь точно буду знать, что ничего интересного там нет.

— А можно... Можно вас спросить?

— Да?

Он несколько мгновений колебался, потом отвел в сторону глаза и быстро проговорил:

— Почему вы один и почему суете мне деньги?

Я подождал, когда его бегающий взгляд вновь остановится на мне и с улыбкой отдельно произнес:

— Потому, что я один интересуюсь этим делом, и потому, что ты очень мне помог, — и, подумав, что этого объяснения может быть недостаточно, добавил. — Бери, бери, не скромничай! Не каждый день обламывается халява!

Парни, наверное, так и остались при своем недоумении: поднимаясь по лестнице на третий этаж, я слышал неуверенный голос старшего, докладывавшего в диспетчерскую об устранении поломки.

Но это меня, честно говоря, уже совсем не занимало.

Вроде бы решенный вопрос об оружии с новыми нюансами возникал передо мной.

Беглого взгляда на пулю было достаточно, чтобы увидеть всего лишь четыре правонаклонных нареза на ее стальной лакированной томпаком оболочке, в то время как у “маузеров”, с которыми я до сих пор имел дело, их насчитывалось ровным счетом шесть. Неужели все же стреляли из “ТТ”? А что это, собственно, меняет?.. Стоп-стоп. А как же тогда быть с отсутствием следа отражателя на шляпке гильзы? Да и сами гильзы, оказавшиеся на нижней площадке, когда самое место им лежать на верхней?.. Да. Вот тебе и удачно складывающиеся в общую картину детали.

Мучительно раздумывая обо всем этом, я тем временем делал необходимые измерения на третьем этаже.

Один, несомненно, положительный момент я все-таки имел, обнаружив следы четвертой пули: по ее траектории от ограждения шахты до стены, учитывая ограниченность пространства, я мог с

высокой степенью точности высчитать рост убийцы. А также почти наверняка выяснить, левшой он был или правой.

После несложных расчетов выходило так, что киллер был чуть ниже среднего роста, то есть около 170 сантиметров, и стрелял с левой руки. Что ж, это уже какая-никакая подвижка.

Ободренный своими неожиданными открытиями, я легко преодолел несколько лестничных маршей и остановился перед дверью с вычурной цифрой 19 на табличке.

Насколько по одежде можно судить о человеке — о его вкусах, общем уровне культуры, даже некоторых чертах характера, материальных возможностях — настолько, по моему глубокому убеждению, обо всем том же могут поведать и другие предметы, тесно связанные с повседневным его обиходом. В данном случае дверь в квартиру, несомненно, демонстрировала уклад жизни и повадки ее обитателей.

На аляпистой, окрашенной грязно-серой эмалью двери с засаленным дочерна пространством вокруг ручки выделялась витиевато выгравированная медная табличка с номером, прикрепленная сверху. Видно, когда-то здесь любили и ценили красоту: только умелые, терпеливые руки могли создать эту оригинальную вещицу. Но теперь все в прошлом, все уже позабыто, все заброшено. Давно не мыта дверь, и тряпка под ногами воняет мусоропроводом...

Из квартиры доносился бодрый голос спортивного комментатора.

Имеет ли смысл наносить визит в это логово? Что могут мне рассказать интересного его обитатели? Да и будут ли они вообще со мной разговаривать? Но... Консервная банка, регулярно наполняемая окурками, — это частые выходы на лестницу... А значит, и высокие шансы на встречу с кем-нибудь посторонним.

Переборов секундные сомнения, я решительно утопил кнопку звонка. Мелодичное треньканье вплелось в сумбурный репортаж с футбольного матча и вскоре затихло.

Поначалу за дверью не было слышно никаких признаков жизни, никаких шевелений, как будто телевизор работал в пустой

комнате. Затем скрипнул стул, раздалось невнятное бормотание, шарканье босых ног по полу, загремел замок, закрытый на один оборот, и дверь широко распахнулась.

Я, честно признаться, не ожидал такого откровенного безразличия от жильца, в доме которого немногим более суток назад было совершено убийство.

Передо мной стоял тщедушный мужичонка средних лет, одетый в хлопчатобумажные тренировочные штаны с пузырями на коленях и синюю майку. На его лице не отразилось ничего: ни удивления, ни любопытства.

Мы несколько мгновений молча смотрели друг на друга. Наконец он произнес:

— Чем обязан?

Я решил, что нет смысла заходить издалека, и сразу взял быка за рога.

— Я частный детектив. По просьбе матери погибшего выясняю некоторые обстоятельства... Вы слышали? — задал я, может быть, чересчур поспешно вопрос, видя, что он намеревается закрыть дверь перед самым моим носом.

— Да. И больше слышать не хочу.

Я ладонью мягко придержал дверь.

— Я готов вам хорошо заплатить за самую незначительную информацию...

Дверь поехала в обратную сторону. Теперь на лице мужичонки отражалась явная заинтересованность.

— Сколько?

— Ну, скажем, двадцатку.

— Чего?!

— Баксов.

— Идет! Только деньги вперед!

Я шагнул в прихожую, протягивая ему заранее приготовленную зеленую бумажку. Он с нескрываемым удовольствием ощупал ее, потом, с хрустом переломив, спрятал в задний карман тренировочных штанов и махнул рукой в сторону кухни.

— Проходите туда, в комнате не убрано... Обувь не снимайте! — прибавил он торопливо, хотя, откровенно сказать, я и не собирался этого делать.

Кухня оказалась просторной, почти без мебели, и довольно чистой. В мойке, однако, валялись кое-как брошенные невымытые тарелки. На столе стояла пепельница с окурками “Примы”.

Перехватив мой взгляд, хозяин ухмыльнулся, показав мелкие кривые прокуренные зубы.

— Моя малышкой в деревню поехала, так я тут почти что холостяком...

— Давно?

— В смысле?

— Уехала.

— Вчера вечером. А что?

— Да так, — я уселся на табуретку. — Не разрешает в квартире курить?

— Не-а, — я не заметил, чтобы его удивил мой вопрос. — Чуть что — так скандал. Табачный дым на дух не переносит. Да теща еще тяжелобольная...

— А теща где?

— Лежит в дальней комнате. Два года уж не встает. Так я втихую смолю пока здесь.

Я понимающе кивнул.

— Не буду вас долго задерживать, перейдем сразу к сути. Как я сказал, я частный детектив, по просьбе родителей занимаюсь не расследованием, нет, — таких прав я по закону не имею — а только выяснением некоторых деталей дела. Поэтому все, что вы мне сообщите, останется строго конфиденциальным, то есть останется при мне и не будет записано ни в какие протоколы, ни на какие пленки... Я даже не спрашиваю вашего имени. Улавливаете разницу?

— Да, да, конечно!

— Так вот, я хотел спросить... Позавчера на лестнице вам не попадался на глаза кто-либо посторонний? Вообще кого вы видели в течение дня?

Мужичок сначала пристально уставился на меня, старательно изобразив гримасу задумчивости. Потом отвел глаза в сторону, почесал затылок. Несмотря на все эти сложные движения, я отчетливо увидел, что в его взгляде не мелькнуло ни малейшего проблеска мысли. Другое с тихой силой разгоралось в зрачках — алчное желание поскорее выпить. Тем не менее я терпеливо подождал ответа. Он еще раз мельком глянул на меня.

— Это... Сразу ведь и не вспомнишь... Позавчера?.. — он тоскливо поднял глаза к потолку. — Позавчера... Видел я одного мужика... парня... Топтался он выше этажом...

— Когда по времени это было? Как он выглядел?

— Погодите, погодите! — он начал что-то соображать: до него постепенно доходило, что отрабатывать деньги все равно надо. А вспоминать ведь легче, чем придумывать. — Дело было около обеда... Да, да, я как раз собирался сбежать в ларек, пока моя отошла в магазин убираться... Курил на площадке и думал: успею или нет? А тут он спускается — высокий такой парень, кучерявый и в темных очках...

— Так, а еще никто не попадался?

— Еще? Сейчас... Хм...

— Ну, хорошо, до которого часа вы обычно выходите на лестницу курить?

— Когда как. Сейчас, пока дочки нет, моя-то дура все вечерние сериалы смотрит — раньше двенадцати не уложишь. Значит, вот до этого времени.

— А позавчера вечером?

— Стой, стой, дай-ка вспомнить!

— Вы не спешите, подумайте.

— А-а... Так позавчера у Филимоновых посиделки были, и парень с девкой все на площадке торчали... Вечером я и не выходил, чтоб не случилось какого скандала — выпивши они были, — моя разрешила мне курить на кухне.

— Понятно. Ребята-то местные?

— Какой там! Не-ет, не местные, в первый раз видел.

— Описать их сможете?

— Описать?.. — по мере того как огонь нетерпения в его глазах разгорался, желание двигать языком заметно уменьшалось.
— Ой, я уже сейчас и не вспомню...

Я понял, что и здесь меня ждет неудача: больше из него ничего не вытянуть.

— И последний вопрос, который я хотел задать. Филимоновы в какой квартире живут?

Мой собеседник вздохнул с таким облегчением, будто сбросил с плеч тяжелую ношу.

— Филимоновы-то? В двадцать второй, на шестом!

8

“Если все сразу складывается достаточно удачно, если информация так и течет в руки, оглянись — правильным ли путем ты идешь?”

Я сидел за столиком в погребке, рассматривал на свет рюмку, наполненную божественным “Двином”, и мучительно пытался вспомнить, откуда взялась в моем багаже эта фраза.

А кто сказал, что есть какие-то значительные подвижки? Из чего это следует? Найдены четвертые пуля и гильза, и с их помощью установлено, что киллер стрелял с верхней площадки, предположительно, не из “ТТ”? Ну и что? Означает ли это, что убийца (наверное, все-таки непосредственный исполнитель был один) поджидал свою жертву на лестнице и его могли увидеть жильцы? Вовсе нет.

Во-первых, по рации или по мобильнику вполне реально было предупредить о готовности за минуту до приезда продюсера. А во-вторых, все равно никто ничего не скажет, даже если б что-то подозрительное и заметил. Наглядный пример: страждущий подкаблучник из 19-й квартиры... Дальше? Обнаружены странные окурки без отпечатков пальцев? Сей факт тоже может ни о чем не говорить. Просто аккуратный электромонтер в лоскутных перчатках (на которые потом надеваются резиновые) перекуривал перед тем, как покопаться в щите лифтовой комнаты. Что еще? Какие еще интересные детали выявлены в результате осмотра за

эти два дня? Установлены рост и леворуко́сть киллера? И тогда, соответственно, след от обуви большого размера на последнем лестничном марше не подходит? Очень хорошо. Только нелишне держать на заметке, что эти довольно точные расчеты не являются все же неоспоримыми...

Ах, да. Эксперт-доброхот, обещавший большие открытия, сообщил мне также, что сигареты родные, штатовские, и, сверх того, что у курившего их, по всей видимости, фиброз печени — неактивная форма хронического гепатита. Учитывая то обстоятельство, что инфекционным гепатитом чаще заболевают скученные группы граждан, к которым, в первую очередь, можно отнести эков и военных, это, конечно, дает какой-то призрачный шанс...

Я глотнул из рюмки обжигающей янтарной влаги.

Хватит самоистязаний. Это переизбыток накопившихся за два дня впечатлений дает о себе знать. Главное сейчас — быть целеустремленным и последовательным. Побоку сомнения. Так что: “Вейным путем, идем, товайищи!” — как сказал бы никогда не сомневавшийся в своей правоте лысый классик. К тому же в запасе есть еще 22-я и другие квартиры, с жильцами которых не пришлось пока побеседовать по причине буднего дня. Есть вдова и деловые партнеры, сотрудники по телепередаче. И почему это я заранее уверен в их низкой общественной сознательности?.. Да и баллисты, которым я отвез пулю с гильзой, глядишь, что-нибудь добавят... Короче, не время закисать, все еще прорисуеться впереди. Надо только иметь профессиональное терпение.

— Что, соколик, нос повесил, что глядишь нехорошо? Или дезы не приметил, или компры не нашел?

— А-а, Шурик... Ты теперь изъясняешься виршами?

— И притом собственного сочинения.

Я подозрительно глянул на его сияющую физиономию.

— Что-тостряслось из ряда вон. Либо грамоту дали за служебное рвение, либо...

— Либо?

— Либо какая-нибудь красотка согласилась.

Шурик усмехнулся.

— Давай, давай, следопыт, издевайся. Я, между прочим, ценную информацию тебе несую, а ты вот как меня встречаешь!

— Интересно, что же такое могли отыскать ваши умельцы, от чего ты в рифму заговорил?

— Очкарики из баллистической экспертизы выяснили, что стреляли не из “ТТ”, а из “маузера”! Редкая модель 1905 года: относительно небольшой, шестизарядный, нарезка ствола, как у “ТТ”, и крутизна, и шаг, и количество нарезов, и ширина полей. Только по гильзе и определили. Недавно перехватили партию таких из Прибалтики...

— Ого! Это многого стоит.

— Еще бы! Стреляли, по-видимому, все-таки с верхней площадки. Значит, исполнитель или исполнители ждали на лестнице на последних этажах. Наши сегодня лазили там...

Я не смог скрыть ехидной ухмылки.

— Чего ты кривишься? Хочешь сказать, это для тебя не новость? Есть удачные находки?

— Боюсь, ребят ждет разочарование.

— В смысле?

— Да я вчера совершенно случайно наткнулся на гильзу, а потом и пулю нашел... Тоже подумал почему-то, что это не “ТТ”...

— Совершенно случайно... подумал... Что-то ты больно скромничаешь! Где же ты их сподобился откопать?

— Гильзу – на первом этаже, в запыленном углу под лестницей, пулю – в лифтовой шахте. Завтра передам их вашим, то есть следственной бригаде. Как раз собирался.

Шура присвистнул.

— Неплохо. И наверху, конечно, уже тоже пошуровал?

— Да. Кое-что есть занимательное... Но об этом рано — может быть, и чушь. Ты скажи лучше, в джипе что нашли? А во дворе?

— В джипе, в укромном уголке, обнаружили около пяти граммов опия.

— Ого! Наш кудесник, оказывается, еще и пыхал.

— Это пока неточно. Возможно, держал для друзей и подружек. На заднем сиденьи нашли несколько женских волосков разной длины и цвета, следы спермы.

— Занятно. Употреблял девушек в домике на колесах. Роскошная жизнь, ничего не скажешь. Еще что?

— Пожалуй, пока все.

— Негусто. Ну, а мобильник? При убитом ведь осталась трубка...

— Осталась. Над обширным списком, зафиксированном в мобильнике, сейчас корпеют двое моих коллег. Подробная информация пока недоступна... Да! Несколько визиток обнаружили в ежедневнике, в бардачке джипа. Эти данные я смог переписать на листок.

— И ты мне до сих пор толкуешь о наркоте и о бабах?! Ну, Шура! Давай сюда, — я глянул на приличной величины список. — Ты смотри, в основном, конечно, очень солидные фигуры: банкиры, рекламный и шоубизнес, издательства, даже экспорт леса! А неплохой аппетит был у нашего покойника.

— Может, потому он и покойник?

— Может.

— Кстати, конторские спихнули дело нам, посчитав, что причина убийства — в банальной конкуренции. То есть, понимай: политикой тут и не пахнет.

— Это можно было предвидеть... Ваши во дворе и в прилегающих переулках искали?

— Искали. И очень тщательно. Но ничего — никаких следов. Сейчас идет опрос жильцов.

— Ясно. Я тоже тут опросил одного, если можно так выразиться, соседа.

— Ну, и что?

— Круглый ноль.

По моему знаку к нашему столику подошла Светочка и, любезно улыбнувшись, поздоровалась с Кондратьевым.

— Добрый вечер, молодой человек.

— Добрый!

Девушка перевела взгляд на меня.

— Что еще принести?

— Что-нибудь основательное моему голодному другу: стейк, телячьи почки, говяжью вырезку? Выпивки пока хватит, — я показал глазами на едва начатую бутылку “Двина”. Ну и мне легкое продолжение. А то как-то скучновато сидеть над пустой тарелкой.

Света согласно кивнула.

— Как скажете, мальчики!

Шура проводил ее пристальным взглядом.

— Аппетитненькая деваха, все при ней. И мордашка ничего, смазливая. Ты ею еще не интересовался?

— Нет. Предоставляю тебе возможность действовать.

— А что! Я бы не прочь...

Я закурил сигарету и окинул глазами зал. В этот вечерний час он был почти полон. Неподалеку, за сдвинутыми столиками, сидела шумная компания молодежи. Разговор был очень оживленным — оттуда то и дело слышались острые шуточки и взрывы пока еще сдерживаемого смеха. Дальше коротали вечер странная троица малоразговорчивых девиц, двое ребят с подругами, супружеская чета средних лет и довольно беспокойное сборище кавказцев. Экспансивные южане перебрасывались отрывистыми гортанными фразами, сопровождая их соответствующими энергичными жестами, и недвусмысленно поглядывали на скучающих соседок.

Все эти многочисленные детали я отметил мельком, только как фон, не заслуживающий более пристального внимания.

Заинтересовал меня, лишь отчасти, субъект, сидящий ко мне спиной почти у самого входа, в приятном обществе молодой дамы. Как ни старался я припомнить, когда, в какой момент вошла в зал эта пара, у меня ничего не получалось.

Что привлекло мое внимание? Может быть, излишняя напряженность в позе кавалера? Он сидел немного ссутулившись, и почему-то все время поворачивал голову влево, будто желал убедиться, что его костюм с этой стороны безупречен. Притом, как

мне показалось, весьма рассеянно слушал собеседницу. Но такое поведение можно было объяснить тысячей разных причин.

Я наклонился к Кондратьеву, с сосредоточенным видом потягивавшему коньяк.

— Шурик! Аккуратно и не сразу глянь-ка вон на того паренька — что-то он мне не нравится.

— Кто? Где? Тот, который у входа?

— Да. Не пасет ли он нас?

— Брось ты! С чего ты взял? Да и как это вообще может быть? Думаешь, те менты, что тебя прихватили в подъезде, доложили-таки начальству?

— Нет, конечно, это полная чушь.

— Я тоже так думаю. Ну и кто тогда? Кстати, ты сообщил в прокуратуру об официальной договоренности с родственниками?

— Сообщить-то сообщил, как и положено, все равно информация просочится через адвокатуру очень быстро... Но с этой стороны вряд ли пока стоит ждать подвохов.

— Значит, ты хочешь сказать, что просто от дома к тебе кто-то сел на хвост, а ты этот хвост проморгал?

— Исключено. Прежде чем подъехать сюда, я несколько раз проверялся, петлял по переулкам.

— Отлично. Прикинем тогда с другой стороны: ты считаешь, в слезке за нами есть сейчас для кого-то смысл?

— Смысл всегда есть. Лишняя информация никому и никогда еще не вредила. А Кривицкий, как я раньше слышал, работал в тесном контакте с известным опальным олигархом, налаживал рекламный бизнес. А у того в свое время в руках была крутая охранная фирма, в которой трудились всё сплошь бывшие комитетчики.

— Почему была? Она и сейчас есть.

— Вот то-то и оно. А я тебе о чем толкую? Потому и надо нам с тобой поживей поглядывать по сторонам. Но к этой теме мы еще вернемся... Ты узнал, где будут хоронить?

— На Ваганьковском, сбоку от колумбария.

— Завтра?

— Да. В двенадцать отпевание, потом в яму.

— Вдова-то как? Неутешна? Когда с ней планируют говорить ваши следователи?

— Пока не форсируют. Наверное, через пару-тройку дней. Подошла Света с заказом.

— Ваше жаркое, мальчики. Чтоб сил у вас было побольше. Шура оживился.

— А что, Светочка, мужики нынче слабые пошли?

— Не то слово! Вообще ни на что не годные.

Тут уж не выдержал я.

— Ну, это ты загнула чересчур.

Девушка задумчиво протянула:

— Или только мне одной такие попадаются?

— Готов с вами поспорить, что второе гораздо вероятнее!

Хотя с трудом верится, что у такой девочки...

Света польщенно улыбнулась.

— Вашими бы устами!

— Я на полном серьезе.

— А что, Светочка, присмотришь к этому молодому жеребчику: не курит, пьет в меру, спортом занимается.

— Да ну тебя!

Я засмеялся.

— Бабок хотя и не полон карман, но и не пуст. В этом году еще в отпуск в теплые края собирается.

— Да? Вам можно позавидовать, молодой человек! Ну ладно, приятного аппетита. К сожалению, не могу долго болтать — клиенты ждут.

— Смотри, упустишь своего принца, — я поднял рюмку и пригубил коньяк.

Посетитель, заинтересовавший меня, немного расслабился и даже перебрасывался редкими репликами со своей дамой.

— Что ты тут меня рекламируешь! — с негодованием набросился на меня Шура, едва девица отошла от столика. — Бабок полон-не полон карман, в отпуск в теплые края!

— Ну ты, зануда, дай хоть немного помечтать, завтра как-никак аванс получаю.

— На этот аванс еще пахать и пахать.

— Но кое-что уже все-таки сделано. Будем надеяться, продолжение окажется не менее занимательным.

— Будем.

— Ты, дружок, мечи почаще из своей тарелки, нам скоро на выход.

Исподволь мною овладевало какое-то странное, ничем не объяснимое спокойствие. Я потягивал коньяк и благодушно посматривал на ухоженный затылок незнакомца, когда молодой человек в очередной раз повернул голову влево и, видно, что-то уловив боковым зрением, медленно обернулся. На секунду наши взгляды встретились. Что-то в его глазах было напористое, такое, от чего я скромно потупился, всем своим видом давая понять, что произошло недоразумение: в мои ближайшие планы не входили какие-либо эксцессы.

Усиленно двигая челюстями, Кондратьев приканчивал свое блюдо.

Я сделал последний маленький глоток, провел языком по нёбу, желая подольше сохранить во рту приятный аромат коньяка.

— Наверное, я все-таки ошибся насчет того парня.

Шурик вскинул глаза.

— Какого?

— Того, что сидит у входа.

— Оно и понятно: слишком быстрой реакции ты ждешь от заинтересованных лиц.

— Не скажи. У некоторых людишек реакция бывает мгновенной.

— Да, но здесь, мне кажется, не совсем тот случай. Хотя в целом я с тобой согласен: в нашем деле лучше перебдеть, чем недобдеть.

— Хорошо, что мы пришли к одной и той же мысли.

— О чем ты говоришь, Игорь! Мне ли, ползающему под начальством, не помнить, что все-таки первая с краю задница — моя.

Я подозвал Свету.

— Золотко, посчитай нам, пожалуйста.

— Что, уже уходите?

— Да, дела. А насчет кавалера подумай, уверен на все сто — не прогадаешь.

Шура двинул меня локтем в бок.

— Мой друг самонадеянно думает, что мы с вами не сможем дошептаться сами, — он пристально глянул ей в глаза. — Но ведь это не так, верно, лапочка?

Света зарумянилась.

— Да, конечно... Приходите... Всегда будем рады...

— Договорились!

Мы двинулись к выходу.

— Ты своими кавалерийскими атаками портишь все дело, — бубнил за спиной Шура.

— Наоборот, кошечки любят пробивных и настойчивых, шибко уверенных в своих силах парней. Конечно, никто не спорит, первые наезды всегда трудноваты...

Сзади раздались торопливые шаги.

— Момент!

Мы одновременно обернулись. Перед нами стоял тот самый чересчур беспокойный посетитель погребка.

Я смерил его быстрым взглядом: ростом чуть ниже меня, пожалуй, помоложе, крепко сбит, тренирован. Глаза настоженные, холодные, нос слегка искривлен, как это бывает у боксеров.

— Чем обязан твоему вниманию?

Я оторопел.

— Ты что, сбрендил, паренек? Топаи своей дорогой, тебя никто не трогает.

Его реакция на грубость была молниеносной.

Он сделал шаг вперед и нанес сдвоенный удар — в голову и в печень. Я едва успел наклоном корпуса уйти от правого бокового и поставить локоть под левый прямой. По скуле будто кувалда проехала. Чисто автоматически я отскочил назад, и следующая пара кулаков просвистела в воздухе.

В такие моменты особенно не думаешь — тело само выполняет нужные движения. Не оставляя нападавшему времени для сокращения дистанции, я нанес ему молниеносный и жесточайший удар ногой по почкам, сблизился, отработал серию по корпусу, а когда он опустил руки, заехал локтем в нос.

Парень никак не ожидал такого бешеного напора. Из его носа хлестала кровь, взгляд помутнел. Я видел, что он был на грани аута. Но меня уже нельзя было остановить: наглецов нужно учить. Всю силу вложил я в последний правый прямой, и он кулем повалился на мостовую.

Все это произошло настолько быстро, что Кондратьев не успел и слова сказать. Он топтался на месте и лишь растерянно хлопал глазами.

Я наклонился, торопливо похлопал по карманам в поисках возможного удостоверения или оружия, но ничего не нашел.

Из дверей бара с криками выскочила дамочка.

— Слава! Помогите! Милиция!!

— Этой суки еще не хватало. Ноги!

Во всю прыть мы побежали вниз по переулку...

Уже через минуту мы отъезжали прочь от злополучного места. Неожиданная и мощная физическая нагрузка несколько выбила меня из колеи. Я никак не мог отдышаться, пару минут хватал открытым ртом холодный воздух.

— Вот... бля... шакалье! И что это... людям... спокойно не... живется?

— Ты понимаешь, есть такая категория — чересчур самоуверенных выродков.

— Ну... пусть теперь... отдыхает!

— А быстренько ты с ним разделался!

Я неспроста не хотел ввязываться в какие бы то ни было передраги: на поздний час у меня было намечено еще одно не терпящее отлагательства мероприятие.

Предупредив Надю по телефону, что еще задержусь, я поехал к двоюродной сестре. Много сил и нервов стоило уломать ее отдать мне на денек-другой Бармалея — симпатичного покладистого восьмилетнего коккер-спаниеля.

— Зачем он тебе? — спрашивала сестра, с подозрением глядя на меня. — Да и потом, от тебя коньячком пахнет, а он не любит запаха алкоголя.

— О чем ты говоришь? Я и выпил-то всего сто пятьдесят граммов.

— Сколько бы ни выпил...

— Ну я зажую все это дело миндалем...

Только после клятвенных заверений, что ничего не случится со всеобщим любимцем семьи и обещаний купить в качестве своеобразной компенсации пару больших пакетов фирменного корма, она поддалась на мои настойчивые уговоры.

В результате около одиннадцати вечера я уже прогуливался по бульвару, а рядом трусил слегка озадаченный Бармик, — как переименовала пса племянница, — видимо, по-своему, по-собачьи, недоумевая, зачем это мне понадобилось вытаскивать его на улицу в такую глухую темень.

Левая скула неприятно ныла, постоянно напоминая о странном происшествии.

Что это был за наезд? Самоуверенный наглец перепутал меня с кем-то? Или чего похуже? Вроде, не мент — по крайней мере, ксивы в карманах я не нашел. Татуировок на пальцах нет — значит, не сидел... В любом случае, не стоило зажигать свечу на столике: в полумраке ниши он меня бы не особенно-то разглядел...

Я совершал обход близлежащих к известному дому дворов в поисках интересного собеседника. Покладистый пес не выказывал пока ни малейших признаков недовольства. Мы уже познакомились с очаровательной голосистой болонкой, со

спокойным, медлительным бульдогом; основательно перетрусившего Бармика обнюхала молодая и быстрая как молния немецкая овчарка; перебрали с их хозяевами множество тем — от погоды до политики, а позарез нужного мне любителя вечерних прогулок все не наблюдалось.

Время приближалось к половине двенадцатого, я начинал нервничать, что вечер пройдет впустую. Мое нарастающее волнение не осталось незамеченным для Бармика: пес все чаще останавливался в своем неторопливом беге и поглядывал на меня. В бледном свете фонарей я различал в его добрых, покорных глазах нечеловеческие терпение и грусть. Он как бы заранее все знал и, может быть, извинял меня.

— Бармик, потерпи еще немного, хороший пес!

Но он как ни в чем не бывало отворачивался и, пофыркивая, продолжал семенить рядом.

В половине двенадцатого впереди послышалось хриплое отрывистое тьяканье некрупной собаки, и среди пестрых теней, отбрасываемых поредевшими деревьями в глубь бульвара, я увидел высокую темную мужскую фигуру.

Мы с Бармиком подошли поближе, и из кустов навстречу нам, хромя на все четыре лапы, мелкой трусцой выбежала болонка.

— Тотошка! — немедленно позвал ее хозяин, судя по мягкому хриловатому голосу, пожилой интеллигент.

Но пес, видно, очень старый, не нуждался в предостерегающих окликах. Он осторожно остановился в некотором отдалении от Бармика, внимательно его оглядел, потом невозмутимо продолжил свой путь.

— Бармик! Не приставай к собачке, — в свою очередь запоздало подал голос я, хотя умный пес, очевидно, и не собирался этого делать. Я обратился к хозяину. — Очень пожилой, наверное, ваш Тотошка?

В темноте блеснули стекла очков.

— Да нет, ему всего четырнадцать, живут и больше. Просто ревматизм его замучил.

Мужчина сделал несколько шагов, и я разглядел широкое, слегка одутловатое лицо.

— Да, я заметил, хромает он здорово.

— Вот лечим его, стараемся по сырому не выводить... Сколько уж проживет, столько и проживет...

— Конечно! Жалко беднягу.

— А вашему сколько? Не гуляете здесь? Что-то мы раньше вас не встречали.

— Да это не мой пес. Сестра оставила на пару дней, сама в командировку уехала. Она в другом районе живет, возле Тимирязевского лесопарка.

— Но он, я смотрю, с вами спокойно себя ведет. Хотя, что говорить, спаниели — очень умные собаки.

Я растянул губы в улыбке.

— Как-то стараюсь со всеми находить общий язык. Хочу вот завести себе тоже кого-нибудь, только покрупнее. В наши-то беспокойные времена!

— Может быть, какой-то резон в этом есть. Но большим собакам нужны и соответствующие условия, простор нужен. Люди этого не понимают — держат их в двухкомнатных клетушках. Потом, если здраво рассуждать, собака мало в чем способна помочь. Коли нужно, так все равно в самом неожиданном месте подстерегут и сделают, что захотят: изнасилуют, ограбят, убьют. Вон как Кривицкого позавчера... Слышали, конечно?

Я как можно непринужденнее ответил:

— Конечно. Но это особый случай.

— Особый, считаете? Тем более! Если решились убить такого известного человека, не испугались громкого скандала, что говорить о простых смертных? — он махнул рукой, как бы заранее прекращая возможный спор.

Главное не делать паузы. Ненавязчиво, осторожно подвигать разговор в нужное русло.

— Тут я с вами не согласен. У больших людей свои счета. Им, конечно, собака — не защита. Для того, чтобы выследить того же Кривицкого, уверен, наняли целую бригаду.

— Вы полагаете? — он внезапно понизил голос. — Знаете, а ведь мы с Тотошкой позавчера тоже здесь гуляли... Примерно в это же время, даже чуть позже... У него мочевого пузыря слабый, поэтому я и стараюсь всегда выйти с ним вечером попозже, а утром пораньше... Так возле того проулочка, — он неопределенно вытянул руку перед собой, — двое сидели в машине. Я еще обратил внимание: в салоне света нет, только два сигаретных огонька... Вот я сейчас после ваших слов и подумал: возможно...

Я чуть было не выпалил: “Где? Когда точно это было? Что за машина? Может, вы видели их лица?”

Вместо этого я только недоверчиво усмехнулся:

— Вы думаете, это были... они?

Собеседник странно посмотрел на меня.

— Кто?

— Убийцы?

Он нервно сглотнул. Черты его лица вдруг застыли, как у человека, внезапно осознавшего, что он позволил сказать себе лишнее.

— Нет! С чего вы взяли? Ерунда какая! — торопливо, сбивчиво пробормотал он. — Тотоша! Тотоша! Пора домой!

Коря себя за оплошность — всего лишь одна ухмылка, один дурацкий вопрос — я пробубнил ему в спину:

— Чего вы испугались?

— Нет, ничего, уверяю вас...

— Но вы, как будто, только что никуда не торопились.

— Вы нас извините, но нам действительно пора домой.

Он быстро зашагал прочь.

— Ну что ж, всего хорошего, — обескураженно проговорил я ему вслед, хотя на душе кошки скребли.

Ответа из темноты уже не последовало.

Что мне оставалось делать?

Я дошел до проулочка, на который неопределенно показывал хозяин Тотошки, сокрушенно потоптался на месте. Этот? А, может, тот? В таких потемках нечего было и думать о

качественном осмотре. К тому же и Бармик проявлял все больше нервозности — кончилось и его собачье терпение — он крутился на одном месте возле моих ног и тихонько поскуливал.

Я пнул ботинком ком слежавшейся высохшей травы, оглянулся — до дома продюсера было сто метров с небольшим.

— Ну, Бармик, делать нечего, лопухнулся я — ничего не скажешь! Поедем-ка и мы домой.

10

Паркет заскрипел под ногами, и Надя сонным голосом пробормотала:

— Ты угомонишься когда-нибудь?

— Спи, я буквально на две минутки...

Я вышел в коридор и тихонько прикрыл за собой дверь.

Три с половиной часа беспокойного сна не очень-то придали мне сил. Голова раскалывалась. К тому же боль в ушибленной скуле перешла на зубы. Чертыхаясь про себя и искренне жалея, что окончательно не добил того типа, я добрался до аптечки и проглотил таблетку анальгина.

В прихожей на неудобной подстилке беспокойно ворочался Бармик. Вот еще нехстати. Как-то все всегда попадает на один день!

Я почувствовал, как необъяснимое раздражение горячим комом набухает внутри. Но оно-то как раз и было не к месту.

Спокойно. Только спокойно. Первые дни всегда самые трудные. Ничего не попишешь: то, что не найдешь сразу, можешь потом никогда не найти, сколько ни старайся.

Бармик поднялся со своего импровизированного ложа и виновато подошел ко мне.

Я ласково потрепал его по холке, тихо заговорил:

— Вижу, не спится тебе, Бармик. Хороший! Ты потерпишь еще немного, правда, Бармик?

Пес смотрел на меня грустными глазами.

— Мне сейчас нужно уйти, Бармик. А ты, пожалуйста, ложись и спи. Я понимаю, понимаю, что здесь нет твоей

роскошной постельки, но это ненадолго. Ты уж извини. Я вот вернусь, и мы поедem к твоей маленькой хозяйке. А сейчас ложись и не беспокой Наденьку, умный пес! Пусть она хоть в субботу отдохнет.

Кое-как отправив Бармика на место, я быстро собрался, — благо, все уже было готово: темно-серые (черные видны ночью) широкие джинсы; матовая кожаная куртка, в больших внутренних карманах которой помещались сильный портативный бинокль, компактная видеокамера, многочастотная рация; в накладных карманах лежали фонарик, инфракрасные очки (ноктовизоры), кусачки, пила, универсальный набор отмычек, пластиковый пакет, таблетки обезболивающего и, конечно, сигареты со спичками.

Некоторое время я колебался брать ли с собой нож, хороший спецназовский тесак, наподобие того, с каким бегал по горам и по полям Рембо. Применения его, вроде бы, тьфу, тьфу, тьфу, не предвиделось, но и пустым я же не мог пойти. Другое оружие в данной ситуации вообще было неуместно.

В конце концов я укрепил нож на груди на специальном ремне.

В прихожей я пристально оглядел себя в зеркале, по привычке мягко попрыгал на носках и остался доволен: все хорошо уложено, не бренчит и, что не менее важно, не особенно выступает из-под куртки. Конечно, опытные глаза без труда бы различили небольшие странные выпуклости на теле, но в том месте, куда я направлялся, их в 4.30 утра не должно было быть.

По крайней мере, я бы очень не хотел, чтобы они были. Возможно, позже...

Я надел черные кроссовки, потрепал еще раз Бармика по спине, шепотом попросил его не хулиганить и, оставив короткую записку, бесшумно закрыл за собой дверь.

Сентябрьская ночь встретила меня слабой, почти бесплотной изморосью. Было, однако, довольно тепло. Асфальт мокро блестел в оранжевом свете уличных фонарей. Изломанные тени деревьев образовывали на мостовой причудливые узоры.

Изморось — это хорошо и плохо одновременно. С одной стороны — и каждый это знает, — дождь смывает все следы, с другой — достаточно побыть под такими невесомыми капельками пару часов, и сухой нитки на теле не останется. Что и говорить, перспектива не из приятных. Есть еще, правда, плюсы, которые примиряют с неудобным минусом: небо затянуто сплошной облачностью, а значит, видимость немного лучше, чем в ясную малозвездную московскую ночь. Но, главное, без нужды в такую погоду не высунут носы из теплых жилищ наружу ни двуногие, ни четвероногие.

После нескольких минут быстрой ходьбы я уже усаживался в свою “пятерку”, на всякий случай припаркованную в двух кварталах от дома, сбоку от мерцающих неонов витрин супермаркета. Времени до рассвета оставалось от силы полтора часа. Нужно было спешить.

Головная боль понемногу утихала, успокаивались и зубы, — лекарства оказываются очень эффективными, если прибегать к ним лишь в крайних случаях.

Мотор мерно работал на холостых оборотах, и постепенно ко мне возвращалось то рабочее, ровное настроение, с которым только и можно браться за подобные дела.

Я плавно тронул машину с места и выехал на шоссе.

Улицы были пустынные: ни одного прохожего, ни редкого автотранспорта. Дома мрачно смотрели на меня черными глазницами окон. Все правильно, так и должно быть в пятом часу утра. Правда, где-то в этой темной пустыне несли свою беспокойную службу бдительные стражи порядка, но я благоразумно поехал центральными улицами, чтобы избежать нежелательной встречи с ними.

Все же больше меня волновали не милицейские мундиры, а некие другие неброско одетые личности, которые тоже иногда предпочитают ночные прогулки под дождем...

В конце Звенигородского шоссе, в глухом углу возле гаражей, где не горел ни один фонарь, я остановился и заглушил двигатель. Теперь я был почти у самой цели: в какой-то сотне

метров прямо передо мной смутно белела каменная ограда Ваганьковского кладбища, а за ней... За ней, где-то там, во влажной мгле, возле колумбария, ждала своего постояльца раскрытая могила.

Еще с минуту я посидел в уютном, теплом салоне, мысленно проходя весь путь. Потом установил на руль блокиратор.

Стрелки фосфоресцирующих часов на приборной панели приближались к пяти. Пора.

Я выбрался из машины, стараясь не шуметь, закрыл дверцу и прислушался: кроме отдаленного лая бродячих собак да тихого, вкрадчивого шелеста листьев ничего не было слышно. Даже птицы еще молчали.

Где-то далеко протяжно и тоскливо загудел тепловоз.

Заперев машину, я огляделся по сторонам и, не торопясь, направился к высокому забору.

Не скажу чтобы я чувствовал себя слишком комфортно, хотя, конечно, и не впервой выбирался из дома в такое глухое время: подобные места несколько действуют на психику. Главное – глубоко и плавно дышать, не делать лишних движений, и тогда все скоро вернется к норме.

Преодолеть ограду оказалось делом не таким уж и сложным: в массивном кирпичном столбе, изъеденном временем, при ближайшем рассмотрении обнаружилось сразу несколько глубоких выбоин. Используя одну из них как своеобразную ступеньку, я приподнялся, схватился рукой за зазубренный край, легко подтянулся и через секунду перемахнул на ту сторону.

Запах сырости и тления густой волной хлынул мне в ноздри.

Здесь, за высокой глухой стеной стояла необыкновенная, завораживающая тишина. Казалось, даже листья и те застыли неподвижно на ветках — напряженный слух не улавливал ни малейшего звука.

Под кронами деревьев, пусть и изрядно поредевшими, было намного темнее, и только спустя некоторое время я смог различить

смутные очертания ближайших могил. Дальше все тонуло в непроглядном мраке.

Не сходя с места, я достал из кармана и надел инфракрасные очки. Картина ночного кладбища впечатляла: мгла расступилась, и в слабом зеленоватом свечении передо мной возникло немыслимое нагромождение крестов, надгробий, решетчатых оград, уходящее вдаль. Я огляделся по сторонам: в ближайшей полусотне метров, насколько позволяли сила оптики и местность, не было заметно ни сколько-нибудь ярких пятен, ни какого-либо шевеления.

Ступая осторожно, опасаясь споткнуться или за что-нибудь зацепиться, я начал выбираться на ближайшую дорожку. Сделать это было не так просто — у ноктовизоров слишком мал угол зрения — приходилось то пристально смотреть под ноги, то... Огромный мерцающий белый крест, раскинув перекладины-руки, внезапно возник передо мной. Я вздрогнул от неожиданности, но продолжал идти, одновременно уклоняясь от препятствия плечом — по куртке словно кто-то царапнул железными когтями...

На аллее освещенность была, как будто, получше. Я отстегнул окуляры от оправы и задрал голову вверх: облачность уже не была сплошной, небо расчищалось, и между полуголых ветвей кое-где проглядывали редкие звезды. Изморось прекратилась, потянуло свежим утренним ветерком — явный признак перемены погоды. До рассвета оставалось около сорока минут, а мне предстояло еще пройти к колумбариям четыре сотни метров. Правда, мой путь лежал теперь по прямой Писательской аллее. Но сколько времени займет обход здания, отыскивание удобного для наблюдения места?

Я медленно двинулся вдоль оград, напрягая зрение и слух. Не так далеко впереди, в глубине участка, на дереве затрещала проснувшаяся сорока. Я замер. Звук повторился: птица сидела на суку в нескольких метрах над землей. Вот я и обнаружил свое присутствие. Скоро почуют неладное собачки, хотя я и подходил с подветренной стороны, — тогда уж держись!

Я до середины расстегнул куртку, на всякий случай отщелкнул кнопку на ножках и продолжил путь.

Обеспокоенная сорока еще раз огласила тьму отчаянным криком и вспорхнула с ветки. В разных местах закаркали вороны, и кладбищенский парк как-то сразу наполнился всевозможными звуками, среди которых я, впрочем, не различил ничего подозрительного — ни осторожного хруста веток, ни каких-либо шорохов, выдающих нежелательное присутствие скрытого наблюдателя. Единственное место тревоги находилось возле меня.

С улицы донесся грохот и перезвон первого трамвая...

Я уже был почти в конце аллеи, когда где-то у главного входа, то есть на весьма приличном расстоянии от меня, заволновались собаки. Одиночные полусонные взбредивания вдруг приобрели визгливую тональность, потом сменились отчаянным, даже злобным коллективным лаем. Я насторожился. С чего бы это? Легкий ветерок дул мне в лицо, и я сам пока еще, вроде, не мог быть причиной столь неожиданной и бешеной реакции. Лай, между тем, постепенно перемещался в сторону кolumбария, цели моего пути, а это было совсем некстати.

Я проворно приладил окуляры на место и среди пестрого хаоса прямых и изломанных линий отчетливо разглядел быстро движущееся продолговатое пятно. Человек! Причем определенно направляющийся в мою сторону. Вот он миновал белое здание кolumбария и свернул на Писательскую аллею...

Ну, что же, очень даже хорошо. Взглянем поближе на полуночного странника: не оставалось ничего другого, как, спрятавшись за массивным гранитным надгробием, ждать дальнейшего развития событий.

Спустя совсем непродолжительное время я уже мог невооруженным глазом наблюдать из своего укрытия приближение черной фигуры.

Собаки отстали, испугавшись, видимо, темноты, и незнакомец, судя по громким шаркающим шагам, чувствовал себя совершенно свободно. Он даже что-то бормотал под нос, перемежая сбивчивую речь бессвязным мычанием. Бомж. Или

просто заплутавший пьяница... Куда он шел? И как здесь оказался в шестом часу утра? Безвольно мотая головой, он прошествовал буквально в трех шагах от обелиска, за которым я прятался, и меня обдало сложным запахом немытого человеческого тела, дешевого табака и перегара.

Вдали опять прогромыхал трамвай, взвыл мотор несущегося на полной скорости легкового автомобиля. После долгой и стылой осенней ночи город постепенно приходил в себя.

Некоторое время я еще наблюдал за так некстати проснувшимся бедолагой и, выждав, когда он свернул на боковую дорожку, выскользнул из-за укрытия.

Лай постепенно стих. Набрехавшись вволю, собаки убежали обратно к административным корпусам: кто-то привлек их внимание на улице.

Ни секунды не теряя бдительности, я осторожно приблизился к колумбариям с тыльной стороны. Теперь нужно было искать пожарную лестницу: участок, на котором выкопали могилу для продюсера, находился за зданием, перед фасадом, у Центральной аллеи, и появляться там было рискованно.

Я пошел вдоль стены. Десятки, сотни призрачных лиц смотрели на меня из крошечных ячеек колумбария в уже едва начавшей лиловеть мгле — целая армия судеб, закончившихся серыми горстками пепла.

Позади слева остались надгробные бюсты трех героев августовского путча, массивный тальковский крест, черневший на фоне неба. За углом я наткнулся наконец на пожарную лестницу...

11

Подходил к концу седьмой час моего пребывания под крышей, в тесном углу чердака, а траурной процессии все не было видно.

От долгого сидения в неудобной позе тело затекло, стало будто чужим. Я пытался дать хоть какую-то нагрузку конечностям, чтобы разогнать кровь, — поочередно вытягивал ноги, насколько было возможно, делал осторожные взмахи руками, напрягал и

расслаблял мышцы, — но это мало помогало. Ушибленная челюсть беспокоила надоедливой болью. Кроме всего прочего, меня одолевала сонливость — сказывался недосып последних дней. Правда, я успел урывками покемарить в те минуты, когда обстановка, казалось, не требовала непрерывного наблюдения. Но что такое несколько беспокойных мгновений вместо двух-трех часов полноценного безмятежного сна?

Уже среди утренних посетителей кладбища я заметил двух типов, вызывавших своим явно заинтересованным поведением весьма определенные подозрения.

Они появились на Центральной аллее через пять минут после открытия и сразу же направились в сторону колумбария.

Оба были выше среднего роста, спортивного сложения, коротко стрижены. В бинокль я хорошо различал их сосредоточенные лица, настороженные глаза, скупую мимику. Они настолько явно смахивали на топтунов, причем неквалифицированных, что поначалу мне было непонятно, зачем их подрядили на это мероприятие, где требовались люди незаметные и наблюдательные, прежде всего опытные психологи, — короче, люди совсем другого склада, нежели эти неотесанные костоломы. Хотя, отчего же я решил, что кроме них никого не будет? Скорее всего, их задвинут на заднюю линию, так, на всякий случай. А основную работу по наблюдению будут выполнять другие, которых, надеюсь, я еще увижу. В конце концов, столь раннее появление этой парочки давало почти стопроцентную гарантию того, что во тьме, среди крестов, блуждали только я да несчастный неопохмеленный забулдыга...

Я отложил бинокль и взял видеокамеру.

Двое свернули с аллеи и по тропинке подошли к раскрытой могиле. Теперь я видел их лица почти в профиль — в три четверти. С минуту они постояли молча, потом блондин, находившийся ближе ко мне, с ухмылкой отпустил какую-то остроту, от которой у его напарника язвительно скривились губы. Они поглазели еще немного и, аккуратно обойдя кучи

вывороченной земли, между оград не спеша двинулись в глубь кладбища.

Моя рация, настроенная на оперативную волну, хранила, используя подходящее к случаю слово, гробовое молчание.

Следующая пара оказалась в поле моего зрения чуть позже.

К этому времени по Центральной аллее поодиночке и малыми группками брели немногочисленные посетители. У большинства из них, убеленных сединами, был довольно скучающий вид, как у людей, не нашедших для своего досуга лучшего применения, чем утренний променад по осеннему кладбищу.

Впрочем, в редкой еще толпе видны были и энтузиасты.

Интеллигентная, со вкусом одетая мамаша уверенно вела вперед своих любознательных отпрысков, что-то торопливо объясняя им на ходу. Молодые глаза с нескрываемым интересом поглядывали по сторонам, на все эти серые, коричневые, черные каменные нагромождения с золочеными буквами известных фамилий, высеченных на полированных поверхностях. Костлявая старуха-смерть с косою представлялась им, в отличие от смиренно бредущих стариков, некоей сказочной химерой, не имеющей с реальностью ничего общего.

Мое внимание привлекла черноволосая молодая дама в элегантном демисезонном пальто песочного цвета, неторопливо прогуливающаяся вместе с задумчивым сорокалетним кавалером. Ее движения были полны независимости, с ярких губ срывались редкие слова. Промолвив очередную фразу, она глубоко затягивалась тонкой дамской сигареткой и, слегка поднимая подбородок, выпускала длинную струю дыма. Ее спутник по большей части хранил вежливое молчание.

Что-то в этой парочке сразу насторожило меня. Однако сначала я не мог сформулировать причину внезапно вспыхнувшего подозрения. Несоответствие ли места и времени прогулки (субботнее утро, хотя уже и не раннее)? Чересчур ли холодный тон разговора, отражавшийся на лицах? Так или иначе, но эти двое не походили ни на любовников, воспользовавшихся

удобным случаем для выяснения остывающих отношений, ни на супругов, ищущих пути к примирению на нейтральной территории (надо заметить, довольно странной). Скорее, они выглядели сослуживцами в самом традиционном смысле этого слова.

Да, пожалуй, это было лучшим объяснением подобного типа общения.

По мере того как время приближалось к одиннадцати, толпа возле входа становилась гуще. Скоро на аллее выплеснулись многочисленные группы туристов с тараторившими гидами во главе. Наблюдать стало крайне затруднительно. Несколько раз я еще отмечал для себя по тем или иным признакам выделяющиеся лица среди колышущихся волн людских голов, потом бросил это нелегкое занятие, сохраняя свежесть глаза для похорон.

Радиоэфир по-прежнему молчал. Я быстро проверил несколько резервных милицейских частот — разговоры не имели никакого отношения к развивавшейся на моих глазах ситуации. Тогда-то я и позволил себе немного расслабиться...

Тем временем возле могилы заметно росло оживление. Прибывали все новые толпы любопытствующих, репортеры выискивали удобные для съемки места. Привлеченные этой несколько нервной суетой, туристические группы останавливали свой лихорадочный бег и издали пытались приобщиться к происходящему.

Чувствовалось приближение заключительного действия этого мрачноватого спектакля со зрителями, статистами, второстепенными персонажами и главным действующим лицом.

Мою сонливость как рукой сняло: на дальних подступах я уже заметил двух утренних костоломов, — они разделились и стояли теперь в разных углах участка, со скучающим видом изучая надписи на надгробиях. Дама с кавалером тоже подошли поближе — на их лицах была та же отчужденность. Разглядел я и несколько других физиономий, мелькнувших в свое время и исчезнувших в водовороте толпы. Ожила, наконец, и рация:

“— Внимание! Отпевание закончилось. Через пять минут покойник будет у ямы. Выдвигаемся на места. В эфир выходить только в крайнем случае. Как поняли?”

— Второй понял.

— Третий понял.

— Четвертый понял.

— Пятый понял”.

Я навел бинокль на беспокойно колышущуюся толпу. Тут и там происходило непрерывное движение: задние ряды пытались протиснуться вперед, занявшие же удобные места граждане недовольно отпихивали их локтями. Между тем, ни костоломы, ни сладкая парочка не меняли своих позиций. Лишь один молодой человек в расстегнутом светлом плаще, с безразличным видом прогуливавшийся поодаль, подтянулся поближе.

По Центральной аллее уже несли гроб: темный лакированный ящик медленно плыл над непокрытыми головами.

Я всматривался в затушеванные скорбью лица родственников и совсем посторонних людей, и иная, житейская сторона случившегося внезапно предстала передо мной во всем своем трагизме.

Когда вплотную занимаешься каким-нибудь делом, увязаешь в чисто профессиональных мелочах, ломаешь голову над многочисленными загадками, эмоции как-то отодвигаются на задний план — на них просто не остается ни сил, ни времени. Так уж устроен человек: мозг на время избавляется от лишней нагрузки.

Теперь же, когда я воочию наблюдал, так сказать, “материальный” результат убийства — покойника в баснословно дорогом ящике, бледные лица провожающих — что-то, похожее на сочувствие, шевельнулось внутри. Я говорю “похожее” потому, что некогда было предаваться рефлексии — наступал час жаркой страды.

Оркестр, шествующий за гробом, тихо и величаво заиграл похоронный марш, и скорбная мелодия, набирая силу, скоро заполнила собой все пространство.

Словно подчиняясь ее плавному ритму, по аллее неспешно текла пестрая людская река. В первых рядах заметны были популярные лица — дельцы от шоу-бизнеса, актеры, журналисты и даже политики. Впрочем, ни одного мало-мальски значительного государственного чиновника я не увидел.

На боковых дорожках, привлеченные величественной процессией, останавливались зеваки. Их бойкие глаза шныряли по толпе, стараясь заприметить все, схватить все мелочи, чтобы потом с красочными преувеличениями рассказывать о событии среди знакомых.

Я вернулся к своим подопечным. Молодцы стояли на прежних местах и, вытянув шеи, поглядывали по сторонам — больше на окружающих, чем на погребальное шествие. Дама с кавалером внимательно рассматривали приближающуюся процессию. Их лица, однако, не выражали ничего, кроме любопытства. Парень в светлом плаще протискивался ближе к могиле. Еще две личности, которых можно было бы заподозрить в специфическом профессиональном интересе, находились в разных местах поблизости. Прочие же, почему-либо запомнившиеся мне по некоторым неброским мелочам, исчезли, растворились в огромной людской массе. Но остались запечатленными на видеокассете.

Приближался тот самый момент, ради которого и было потрачено мной столько усилий, момент, потенциально способный осветить некоторые нюансы — надо только уметь и успеть увидеть.

Оркестр доиграл траурную мелодию, и вдруг наступившая тишина мгновенно заполнилась шарканьем шагов, шорохом одежды, покашливанием, приглушенными голосами.

Процессия, вклинившись в толпу, раздвинула ее в разные стороны: несколько распорядителей с черно-красными повязками на рукавах деловито наводили порядок.

Некоторое время я рассматривал безмятежное лицо убитого продюсера. Оно было почти таким же, как и при жизни, — будто человек просто уснул, — разве только несколько более бледным.

Искусные гримеры постарались на славу: входных отверстий от пуль на подбородке и в левом ухе словно и не бывало.

Вдова, стоявшая у самого гроба во всем черном в заботливом окружении ближайших друзей и родных, комкала в руках носовой платок. За головами, плечами, спинами мне было в оптику видно только, как мелко дрожат ее судорожно сцепленные тонкие пальцы.

Чуть поодаль толпились телевизионщики, просто знакомые, знавшие погибшего не так хорошо, и потому смотревшие на происходящее скорее спокойно-сосредоточенным, нежели скорбным взглядом.

Дальше, в толпе, преобладало голое любопытство: зеваки, случайные прохожие, туристы были заинтригованы неожиданно свалившимся дармовым зрелищем пышных похорон. Живой обмен мнениями, нередко и ухмылки, выражающие особую пронизательность говоривших, — мол, сам виноват, нечего было лезть, куда не следует, — красноречиво свидетельствовали об этом.

Освоив общую картину, я принялся разглядывать избранные места. Мои топтуны стояли, видимо, в строго рассчитанных точках, и можно было со спокойной душой оставить их в покое.

Меня занимал другой, более важный вопрос: где-то в этой огромной толпе были люди (или один человек), пришедшие на траурную церемонию и находившиеся достаточно близко от гроба, настолько, чтобы все хорошо видеть, но при этом не очень выставляться на общее обозрение. Причина такой скромности легко объяснима: там, где они получают деньги, за самую малую оплошность карают отнюдь не отсрочкой в присвоении очередного звания. Потому-то и разглядеть их не так просто. Но именно ради них я потащился ночью на кладбище. И сидел, скрючившись, на чердаке много томительных часов.

Десятки, сотни молодых, старых, сосредоточенных или беззаботных лиц проплывали передо мной, увеличенные оптикой. В глазах рябило от многоцветия толпы.

Багровела в беззвучном смехе физиономия потрепанного жизнью хохмача, только-только нашептавшего на ушко пикантный анекдот своему приятелю и прикрывавшего рот носовым платком в фальшивом приступе кашля. Пронырливые подростки, выпавшие из поля зрения взрослых, пытались скрутить латунную шишку со столбика декоративной ограды чьей-то богатой могилы. Искаженные микрофоном трагические голоса ораторов накладывались на весь этот пестрый калейдоскоп.

Возле помпезного надгробия заслуженного деятеля искусств с обязательным бюстом и высеченным на полированной гранитной поверхности завитком стилизованной лиры стоял высокий молодой человек и, неторопливо покуривая сигарету, чему-то ухмылялся про себя. По-видимому, его мало занимало все вокруг происходящее: остановившийся взгляд обращен был куда-то в сторону. Он зевнул, прикрыв рот левой ладонью, и я заметил на мизинце сияющий перстенок. Надо сказать, неплохой перстенок. С прозрачным камешком карата в четыре. Похожий я видел когда-то на руке у бандита среднего калибра, оставшегося лежать на месте очередной кровавой разборки. Впрочем, подобные вещицы нередко встречаются теперь и в богемной среде.

Что здесь делает этот скучающий молодой человек? Не ради же простого любопытства он приехал в субботнее утро в уголок скорби! Я оглядел незнакомца: стильный, дорогой пиджак, модная рубашка с мягким отложным воротничком, соответствующие брючки. Такой хлыщ может иметь отношение и к криминальным околобогемным кругам, и к богемным полукриминальным — сейчас все смешалось в нашей жизни. Как бы там ни было, других, более интересных на беглый взгляд субъектов я, к сожалению, не высмотрел.

Приходилось в который раз довольствоваться тем, что есть.

Я по новой просеял через оптику тысячную толпу, зафиксировал на пленке некоторые частности, включая, конечно, и молодого человека, и начал собираться. Быстро, но аккуратно сложил амуницию в пластиковый пакет, окинул свое лежбище

пристальным взглядом: все вроде нормально. Можно было сниматься с места.

Я подошел к двери чердака, ведущей на внутреннюю лестницу, и прислушался. Из служебных помещений не доносилось ни звука. Открыл отмычкой врезной замок, благо это нетрудно было сделать — конструкция оказалась простейшей (в чем я убедился еще ночью), — и выбрался в коридор. Сюда, внутрь здания, через толстые стены проникали лишь слабые отзвуки с кладбища. Опять послышались томительно-скорбные пассажи похоронного марша. Значит, времени оставалось в обрез — скоро погребение, а там и публика начнет разъезжаться.

Я покинул колумбарий через главный вход и боковой аллеей направился к воротам. На мое счастье, мимо длинной вереницы припаркованных машин как раз медленно проезжало такси.

Буквально через пару минут я уже высаживался на Звенигородском шоссе недалеко от оставленной ночью “пятерки”.

В свете яркого солнечного дня глухой уголок выглядел не таким уж непривлекательным. Двери некоторых гаражей были распахнуты настежь и оттуда доносились звуки активной жизнедеятельности — визжание электродрели и стук молотка.

Моя машина сиротливо стояла невдалеке, около кустов.

Что-то мне сразу не понравилось в ее внешнем облике. Гоня прочь самые худшие предположения, я приблизился к ней с левой стороны. Этого еще не хватало! Пока я торчал на тесном чердаке, надеясь высмотреть нужного человечка, какие-то недоумки не преминули воспользоваться благоприятной ситуацией: боковое стекло было опущено, из приборной панели пучками торчали обкусанные разноцветные провода. Магнитола, колонки, кое-какие мелочи, оставленные в бардачке, уплыли в неизвестном направлении. Но, главное, ни о какой езде не могло быть и речи — замок зажигания был вырван с проводами.

На минуту я даже потерял способность соображать, горячая волна бешенства ударила в голову. Ублюдки, мать вашу за ногу! Как бы я постарался, если б вы попались мне в руки! Обломал бы

ваши шаловливые грабки, чтоб не повадно было ими больше блудить!

Я попытался найти концы проводов — где там! А драгоценные минуты стремительно утекали.

Нужно было искать какой-то выход из положения.

Немного поостыв, я прикинул приемлемые варианты. Машину, как это ни прискорбно, придется пока оставить здесь, — благо запоры дверей уцелели. Срочно ловить тачку, а там, по ситуации, как можно скорее возвращаться назад.

Ко мне уже вернулось обычное хладнокровие. Я прибрал панель, поднял боковое стекло, закрепил, как мог, ветровик, задвижка которого была отломана. Потом выбрался из машины.

В гаражах все так же стучал молоток, работала электродрель. Ни единой живой души вокруг не было видно.

Чувствуя буквально кожей, как улетучивается отпущенное мне совсем небольшое время, я выскочил на тротуар, лихорадочно высматривая любую движущуюся машину. Но улица была пустынна.

Несколько минут я стоял, проклиная всех и вся, себя в первую очередь, за то, что выбрал такое неудачное место для стоянки машины. Да и стоило ли вообще соваться на кладбище, если единственный замеченный мной прощельга мог оказаться кем угодно, только не тем, кто был мне нужен?

Наконец из-за поворота показался белый “жигуль” с одиноким силуэтом водителя. Сдерживая нетерпение, я подал ему знак и, когда он притормозил, наклонился к приспущенному стеклу.

— Шеф, есть работенка на часик.

— Сколько даешь?

— Двадцатку зеленью. Плюс добавка, если выйдет дольше.

— Идет!

Люблю сговорчивых людей. Очень они мне нравятся.

Я по-хозяйски расположился на переднем сиденье, положил пластиковый пакет на колени. Щекощущее чувство азарта, не упущенного еще шанса будоражило нервы.

— Поехали к главному входу кладбища, а там посмотрим: может, постоим немного.

Я достал пачку сигарет и, не спрашивая разрешения, закурил. Облачко душистого дыма плыло под потолком и, попадая в быструю струю воздуха, мгновенно вылетало в окно. Сделав пару затяжек, я обратился к водителю:

— Хочу, друг, посмотреть за своей дражайшей половиной. Там сейчас Кривицкого хоронят, так ее от редакции направили на церемонию.

Водила, бывалый бородатый мужик лет пятидесяти, оторвавшись от стремительно несущегося под колеса асфальта и бросив на меня беглый взгляд, понимающе кивнул:

— Что, есть подозрения?

— Шепнули мне, один борзописец из их же газеты за ней приударяет. И она в последнее время как-то изменилась...

— Это дело такое, — уклончиво согласился мой собеседник.

Из-за решетчатой ограды, опоясывающей кладбище с фасадной стороны, доносились угасающие звуки траурной мелодии.

— Все-таки решили Кривицкого уложить здесь, — после небольшой паузы нарушил молчание бородач, тактично меняя тему разговора. — Вон сколько крутых тачек понаставили!

Я как бы очнулся от невеселых мыслей:

— Коли есть бабки, так что ж теряться!

— Чего-чего, а этого у него хватало. Видел, какой ящик ему сварганили?

— А то! На пять косых зеленых тянет, если не больше.

— А скорее всего даже это привозной.

Мы проезжали мимо сверкающих иномарок, уставленных рядами на обочине.

— Куда воткнемся? Я что-то не наблюдаю поблизости свободного места.

— Давай свернем направо, в проезд. Можно встать и подальше, главное, чтобы выход просматривался.

В течение тех немногих минут, пока водила маневрировал, я крутил головой, стараясь не выпускать из поля зрения массивные чугунные ворота.

У кладбищенской ограды собралась огромная толпа народу. Тут же предприимчивые старушки во всем черном бойко приторговывали полуувядшими цветами.

Шеф наконец-то втиснул машину примерно в семидесяти метрах от входа.

— Вот так очень хорошо. Теперь немного здесь постоим, а там будет видно.

Я закурил вторую сигарету и протянул пачку бородачу. Он немного замешкался, но от “Данхилла” не отказался. Некоторое время мы молча пускали клубы дыма, затем он возобновил разговор.

— А тузов, глянь, немало понаехало — сплошь одни “бэхи” да “мерины” стоят!

— Еще бы. У покойничка, надо полагать, короткие завязки со многими были.

— Да уж, скорее всего, слишком со многими.

— Думаешь, его свои же?

— Свои, не свои, а кому-то он дорожку перешел. В смысле бабок. Просто так, конечно, ничего не делается.

— Да, не живется людям спокойно. Все мало, все норвят лишка хапануть!

— Ха! Это только курица да трактор от себя гребут, остальные — под себя. Но ты хапай, да меру знай!

— Это, шеф, ты в точку попал, — я выбросил сигарету в окно. — Кажется, мероприятие закончилось. Вон как народ валом валит, как с театральной премьеры “Ленкома” в былые времена.

По Центральной аллее на выход двигалась большая масса людей. В такой толкотне немудрено было и упустить нужного человека. Я весь обратился в зрение.

Первые ряды скоро достигли ворот, и толпа выплеснулась на улицу.

На возбужденных лицах, что я подметил и раньше, читались самые разнообразные эмоции. Только, освобожденные от прежней необходимости их скрывать, граждане выражали эти эмоции более непосредственно. Туристы с гомоном усаживались в свои автобусы, местная публика, также громко обмениваясь мнениями, шла к трамвайной и троллейбусной остановкам. На тесном пяточке у ворот как-то сразу стало чересчур уж шумно и суетливо.

— Превратили кладбище черт знает во что, в базар какой-то, — донеслось до моего слуха недовольное бормотание водилы. Я не отвечал, я смотрел во все глаза.

Вот между массивных столбов, среди толпы, мелькнуло элегантное пальто уже знакомой брюнетки. Ее кавалер следовал за ней на полшага позади. Детально их лиц я рассмотреть не мог: между нами постоянно возникала какая-нибудь помеха. Я проследил за ними, пока они не уселись в белую “мазду”, не упуская при этом, конечно, из виду и входа. Различить госномер, к сожалению, было невозможно.

На пяточке показались знаменитости. Заботливо опекаемые охраной и напутствуемые распорядителями похорон, они неспешно стали расходиться по своим машинам.

— Вон она! — кивком головы я указал на приглянувшуюся мне яркую шатенку, устраивавшуюся на заднем сиденье микроавтобуса. — Это их редакционный “фольксваген”... А где же наш Ромео?

Водила оживился.

— Что, одна?

— Ухаря пока не вижу.

— Может, наклепали зря?

— Как это зря? Сам же говоришь, у нас ничего просто так не бывает!

— Что верно, то верно.

— Вот и я о том же, — я хотел добавить еще что-то, но в рдеющей толпе появился тот, кого я с таким нетерпением ждал.

Не отрывая глаз от молодого человека, я потянулся за очередной сигаретой.

— Вон того субчика видишь? Это он и есть. Прикидывается, что ходит сам по себе. Конспирация у них, у газетчиков.

Парень тем временем, не глядя по сторонам, подошел к стоявшей неподалеку новенькой “БМВ-740” и, отключив сигнализацию, открыл дверцу.

— Что-то она на него ноль внимания! — недоуменно покосился на меня водила.

Я изумился вслух:

— Он, оказывается, на тачке, да на какой!

— Стильный паренек. Только мне кажется...

— Давай-ка, шефчик, дуй за ним! А чтоб тебе не казалось, держи для начала, — я сунул ему в ладонь двадцатидолларовую бумажку.

— Вообще-то...

— Что еще не так?

Бородач отвел глаза.

— Зачем тебе суетиться, парень, если они вроде бы как и вышли порознь?

— А что он здесь делает? На жмурика приехал полюбоваться? — я попытался изобразить на лице негодование. — То-то! Хочу я, понимаешь, раз случай подвернулся, поближе рассмотреть крутого садила моей благоверной!

Водила еще секунду раздумывал.

— Ладно, поехали.

Пропустив две машины, мы влились в общий поток, и уже на ближайшем светофоре, когда вырвавшаяся вперед “БМВ” вынуждена была притормозить, я увидел ее подмосковный номер.

В этот момент совершенно неожиданно за пазухой загомонила не выключенная впопыхах рация:

— Внимание! Всем, задействованным на внутренней территории, осмотреть...

Я поспешно сунул руку во внутренний карман и щелкнул выключателем, но поправить что-либо было уже невозможно.

Реакция водителя оказалась молниеносной: кинув на меня свирепый взгляд, он резко вывернул баранку вправо, и машина вылетела к бордюру.

— Что-то ты крутишь, малый! Вылазь-ка и топай своей дорогой, а я как-нибудь без твоих бабок обойдусь!

Что я мог ему на это возразить?

12

Домой я возвращался в отвратительнейшем настроении.

Ночная вылазка, на которую я все-таки возлагал какие-то надежды, в конечном итоге ставила передо мной больше вопросов, нежели давала ответов.

Во-первых, кто были два молодца, появившиеся на кладбище рано утром? Ясно, что топтуны, но из чьей шарашки? Если оперы, то почему не реагировали на команды, передаваемые своими по рации? Тогда конторские? Очень даже могло быть: частот спецов я не знал. Но ведь те же конторские моментально сбагрили это громкое, но почти гиблое дело с рук... А что, если костоломов подослала крутая охранная фирма, о которой мы с Кондратьевым вспоминали в недавнем разговоре? Подручные мастера опального олигарха... Как бишь ее? “Энигма”?

Ладно, предположим, что ранние гости были из ФСБ — не могли же конторские пропустить столь громкое мероприятие. Но почему тогда они вели себя при этом почти демонстративно? Вот что больше всего меня сбивало с толку!

Во-вторых, что за странная парочка — дама в песочном пальто с молчаливым кавалером — появилась позже? Кто они такие? Неужели, просто скучающие обыватели? Не очень-то похоже... Тогда все-таки кто?

В-третьих, стильный молодой человек с бриллиантовым перстнем на мизинце... Ну, этого-то я почти срисовал. Если б не лопухнулся и не бросил машину в такой глуши, удалось бы, возможно, разузнать о нем побольше. Но он и так от меня теперь не уйдет... Кстати, с автограбежом тоже одни неясности: кто мог болтаться в ночное время в такой глухомани? Ведь не белым же днем орудовали недоумки? И почему сделали все, чтобы машиной нельзя было воспользоваться сразу, не особенно ее при этом раскурочив?

Вопросы, вопросы, вопросы... От них голова шла кругом.

Совершенно обессиленный, я подходил к дому, как о несбыточном, мечтая о горячей ванне и мягкой постели, — за дверью меня ждали встревоженная Надя и, наверняка, не находящий себе места Бармик. Да и неотложных дел еще было по горло.

Едва я переступил порог квартиры, в сумеречной прихожей что-то темное и пушистое с визгом бросилось мне под ноги. Бармик крутился, вскакивал на задние лапы, лизал мои руки, преданно заглядывал в глаза. Я потрепал его ласково по спине.

— Бармик, совсем я тебя замучил. Ну, ничего, ничего, сейчас поедem к хозяйке.

В дверном проеме показалась фигура Нади.

— Может, все-таки объяснишь, что происходит? Что это за записка: “Отдыхай. Буду к двум”? Где ты пропадал с самого утра?

— Во-первых, здравствуй, милая!

Я машинально улыбнулся: очень уж сцена смахивала на супружескую разборку из какого-нибудь дрянного мексиканского сериала. Однако моя невинная улыбка только подлила масла в огонь.

— Не паясничай! Чему ты улыбаешься? Я, как дура, сижу здесь целый день с этой непонятно откуда взявшейся собакой, не знаю, что и подумать...

— Не сердись, Надюш, просто возникли небольшие проблемы с машиной, а мне с утра как раз обещали помочь.

— Ты что, за идиотку меня принимаешь?! Думаешь, совсем я глупая, да?

Я состроил недоуменную гримасу.

— Кто тебе будет что-то делать в шесть часов утра, когда такая темень на дворе?

Тут уж не выдержал я.

— Говорю тебе, мужиков в гараже только с утра в выходной и можно застать, потом все по дачам разъезжаются!

Она недоверчиво посмотрела мне в глаза, пытаюсь уловить в них признаки лжи. Красивое лицо ее как-то сразу подурнело.

— Ну, хорошо. Ты мог мне заранее вчера об этом сказать? Мог догадаться, что у меня тоже есть какие-то планы?

— На субботу?

— Да, представь себе, на субботу!

— Виноват, об этом не подумал.

— А ты всегда только о себе думаешь!

— Так уж и о себе?

— Только о себе. Посмотри на всё со стороны: постоянно непонятно какими делами занят, вечно пропадаешь где-то. Вечером тебя нет, утром тоже. А деньги не переводятся: захотел отдохнуть, полетел на юг, что-то не понравилось — вернулся. Знаешь, Игорь, я ужасно от всего этого устала!

— От чего от всего?

— От зыбкости, неопределенности какой-то.

— Опять двадцать пять.

Она приблизила ко мне свое яростное лицо.

— Да, опять! Как ты не поймешь: не могу я больше так жить! Прибегать к тебе по первому звонку!

— Но я тебе ничего никогда не обещал. Я просто не в состоянии кому-либо что-либо обещать.

— Ну и я... и я тогда тоже ничего не обещаю, — кончиками пальцев она стерла покотившиеся по щекам слезы и, тряхнув головой, решительно распахнула дверцы платяного шкафа.

Я прислонился к дверному косяку.

— Уходишь?

— Да. И ничего не обещаю.

— Но подумай: скоропалительные решения редко бывают удачными. Не пожалеешь?

— Нет. Это не скоропалительное решение. Я обо всем подумала давно, — ее голос звучал ровно, глухо. — Любому, даже самому ангельскому, терпению когда-нибудь приходит конец.

— Вот как?

— Вот так!

Не имея что-либо возразить, я молча развел руками. В мою ногу ткнулся присмиривший Бармик.

— Такие дела, Бармик. Бросает нас девушка.

Надя усмехнулась:

— Представь себе, других слов я от тебя и не ждала. Будь здоров! — она скользнула по мне взглядом, полным гневного презрения, прошла к выходу и хлопнула дверь.

Несколько минут я переваривал неожиданный поворот событий. В наступившей тишине слышно было только ровное тиканье настенных часов да тихое повизгивание Бармика.

Потом тряхнул головой наподобие того, как это только что сделала подруга, и, поражаясь спокойствию собственного голоса, вслух произнес:

— Ерунда. С этими привередливыми бабами никогда не знаешь, как повернется.

После я занялся необходимыми бытовыми мелочами, быстро принял душ, разогрел обед. Коль скоро мне выпала нечаянная свобода, к неизбежным хлопотам — передаче Бармика в заботливые руки племянницы и получению аванса от родственников покойного продюсера — можно было добавить беседу с жильцами из 22-й квартиры (пока на выходные дни замерло официальное следствие). Но главное, желательно было бы успеть до темноты пошарить в кустах у того проулка, где, по словам хозяина Тотошки, в ночь убийства стояла какая-то

подозрительная машина. Ну, и чуть позже встретиться с Кондратьевым в новом условленном месте.

13

Вот уже в третий раз я появился в подъезде, который местные менты мне рекомендовали обходить стороной.

Что, однако, имел в виду старшина, прямо, без обиняков, страшая последствиями? Ничего конкретного? Просто заранее зная, что в подобных делах замешаны чересчур серьезные люди? Или тертый хитрован с лычками повдоль, зорко посматривая по сторонам, уже уловил нюансы в поведении начальства и сделал соответствующие выводы? Еще туманный эпизод, требующий прояснения...

— Кто там? — раздался грудной женский голос из-за двери.

— Прошу меня извинить, — я поднес к дверному глазку пластиковое удостоверение, — я работаю по делу Кривицкого. Не могли бы вы уделить мне несколько минут?

Дверь, сдерживаемая стальной цепочкой, приотворилась, и в узкой щели показалась морда мраморного дога, а потом и пышная розоволицая женщина в шелковом халате и с тюрбаном из скрученного полотенца на голове.

— Что вы сказали? Кривицкого?

— Да. Вот мои документы.

Женщина с любопытством взглянула на корочки, потом перевела глаза на меня.

— Так вы частный детектив?

Я кивнул.

— По просьбе родственников выясняю кое-какие детали...

— Тот самый, которого позавчера забрала милиция?

— Да. Было дело.

— И что, обошлось?

— Разумеется — у меня официальная лицензия.

Загремела цепочка.

— Что ж, заходите.

Я прошел бочком мимо настороженно глядевшей собаки. Хозяйка благоухала экзотическим шампунем.

— Куда позволите?

— В маленькую комнату... Михаил! — крикнула она вглубь квартиры. — К нам частный детектив по поводу гибели Виктора Викентьевича.

Из дальних дверей мне едва кивнул показавшийся мельком мужчина с брюшком, в футболке и фланелевых штанах с подтяжками.

— Проходите, проходите, молодой человек, он у меня рассеянный, рассказать вам вряд ли что сможет.

Сопровождаемый собакой, я уселся в кресло. Устроившись напротив, моя визави довольно-таки бесцеремонно рассматривала меня.

— Интересный, интересный юноша. Вас величают?..

— Игорь Александрович. Или, если хотите, Игорь.

Губы хозяйки растянулись в вежливой улыбке.

— Наверное, опасна ваша работа, Игорь Александрович? Вы не боитесь при нынешних-то временах?

Я усмехнулся.

— Как вам сказать? Не боюсь, но опасуюсь.

— Я представляю: наблюдение, ночные вылазки и, может быть, даже погони...

— Ну, это вы уж чересчур романтизируете.

— Но, главное, тайны. Вы ведь владеете чужими тайнами!

— Только в рамках дозволенного. Прошу простить, не знаю, как обратиться...

— Мария Ильинична.

— Очень приятно. Так вот, Мария Ильинична, не хочу отнимать у вас много времени.

— Бог с вами, Бог с вами, молодой человек! Что же, я не понимаю, как это может быть важно... Какой кошмар, какой кошмар! Бедный Виктор Викентьич... Как вы полагаете, кто мог совершить такое злодеяние?

— Трудно сейчас говорить однозначно.

— Понимаю, понимаю... Так вас наняли... э-э... попросили родственники погибшего взяться за дело?

— Да, родители.

— Надо думать, не вдовушка!

— А что, у покойного не ладилась отношения с супругой?

— Так я наслышана. Нет, внешне-то у них все выглядело вроде бы пристойно. Но люди зря болтать не станут. Да и достаточно разок взглянуть на нее, чтобы сразу понять: стерва, извините. Вечно надутая, никогда ни с кем слова не молвит. Ну как же: такой муж, сама одевается словно королева, тряпки умопомрачительные. Машину Виктор Викентьевич специально для нее купил — разбила! А жадная-то, жадная! Всем подъездом недавно собирали на домофон, так не дала, говорит, что от него проку, если пьянь в подъезде живет?.. Нет, нет, эта за копейку удавится, не то что кому-то деньги платить...

Я с неподдельным интересом внимал словоохотливой хозяйке: чувствовалось, давно у нее не было столь благодарного собеседника.

— Скажу больше, Игорь... — Мария Ильинична бросила быстрый взгляд на дверь, как будто кто-то посторонний мог нас подслушать. — Вы позволите мне вас так называть, ведь я по возрасту вам в мамы гожусь?

— Конечно, конечно.

— Так вот, этой цаце и невыгодно, чтобы вся правда вышла наружу...

— Что вы имеете в виду?

— То, что она своего бедного муженька, земля ему пухом, заклевала. Что ни дай — все ей мало! Из-за нее он и к рюмке прикладываться стал... И, слухи поползли, погуливать начал.

— Да что вы! Такой благообразный мужчина.

— Представьте себе!

— Но вы говорили, Мария Ильинична, что внешне все было вроде бы пристойно?

— Внешне — тишь да гладь. Но люди-то зря болтать не станут!

Я отвел глаза в сторону.

— Понятно. А что, в последнее время не видели ли вы на лестнице или во дворе подозрительных незнакомых людей? Может быть, на что-то другое обратили внимание?

— В последнее время?

— Ну, скажем, на протяжении текущей недели.

— Как-то сейчас и не припоминается — вроде бы ничего такого бросающегося в глаза.

— А три дня назад, в среду?

— В среду? В среду ведь у Миши, мужа, дата была. Так я весь день никуда не выходила, крутилась по дому как заводная: стряпала, на стол подавала. Времена, знаете, хоть и тяжелые, не очень-то разгуляешься, но стариков наших решили собрать. Ну и племянница с племянником тоже приехали. Сын-то наш в командировке за рубежом...

— А с этим красавцем, — я глянул в желтые немигающие глаза дога, — кто гулял?

— Именинник.

— И в котором часу?

— Рано утром и вечером, точно не помню когда, но, по моему, не позже девяти.

— Извините, я могу у вашего супруга самого об этом спросить?

— Почему же нет? Но он, знаете, мало обращает на что-либо внимание... — не поднимаясь с места, Мария Ильинична громко позвала. — Миша!

Подошедший на зов супруг хозяйки имел спокойное выражение лица, двигался неторопливо.

— Мишенька, — обратилась к нему Мария Ильинична, — этот молодой человек интересуется подробностями дня, когда погиб Виктор Викентьевич, средой... Мы как раз отмечали твой юбилей. Ты не заметил ничего такого при прогулках с Адмиралом?

Остановившись возле двери, супруг задумался.

— Пожалуй, нет. Хотя... Но это может быть как угодно истолковано...

— Что?

— Когда мы с утра гуляли около доминошного столика, на другой стороне двора, за кустами двое разговаривали в машине. Возможно, они меня не заметили, возможно, просто не обратили внимания, посчитали, что не расслышу, но несколько слов до меня долетело.

Рассказчик смолк. Мария Ильинична нетерпеливо дернула головой.

— Ну же, не тяни, Миша!

— Один другого спросил: “А не рано мы прикатили?” Тот ответил: “В самый раз, у него сегодня плотный график”.

— И это все, что ты слышал?

— Все.

Мария Ильинична разочарованно выдохнула:

— Но эти слова могут означать что угодно.

— Душенька, я предупреждал.

Тут в разговор вступил я:

— Скажите, в котором часу это было?

— Около половины восьмого. Точнее не знаю, вышел на улицу без часов.

— А не сможете назвать марку автомобиля, описать людей, хотя бы в общих чертах?

— Нет. Мне, откровенно говоря, было ни к чему. И слово я запомнил чисто машинально... Хотя... Марка — скорее всего, “жигуленок” восьмой-девятой моделей, светлого цвета. Определеннее, увы, доложить не могу: машина стояла за кустами.

— Хорошо. А что было потом?

— Ровным счетом ничего. Я пошел с Адмиралом на бульвар, и больше на глаза они мне не попадались.

— А во время вечерней прогулки ничего не замечали?

— Ох, молодой человек! Вечером во дворе народу полно, где ж тут чего упомнишь?

— Огромное вам спасибо.

— Не за что, — супруг поспешно повернулся и вышел.

Я опять обратился к хозяйке:

— А вы говорите, рассеянный.

Она пожала плечами.

— Самой удивительно.

— Вы упомянули о племянниках...

— Да дочь моего брата и сын мужниного. На лестницу весь вечер бегали курить, о чем-то секретничали.

— Возможно, они кого-то видели? До которого часа оставались гости?

— Старики-то рано разъехались. А молодые — пожалуй, не раньше одиннадцати.

— Вот как? А нельзя ли мне с ними побеседовать? — уловив во взгляде хозяйки сомнение, я поспешно добавил. — Разговор, само собой, останется между нами.

14

На место поисков к проулку я приехал около шести часов, когда день уже клонился к вечеру.

Нахмурившееся небо обещало скорый дождь, и это обстоятельство заставляло еще больше спешить.

Настроение, надо сказать, было ни к черту.

Чередой событий, произошедших за последние несколько часов, событий неприятных — почти безрезультатное сидение на кладбище; странное нападение на машину, вызывающее под ложечкой холодок от далеко идущих подозрений; совершенно неожиданный скандал с Надей; не очень-то обнадеживающая беседа с Филимоновыми — как-то нарушила мое относительно устойчивое душевное равновесие. В свете тотальной неопределенности поиск следов неизвестно какой машины вдруг представился мне абсолютно бесперспективным занятием.

В самом деле, каков реальный шанс того, что где-то здесь действительно находилась машина с убийцами? Мягко говоря, он минимален. Совпадение времени и, отчасти, места? Ну и что? Сколько таких подозрительных тачек носится сейчас по Москве,

по этим каменным джунглям, ставшим вдруг смертельно опасными, в поисках легкой добычи? Десятки, а то и сотни.

Если же делать поправку на неизбежные погрешности в пересказе неискушенного собеседника, хозяина болонки Тотошки (задним числом кому из нас что не припомнится?), вообще казалось, что мой приезд на бульвар — пустая затея.

Ко всем этим невеселым мыслям примешивалась еще досада на испортившуюся к вечеру погоду. Стоило только начаться несильному осеннему дождичку, и мелочи, которые были же где-то рассеяны по земле, а после утренней измороси и так находившиеся в плачевном состоянии, мгновенно превратились бы в мусор.

С таким упадническим настроением не лучше ли было сделать небольшой перерыв в беготне?

В конце концов, преодолевая внутреннее сопротивление, я решил, что целью моей поездки может быть и обычная получасовая разгрузочная прогулка с небольшим, однако, заданием – поискать под ногами окурки с белым фильтром. На свежем воздухе я назначил и встречу Кондратьеву. Нужно было обсудить последние события, дать ему задание выяснить личность хлыща, сидевшего за рулем “БМВ”...

Выбравшись из машины, я не спеша двинулся в том направлении, которое так неопределенно указал мне вчерашний случайный знакомый, хозяин старенькой болонки.

Метрах в тридцати-сорока от места разговора на бульвар выходили две неширокие асфальтированные дорожки, обсаженные по бокам ровными рядами кустов.

Я огляделся по сторонам — вроде ничего особенного. В этом, как и в другом подобном месте, могли стоять и одна, и три каких угодно машины, в которых с включенным или, скорее, выключенным в салоне светом могли находиться люди. Правда, уголок был довольно тихий: ближайšie дома, отгороженные кустами, смотрели на бульвар черными глазницами выставленных окон и находились, вероятно, в начальной стадии бессрочного капитального ремонта. К тому же отсюда хорошо просматривалась

та часть бульвара, по которой неминуемо должен был проехать продюсер, возвращаясь из казино.

Если все же предположить, что машина стояла на ближайшей от дома продюсера дорожке, у выезда на бульвар, то находилась она, скорее всего, у правого ее края — так удобнее было наблюдать за дорогой. Соответственно, и окурки, оставшиеся после человека, курившего справа от водителя, должны валяться либо возле бордюрного камня, либо подальше, в кустах.

В том случае, конечно, если курильщик не тушил их в пепельнице. Здесь большое значение имеет сила привычки: как человек обращается с выкуренной сигаретой: обязательно ее гасит или бросает непогашенной? На последнем лестничном марше, например, неизвестный тушил окурки плевком. В салоне автомашины, очевидно, невозможно поступить подобным образом. Остается одно — раздавить сигарету в пепельнице. Но в таком случае мне не найти окурков ни у бордюра, ни в кустах.

Подтверждение своим мыслям я получил тотчас же, так как, раздумывая над этим вариантом, в медленном темпе продвигался вдоль кустов.

На глаза попадался всякий хлам: смятые пластиковые бутылки; пара пакетиков из-под сока с торчащими из них соломинками; раздавленный пластмассовый стакан; жесткая пачка “Явы”; битый кирпич; осколки стекла; почерневшие от времени, размокшие от дождей и выпустившие из себя бурый табак древние окурки. Ни одного свежего, хотя бы и не с белым фильтром, не было видно. А значит, вся заранее обреченная на неудачу затея подходила к своему логическому финалу.

Вторую дорожку я просматривал уже без всякого, даже минимального, интереса, только для очистки совести. Результат оказался таким же — нулевым.

Ну что ж, это можно было предвидеть. Я глянул на часы: шесть двадцать пять (через несколько минут нужно было ехать к месту, где меня ждал Шура) и достал из кармана пачку “Данхилла”.

Душистая сигарета показалась особенно вкусной в холодном, насыщенном влагой воздухе.

Я выдохнул облачко дыма и замер. Что-то в совершенных мною движениях, вернее, в одном из них, показалось мне не то чтобы непривычным, но каким-то не таким, особенным, выпадающим из общего ряда машинальных действий. Я проделал все заново и усмехнулся своей недогадливости: широкая пачка “Данхилла”, на который я перешел совсем недавно, с трудом протискивалась в сравнительно узкое отделение бокового кармана. Если бы была обычная пачка “Мальборо”... Пачка. Вот что может остаться после курильщика, аккуратно гасящего окурки в автомобильной пепельнице. А пачку ведь легко забросить далеко за кусты, это не окурки.

Я продрался сквозь кусты и лихорадочно — время поджимало — принялся искать на новом месте. И хотя в голову сразу полезли многочисленные вопросы, уничтожающие вероятность этого эпизода (откуда убийца доставал сигареты на лестнице, если у него здесь закончилась пачка? Имел с собой еще одну? Выложил пару сигарет в карман? Выбросил после убийства, вернувшись к машине на это же место? А почему тогда не по дороге?), — все их я оставил без внимания: в любом случае требовалось сначала просто пристальнее посмотреть себе под ноги.

Я быстро прошел за рядом кустов: ничего, кроме беспорядочно наваленного строительного мусора. Тогда я вернулся к первой дорожке.

Каково же было мое изумление, когда в уже надвигавшихся сумерках среди битого кирпича и стекла, в космах пожухлой, засыпанной листвой травы я обнаружил смятую и слегка набухшую от влаги пачку “Кента”!

Страждущий да обрящет.

Осторожно держа за уголки, я внимательно осмотрел со всех сторон поломанную белую коробочку.

Прежде всего я отметил штрих-код, начинавшийся с цифр 04, — торговый код Соединенных Штатов, заметил, что на боку крышки отсутствовала обычная надпись “TAX EXEMPT. FOR

USE OUTSIDE U.S.” (“Свободно от пошлины. Для использования за пределами США”), по закону сопровождающая все лицензионные американские сигареты. Предупреждение о вреде курения было изложено на английском языке. А это также подтверждало, что сигареты оригинальные, штатовские.

Потом поднес пачку к глазам: в скудном отраженном свете на целлофановой обертке видны были мутноватые пятна, по фактуре и очертаниям схожие с отпечатками пальцев. Несколько секунд, не отрываясь, я глядел на них. Неужели появляется зацепка?

Конечно, в траве могла валяться и какая угодно другая пачка “Кента”. Сопоставимость окурков и пачки окончательно можно было установить только по химическому составу крошек табака, оставшихся внутри.

Но, опять-таки, радужные ли перспективы ожидали меня даже в случае положительного ответа экспертов? Возможно ли с целлофана и картона, находящихся в таком состоянии, снять отпечатки пальцев? А если и возможно, с чем их сравнить? На окурках, найденных у лифтовой, пальчиков нет. Киллер, что очень вероятно, мог и не иметь уголовного стажа, а значит, и не числиться в дактилоскопической картотеке.

Опять проклятые вопросы. Опять выходило, что радоваться пока было нечему.

Со всеми предосторожностями уложив находку в пакет, я вернулся к машине.

Сероватые сумерки постепенно наливались чернотой, и в темнеющей дали вспыхивали желтые квадраты окон. Дождь так и не собрался, хотя облачность опустилась совсем низко.

Я пригнулся к приборному щитку (провода зажигания были временно соединены напрямую, без замка) и щелкнул потайным тумблером. Неприятный визг стартера сразу же сменился ровным шумом работающего двигателя, и, спустя минуту, серая полоса асфальта в мутных кругах фар медленно поползла под колеса.

Итак, что я имел за три неполных дня поисков, что я успел выяснить за этот, в сущности, очень и очень короткий срок?

Многое и в то же время почти ничего.

Я вроде бы сделал первые робкие шаги в некоторых направлениях, но сам еще не знал, насколько они успешны. В руках у меня был пока только сырой материал. Правда, материал, возможно, имевший скрытый потенциал. С другой стороны, из-за недостатка времени многое мной даже еще и не было начато.

О лобовое стекло разбились первые капли дождя. Я включил дворники.

Где-то в этом расцвеченном уличными огнями вечернем городе, заливаемом осенним дождем, двигалось, действовало множество разных людей, имеющих самое непосредственное отношение к убийству. Где-то, совсем недалеко, под деревянной крышей дворовой беседки, меня ждал Кондратьев, наверняка недоумевающий по поводу назначенного места встречи.

Я припарковал машину на боковой дорожке возле многоподъездного жилого дома, с внешней его стороны, и прошел через арку во двор.

Дождь кончился так же внезапно, как и начался. Уже совсем стемнело, и беседка едва просматривалась сквозь густые заросли кустов.

Со скамейки навстречу мне поднялась высокая фигура.

— Это что еще за конспирация? — несмотря на шуточный тон, я уловил в голосе Шуры нотки беспокойства.

— Простая предосторожность, — пожимая ему руку, как можно бесстрастнее ответил я. — Сегодня утром, пока я торчал на смиренном кладбище, выглядывая на похоронах интересный типаж, кто-то залез в мою машину.

— Да? Хорошенькая новость! И ты думаешь, это не уличное шакалье?

— Думать-то я много чего думаю. Но что-то мне не нравятся все эти случайности: вчера какой-то хмырь завелся ни с того ни с сего, полез в драку. А сегодня машину обчистили довольно странно.

— В каком смысле странно?

— А прикинь сам. Магнитола, естественно, увели. Забрали и разную мелочевку из бардачка. Но, ко всему прочему, замок зажигания выдрали с проводами.

— И что в этом такого странного?

— Вроде бы, и ничего. Но, с другой стороны, почему машину не угнали, а только обворовали и пытались раскурочить?

— Может, угнать просто не сумели или не было времени...

— Логично. И все-таки лезет в голову навязчивая мыслишка: а вдруг кому-то очень не хотелось, чтобы я был на колесах в определенный момент, но и пешим меня не желали оставлять – как-никак суечусь, носом рою землю...

— Так проще резину пикой продырявить, чем с замком возиться. Разве нет?

— Вот! Об этом я тоже кумекал поначалу. А если этот кто-то рассчитывал, чтобы я только днем остался без машины? Только днем, возле кладбища. Ненадолго.

— Ну, это, мне кажется, ты уж чересчур усложняешь!

— Возможно.

— Сам подумай: для таких трюков и такой плотной опеки ты должен быть для кого-то крайне интересен. Крайне! А значит, наводка чья-то на тебя должна быть. Да и потом, — Шура криво улыбнулся одними губами, — слезку-то за спиной ты не мог не заметить? Ты ж всегда настороже...

Я с готовностью кивнул.

— Да, точно, я всегда настороже. По крайней мере, стараюсь проверяться чаще и, действительно, слезки за собой не видел. Пока. Но это мало что меняет!

— Как так?

— Они могут тонко вести, на расстоянии, время от времени отпуская. При таком раскладе их при всем желании не срисуеть.

— Они? Ты имеешь ввиду?..

— Я еще сам не знаю, кого имею ввиду. То ли наших доблестных рыцарей с чистыми руками и горячим сердцем, то ли отставных бойцов из “Энигмы”. А насчет наводки очень даже просто: я ведь сообщил в прокуратуру о договоре с родственниками, не желая, естественно, иметь осложнений со стороны официальных структур. Вот первая возможность утечки информации. Да и через вдову или адвоката заинтересованным лицам узнать о контракте — плевое дело. Это второй вариант засветки. Тебе этих двух достаточно?

— Да, но подумай, сколько людей требуется для такой виртуозной слежки! Ты, конечно, можешь представлять определенный интерес. Но...

— Хочешь сказать, что конторские благополучно сбагрили это дело вам?

— Именно!

— А охранный фирма “Энигма”? На всё готовые отставные профессионалы в руках опального миллиардера... Кому-кому, а этому серьезному дяде уж наверняка интересно знать, как движется дело об убийстве его бывшего знакомца и компаньона. Да и конторским скорохватам, кстати, совсем нелишне держать ситуацию под контролем... Я сегодня с раннего утра сидел на чердаке кладбищенского колумбария, и, признаюсь, некоторые физиономии в толпе и в похоронной процессии мне совсем не понравились.

— Так. Значит, ты настаиваешь, что кроме нас еще кто-то втихую копается в этом навозе?

— К сожалению, очень похоже на то. Я срисовал некоторых ваших топтунов на кладбище, но те, другие, явно были сами по себе. Впрочем, на видеозаписи, уверен, это будет отчетливо заметно.

— Да-а... Порадовал ты, нечего сказать!.. Если “Энигма” негласно занимается аналогичной проблемой, — а исключать это, судя по всему, не получается, — тогда... Тогда жизнь для нас с тобой осложняется.

Я усмехнулся.

— Это мягко говоря.

— И с конторским, как всегда, одни непонятки...

Наступила минутная пауза, потом Кондратьев шумно вздохнул.

— Хорошо! Допустим, я готов поверить, что господа чекисты следуют своему незыблемому правилу никогда ни от чего просто так не отступаться... Кстати, нужно попытаться провентилировать это по нашим каналам... Я также готов думать, что и “энигмовцы” были на похоронах. Но какова реальная вероятность того, что кто-то из них с самых первых дней начал наступать тебе на пятки, притом так нарочито, так грубо? Согласись, два эпизода, о которых ты мне рассказал, можно толковать по-разному. Нет, как хочешь, а в этом пунктике, мне кажется, мы перегибаем!

— Хотелось бы и самому в это верить. А бережёного, знаешь, и бог бережет. Все-таки нужно принять кое-какие превентивные меры.

— Что ты имеешь в виду?

— Быть осторожнее. Во-первых, исключить по телефону всякий треп, касающийся дела; если и говорить, то только условными фразами. Но и это нежелательно – подготовленные люди любой текст дешифруют элементарно. Во-вторых, позаботиться о резервных способах связи.

— О каких? Вся сотовая сеть под колпаком у Мюллера.

— Ну, вариантов несколько. Можно взять еще по одному мобильнику с чистыми SIM-картами — такие продают на каждом радиорынке — и пользоваться ими исключительно для назначения встреч.

— Или звонить с городских таксофонов.

— Да, но только на эти вновь открытые номера... А если очень припечет – ведь все фиксируется! – предусмотреть канал для сброса информации через обычный абонентский ящик почтового отделения. Но это в самом крайнем случае...

— Интересно! Общение по принципу: “Дубровский имел регулярные сношения с Машей через дупло”.

— Примерно так.

— Ладно, не кипятись. Я с тобой согласен: что-то уж больно темноват расклад, и немного стрёма не помешает. Мобильник так мобильник, почтовый ящик так почтовый ящик. Что-нибудь свеженькое у тебя появилось?

— Кое-что. Нарисовался тут на кладбище один фатоватый хлыщ: стильный прикид, на мизинце четырех-пятикаратный бриллиантовый перстень. На вид 27 — 28 лет, высокий, худощавый, волосы черные, лицо продолговатое, черты правильные. Особых примет и броских признаков не заметил. Укатил с похорон на новеньком 740-м “БМВ” черного цвета. Номера подмосковные, — я протянул Шуре листок. — Нужно пробить по базам, что за тачка, кто хозяин. Подозреваю, что все оформлено через доверенность. Значит, узнай: кто продавал, кто покупал, кто фактически ездит. По возможности, поподробнее и побыстрее.

— Постараюсь. Но не забывай — завтра воскресенье.

— Ладно. Какие подвижки в вашей следственной бригаде? Ребята что-нибудь нашли под крышей продюсерского дома?

— Нет. Ни единой зацепки — все следы заплесневелые. Как будто умелец, если он там действительно был, парил в воздухе, как Карлсон.

— А что, это идея. Подбрось своим пинкертонам.

— Подброшу — обхохочутся. По приколам — один один.

— Проехали. Что по оружию?

— Я говорил уже, что “маузер” редкий — модель 1905 года. Три с половиной месяца назад случайно задержали в Волоколамске небольшую партию таких — везли из Прибалтики. К сожалению, поставка оказалась не целевой — заказчика не выявили. Но, ты знаешь, что интересно?

— Что в заказняке использовали патроны от “ТТ”?

— Точно! С такими пушками обычно возят импортные, новенькие боеприпасы. Какой смысл идти на дело с патронами пятидесятого года? Мало ли осечка, перекос...

— Ну, положим, я не слышал, чтобы у “маузеров” бывал перекос — не та конструкция затвора. А наши патроны вряд ли уступят по надежности западным — боевой винтовочный порох стареет не скоро.

— Все равно, профессионалы не упускают таких мелочей.

— Согласен. А любители не летают по воздуху и, как правило, оставляют следы.

— Но ты же там что-то откопал?

— Всего лишь окурки. И то, сдается мне сейчас, обмусоленные бычки, не имеющие к этому делу никакого отношения, — я достал из пачки сигарету, покатал ее в пальцах, но закуривать не стал. — Ты что-то говорил о машине с двумя мордоротами, будто бы стоявшей с утра во дворе. Что конкретного выяснили по этому поводу?

— Бабка, видевшая тачку, толком ничего сказать не может. Вроде, молодые, вроде, кого-то ждали. По описанию машина — восьмерка или девятка. Раньше такой, как будто, во дворе не замечала.

— И что же, никто больше не обратил на тачку внимания?

— Так это было рано утром, до восьми часов.

— Хорошо. В каком месте она стояла?

— На противоположном, по диагонали, конце двора.

— О чем еще нашептали жильцы?

— Насколько я знаю, особенных новостей нет: мало кого успели опросить — сегодня же выходной.

— Ну что ж, спасибо и на том. Насчет травки ничего не выясняли?

— Опий промышленной очистки. Такой идет из Афгана через Среднюю Азию или Кавказ. Пользуется популярностью у богемы, поэтому в злчных местах довольно распространен. Хотя сейчас модные тусовщики переходят на героин... Да! Среди волос, найденных в машине, несколько искусственных, экзотического цвета — ярко-ярко красных...

Я машинально поднес к губам незажженную сигарету.

— Ты, как всегда, самое интересное оставляешь на потом.

Куда теперь податься?

Проводив Кондратьева, торопившегося на свидание со Светочкой-официанткой, я сидел в остывшей машине и курил уже, наверное, десятую за вечер сигарету. Возвращаться в опустевшую квартиру не хотелось. Там к тому же меня ждала кропотливая работа: необходимо было внимательно просмотреть видеозапись похорон — мало ли какие мелочи могли еще вылезти. Стоило призадуматься и над подтвердившейся из другого источника информацией о двух утренних соглядатаях в “жигулях”, следивших за продюсером из-за кустов с дальнего конца двора. Между тем, я чувствовал, как свинцовая усталость наваливается на плечи — трое суток непрерывной беготни давали о себе знать.

Я завел двигатель.

Не пора ли немного расслабиться? Сколько можно суетиться? И кому нужны эти гонки? Продюсеру? Нет. Он теперь вообще ко всему безучастен: лежит в своем баснословно дорогом ящике и медленно растворяется в вечности. Вдове и родным? Вряд ли. В первую очередь им нужен результат, и только потом уже их волнуют сроки. Общественности? Наверное. Но широкая общественность-то как раз может и подождать.

Да, поначалу я весьма рьяно взялся за дело — того требовала ситуация. А что сейчас? Первоочередные мероприятия проведены, не исключено, что появятся какие-то результаты. А пока, на выходные, можно сделать паузу: закатиться куда-нибудь в веселенькое место, где горят огни и звучит музыка, сбросить груз забот, хоть немного развеяться. Тем более, солидный аванс приятно оттягивает карман...

Решительным жестом я выбросил сигарету в окно: да, хорошая встряска пошла бы мне на пользу.

С боковой дорожки я выехал на шоссе и влился в плотный поток машин.

Я вдруг поймал себя на неожиданной мысли, что с самого начала стал относиться к покойному продюсеру, весьма

процветавшему в шоу-бизнесе и даже имевшему на телевидении свою популярную передачу, с явным предубеждением. Почему? Почему, едва узнав пикантные подробности из жизни ближнего своего, будь то пьянство, девки или наркота, мы все торопимся навешивать черные ярлыки? Что это? Невольная и подсознательная месть обманутого зрителя, подглядывшего разительное несоответствие яркого растиражированного образа с бледным человеческим двойником? Но может это ли сейчас, после стольких громких общественных скандалов, после разоблачений взяточников-министров и жадных до “клубнички” генеральных прокуроров, быть для кого-то шокирующей новостью? Конечно, нет. И кто, если уж на то пошло, из нас, простых смертных, готов похвастать, что никогда не примерял множества самых разных масок, сообразуясь с текущими обстоятельствами? Скорее всего – никто. Отсюда логичный вывод: гораздо умнее весь накопившийся сарказм оставить на потом, чтобы ненароком не съехать в ложную колею со всеми этими упреждающими ухмылками.

Однако закончим о деле...

Передо мной сияли бегущие разноцветные огни “Золотого павлина”, приглашая заглянуть в чертог изысканного досуга: отведать доброго вина, послушать хорошую живую музыку, почувствовать щекочущий азарт игры.

Я поставил машину на охраняемой площадке и, сунув парню в черной униформе мелкую банкноту, направился к массивной с раззолоченными ручками двери, у которой величественным истуканом стоял высокий седовласый швейцар.

Окинув меня быстрым взглядом, он с приветливой улыбкой распахнул дверь.

— Добрый вечер. Добро пожаловать!

Я улыбнулся в ответ одними уголками губ.

— Добрый вечер.

Приятно, черт возьми, когда у входа тебя встречает, как минимум, майор или подполковник в отставке.

Минуя гардероб, я прошел в сияющее зеркалами фойе, где заботливые секьюрити попросили меня сдать сумку в камеру хранения, избавиться от колющих и режущих предметов. Я весело ответил им, что держу свой арсенал дома.

Исподволь меня охватывало то головокружительно легкое возбуждение, которым, кажется, пропитан сам воздух подобных заведений. Усталость как рукой сняло. Я чувствовал, как открываются глаза, свежеет голова, как каждый мускул наливается упругостью и силой.

На пороге ресторана меня ждал предупредительный метрдотель.

— Здравствуйте! Милости просим к нам!

В его любезном сопровождении я прошел к расположенному у стены маленькому столику.

— Вы кого-нибудь еще ждете? Извините, что не предлагаю других мест, — у нас много заказов.

— Ничего, ничего, меня все устраивает.

— Музыкальная джазовая программа вот-вот начнется, игровые залы с рулеткой и “Блэк-Джеком” уже работают. Желаю вам приятного отдыха!

Едва почтенный метр удалился, тотчас к столику подошел невозмутимый лощеный халдей.

Бегло просмотрев меню, я сделал заказ, попросив прежде всего принести рюмочку армянского коньяку с долькой лимона, и откинулся на спинку стула.

Зал был довольно просторный: панели и мебель красного дерева, тяжелые бархатные портьеры, приглушенный свет. За столиками сидели первые посетители.

Я заметил несколько хорошеньких женских головок. Не ускользнула от моего беглого взгляда и пикантная попка, оседлавшая высокий стул возле стойки бара. Лица ее обладательницы разглядеть я не имел возможности. Бросались в глаза пышные белокурые и, кажется, некрашенные волосы дамы. Такая роскошь встречается в наши дни нечасто.

На маленькой, чуть ярче освещенной эстраде настраивали свои инструменты музыканты.

Повышенного внимания к своей персоне со стороны кого бы то ни было я не обнаружил, и поэтому мог вполне наслаждаться заслуженным отдыхом. Я закурил сигарету и пригубил рюмку, поставленную проходившим мимо официантом.

Чертовски приятно хоть иногда завершить напряженные будни таким вот чудесным вечерком. Продюсер знал толк в отдыхе, если регулярно появлялся здесь. Кстати, судя по всему, он был хладнокровным человеком, очень расчетливым игроком, раз мог вовремя остановиться. И все-таки его переиграли...

Интересно, кто делил с ним столь увлекательный досуг?.. Ах, черт! Как я мог упустить из виду, что в игровых залах подобных заведений повсюду натканы видеокамеры? Каждый шаг игрока находится под пристальным наблюдением секьюрити, каждое движение фиксируется на пленку с тем, чтобы не было потом никаких недоразумений по ставкам, выигрышу или проигрышу... Несколько видеокамер — несколько ракурсов одной и той же ситуации... А скрытый мониторинг! Вот где неисчерпаемый кладезь информации... И почему я до сих пор об этом даже не думал? И Кондратьев не обмолвился ни словом, ни полсловом... В чем дело? Неужели здесь еще не копали? Для меня-то, положим, как для частного лица, весьма проблематично добраться до этих записей, но следователи — они имеют полное право изъять любые материалы, относящиеся к делу...

С эстрады раздался призывный вопль саксофона. Молодой человек в черных узких брюках и пестрой жилетке подошел к микрофону и объявил о начале музыкальной программы:

— Добрый вечер, уважаемые дамы и господа! Сегодня для вас будут исполнять свои головокружительные импровизации виртуозы джаз-бэнда под руководством Алексея Кислинского!

В дело тотчас вступили трубы, перкуссии, барабаны, вызвав в зале заметное оживление.

Принесли холодные закуски.

Я с удовольствием принялся за салат и рыбное ассорти, не забывая, впрочем, время от времени с беззаботным видом поглядывать по сторонам.

Публика тем временем заметно прибывала. Солидные джентльмены в сопровождении разодетых дам степенно занимали заранее приготовленные для них места. Метрдотель и официанты сбились с ног, встречая и обслуживая почетных гостей.

За соседним столиком шумно усаживались две пары: кавалеры — седовласые, полные достоинства финансовые тузы, их спутницы — сравнительно молодые быстроглазые, изящные дамочки. По тому, как одна из них, яркая брюнетка, устраиваясь, посмотрела на меня, я подумал, что сегодняшней вечер таит-таки в себе какую-то интригу.

С трудом дождавшись горячего блюда — мне не терпелось наведаться в соседний зал — я довольно быстро расправился с ним и, подзвав официанта, попросил счет. При этом мне показалось, что брюнетка, участвуя в общем разговоре, повернула голову так, чтобы сквозь ресторанный шум слышать мои слова. Достаточно громко я сказал:

— Столик я освобождаю. Если и вернусь, то только в бар, — и сунул в руку молодого человека десятидолларовую бумажку.

Он понимающе улыбнулся:

— Очень вам благодарен. Желаю удачи!

Проходя через зал, я обратил внимание, что количество соблазнительных попок на высоких стульях у барной стойки значительно увеличилось.

В кассе я обменял пятьсот долларов на фишки и отправился испытывать судьбу.

В игровом зале, отделенном от ресторана небольшим коридором, царил непривычная тишина. Сюда едва-едва доносились музыкальные изыски джазменов. За столом, покрытым зеленым сукном, сидело шесть человек, в основном мужчины. Молоденький крупье в белоснежной рубашке и галстук-бабочке командовал игрой.

— Господа, делайте ставки. Больше никто не ставит?

В меру любопытным взглядом якобы бывалого игрока, появившегося в новом для него месте, я окинул комнату, краем глаза подметив укрепленные под потолком мониторы, и энергичным шагом подошел к столу.

Рулетка потихоньку замедляла свой бег, шарик уже прыгал по зазубринам диска. Глаза присутствующих неотступно следили за всеми его кульбитами. Очаровательная девушка, сидевшая по другую сторону стола, сцепив тонкие унизанные кольцами пальцы, даже подалась немного вперед от волнения. Наконец, шарик потерял силу, скатился в продолговатую лунку черной цифры и еще некоторое время продолжал круговое движение вместе с диском. Через несколько секунд томительного ожидания хорошо поставленным голосом крупье произнес:

— Тридцать пять, черный.

Вокруг раздались сдавленные возгласы. Девушка прикусила ярко накрашенную губку.

Я занял стул, освободившийся после заметно нетрезвого господина, с кривой ухмылкой отправившегося, видно, продолжать искать удачу на дне бутылки. На зеленом сукне напротив меня значилась надпись — IMPAIR. Что ж, поиграем в нечет.

— Делайте ваши ставки! — поторопил крупье.

Я быстро передвинул пять фишек на нечет и еще пять на двенадцать средних цифр. Дамочка поставила на красный и на первую дюжину. У нее тоже были десятидолларовые фишки.

— Больше никто не ставит? Ставок больше нет, — ловкие пальцы запустили рулетку и, в противоположную сторону, шарик.

За стремительным вращением диска я следил без особого волнения, по опыту карточных игр зная, что часто новичку (а я принципиально не посещал подобных заведений) везет больше, чем игрокам, часами сидящим за столом и высчитывающим систему, по которой в данный момент группируются шансы. Я даже успел обменяться молниеносным взглядом со своей прелестной визави.

— Одиннадцать, черный.

Третья дюжина сменилась первой? Отлично. По крайней мере, я остался все же при маленьком выигрыше. Изящные ручки напротив с удовольствием устанавливали столбики из приумножившихся фишек: одна из ставок вернулась в утроенном виде.

Ничуть не раздумывая, я двинул резервы в те же секторы — средние двенадцать и нечет.

Выпала девятка и цвет — опять черный!

Тогда я решил немного поменять тактику: вместо дюжин ставить на цвет. Несмотря на то, что черный выпадал при мне уже три раза подряд, я почему-то сразу твердо уверился, что сегодня в фаворе эта масть. Размещая пятидесятидолларовые фишки на соответствующем поле, я обратил внимание, что большинство игроков ставят на красный. И только один сидящий неподалеку от меня импозантного вида господин неторопливо подвинул к моим приличную стопку столларовых.

В воздухе повисло напряженное ожидание.

Я почти уже не смотрел по сторонам. Перед глазами лишь бешено вращалась рулетка да неистово скакал костяной шарик.

Раздался всеобщий изумленный вздох. В наступившей тишине крупье бесстрастно объявил:

— Тринадцать, черный.

Я торжествующе поднял глаза на красотку. Она поощрительно улыбалась мне. Столбики разноцветных фишек возле нее все увеличивались.

За столом произошла очередная смена состава. Кто-то разочарованно удалился, на освободившиеся места уселись знакомые мне по ресторану седовласые финансисты. И опять закрутилась рулетка, опять запрыгал заколдованный шарик...

Я удваивал, упятерял, удесятерял ставки, переходя от цвета и *passé*, перебора, к дюжинам и чету-нечету; интуитивно чувствуя моменты, рисковал даже на отдельных числах. Прекрасные глаза напротив все чаще останавливались на мне, радовались моим успехам, утешали после особенно жестоких поражений. Все

вокруг исчезло, просто перестало существовать, оставались только пестрый диск, неугомный шарик, расчерченное поле да эти пронзительные глаза...

Уф-ф! Все, все, хватит! Полтысячи кровных баксов и солидный выигрыш как корова языком слизнула. А красавица по-прежнему то смущенно, то подбадривающе посматривала на меня, улыбалась: не останавливайся, не сдавайся, ты же мужик! Нет, все, все. Амба. Сегодня какая-то непруха. Не повезло в масти, говорят, повезет в любви.

Я бросил на свою очаровательную визави откровенно приглашающий взгляд и встал из-за стола. Меня немного покачивало: мелькание рулетки, чисел, разноцветных фишек, ловких холеных пальцев нескольких сменившихся за это время крупье, запах изысканных духов и пота — все перемешалось в голове.

Ободрали как липку. Обставили как пацана. Пора, пора пойти расслабиться в бар.

Нетвердой походкой я пошел к выходу, оглядываясь через плечо, — красotka, естественно, и не думала отрываться от зеленого сукна, — и в фойе нос к носу столкнулся с любопытной брюнеткой, моей соседкой по ресторану.

При ярком освещении она выглядела, пожалуй, старше — лет на 35: от уголков глаз тонкими лучиками расходились тщательно заглаженные кремом морщинки.

Легкими рассчитанными движениями исправив невидимые изъяны прически, как будто выдержав нужную паузу, она повернула голову и со странной улыбкой неожиданно обратилась ко мне:

— Вы тоже попались на удочку очаровашки? — и, видя мое недоумение, пояснила. — Та ослепительная крошка играет за счет и в пользу казино.

Кто бы сомневался!

Брюнетка окинула меня откровенно раздевающим взглядом.

— Красавчик, может, уединимся ненадолго? — кончиком алого язычка она провела по верхней губе.

— Где же?

— Что, мало мест?

Я вежливо растянул губы в ответ:

— Боюсь, после проигрыша меня уже ничем не расшевелить.

И быстрым шагом направился в бар.

За стойкой сидело уже довольно много народу. Кто-то молча смотрел в свой бокал осоловелыми глазами, кто-то клеил размалеванных девиц, кто-то яростно спорил с соседом.

Меня приятно удивило, что пышноволосяя белокурая девочка, которую я заметил в начале вечера, все еще оставалась на своем месте.

Она сидела, закинув ногу на ногу, демонстрируя окружающим безупречно стройные ноги, обтянутые телесного цвета колготками, и вроде бы безучастно помешивала соломинкой в высоком бокале прозрачные кубики льда.

Ни секунды не раздумывая, я взгромоздился на соседний стул и заказал двойной “бурбон”. Потом, не торопясь, достал из кармана сигареты, закурил, медленно повернул голову и обомлел. Рядом со мной сидела премиленькая незнакомка из бара курортной гостиницы. Вот так встреча! Помнится, мы тогда уже успели перейти на “ты”.

— Привет, красавица!

Она оторвалась от своего бокала. В ее глазах попеременно отразились скука, недоумение, удивление. Наконец она изобразила на лице что-то, похожее на улыбку.

— Привет.

— Какими судьбами? Как я понял, здесь ты на работе?

— Увы, да.

— И сколько берешь?

— Триста.

— Ого, — я прикинул траты за вечер. — Ладно, пропиваем больше... Значит, отстегиваю мамке и едем?

— Едем. Если сможешь отшить этих кретинов.

Я обернулся на шум.

Разболтанной походкой к нам подгребали два подвыпивших бритоголовых крепыша.

— Свободен, мужик, это наша телка!

— На двоих-то не маловато будет?

— В самый раз.

Говоривший со мной ухмыльнулся и схватил девицу за руку. Я увидел, как страдальчески исказилось при этом ее лицо.

— погоди, малыш! — я крепко взял его за запястье. — Я забыл сказать, что девочка уже едет со мной.

Он будто взбесился.

— Убери грабки, падло! Тебе что, жить надоело?!

Я вскочил со стула. Мы были примерно одного роста.

— А ты мне можешь в этом помочь?

Секунду-другую он смотрел на меня бесцветными от бешенства глазами, потом процедил сквозь зубы:

— Ладно, фрайерок, считай, тебе кранты. Отойдем в сортир?

— Ну не здесь же его мочить! — в разговор, наконец, встрял его приятель.

— Как скажете, ребята.

— А может, не надо, мальчики? — девица была не на шутку напугана таким поворотом дела.

Но мы уже молча шли к выходу.

Впереди был высокий, зачинщик, явный лидер, сбоку и чуть позади — второй, ростом пониже, но массивнее. Мельком я увидел, как его правая рука привычным движением юркнула в боковой карман пиджака.

Сердце бешено колотилось в груди. Момент, главное — не упустить момент.

Мы миновали фойе, вошли в тамбур туалета, и в то мгновение, когда передний открывал внутреннюю дверь, а задний захлопывал входную, я нанес зачинщику удар носком ботинка в подколенную впадину.

Высокий взревел от боли, оборачиваясь назад, но мой кулак уже летел ему в висок. Под костяшками что-то хрустнуло.

Я рванулся вперед и в сторону, мимо него, стремительно повернулся и успел-таки принять на левый блок удар ножа снизу. Зазвенела о кафель пола сталь, согнулся от тычка коленом в пах второй бритоголовый. Мне оставалось только с резким выдохом опустить на его затылок замок из сцепленных рук.

В сортир ворвались привлеченные шумом секьюрити.

— Стоп! Стоп! Все разборки только на улице!

— Уже разобрались. Ножичек складной вы у парнишки проворонили.

Я оглядел валявшиеся на полу тела: тот, что был поменьше ростом, слабо шевелился.

Сполоснув лицо под струей холодной воды, я вернулся в бар. Красотка, казалось, была удивлена моему быстрому возвращению.

— Что, договорились?

— Да, можно так сказать. Ну, идем? — я с сожалением взглянул на нетронутое виски. — Кому отдать бабки за тебя?

— Я могу взять и сама, потом рассчитаюсь.

Быстрым шагом мы прошли через зал. На эстраде томительно и грустно пел саксофон. Я положил руку девушке на талию.

Из фойе, сквозь раскрытые настежь двери туалета, я мельком видел, как охрана приводила в чувство моих недавних неудачливых соперников.

В машине мы некоторое время молчали, пока, наконец, моя спутница не задала очень, видно, занимавший ее вопрос:

— Как же ты с ними справился?

Я пожал плечами.

— Молодые, зеленые еще. Наглости хоть отбавляй, а силенок своих не рассчитывают... К тому же оба под приличной банкой... Я, кстати, до сих пор не знаю, как тебя зовут.

— Даша.

— Очень симпатичное имя. А меня — Игорь.

Проснулся я оттого, что кто-то жарко дышал мне в ухо. Я соскочил глаза в сторону: на широкой кровати рядом со мной лежала вчерашняя фея и сладко чмокала во сне губами.

В голове слегка шумело от вчерашних излишеств. Сколько же сейчас может быть времени?

Я повернулся к окну — сквозь неплотные шторы пробивался сизый свет хмурого осеннего дня.

Мысли с самого начала приняли удручающее направление. Зачем я затащил в постель эту ослепительную, но, увы, продажную девочку? Сколько денег вылетело вчера в трубу? Я потер лоб: по грубым подсчетам — за тысячу баксов! Вот так расслабился. А дело, между тем... Что-то вчера, кстати, касалось дела... Видеокамеры. Как я мог забыть, что все эти азартные развлечения полностью контролируются? Конечно, до материалов мне так или иначе не добраться — тайны бизнеса священны и соответствующе охраняются. Но если у нас с Кондратьевым даже отдаленно не заходило разговора о записях, может ли это означать, что за трое суток о них также не думал и никто другой?

Я осторожно отодвинулся и сел на кровати.

Вместо того, чтобы весь вечер расслабляться и иметь наутро головную боль и изрядно облегченный бумажник, не лучше ли было вчера попытаться разузнать что-то, хотя бы косвенное, о видеопленке? Только вот интересно, каким образом? Через начальство, которое в выходные днем с огнем не сыщешь? Или через рядовых сотрудников, которые ничего не знают и на контакт не пойдут? Да и кому понравится такое любопытство?..

Даша заворчалась и открыла глаза.

— Что, уже нужно вставать?

Я накинул на плечи халат.

— Как хочешь. Если тебя время не жмет, полежи. Еще только одиннадцать.

В ванной я критически оглядел свое помятое лицо и усмехнулся. Завязывать нужно с неправильным образом жизни. А то в один прекрасный момент сноровка подведет, и узкий длинный ножичек воткнется между ребрами.

Меня будто варом обдало. А случайно ли началась вчерашняя ссора? Если эти двое действительно договаривались с девицей до меня, почему она обозвала их кретинами? Не хотела ехать с пьяными? Но это ее работа — не девочка, чай, знает, с кем и на что идет. Как бы там ни было, не стоило затевать драку с приклатненными корешками из-за какой-то девки. Еще бы секунда, и сверкающее перышко торчало бы у меня в боку.

Я подставил голову под струю горячей воды и слегка помассировал пальцами затылок.

После недолгой процедуры умывания и приготовления крепкого кофе я включил видеокамеру на воспроизведение и устроился на диване в гостиной перед телевизором.

На экране появились асфальтированная дорожка Центральной аллеи кладбища и два рослых коротко стриженных молодца с настроженными глазами. Теперь я мог со всей тщательностью рассмотреть каждую мелочь: их походку, повадки, мимику, детали одежды. Передо мной были, несомненно, конторские — это их стиль: все играют в шпионов. Но... Не слишком ли пересолено? Для чего или для кого такая нарочитая демонстративность? И вместе с тем недостает какого-то маленького штришка...

Я прогнал пленку сначала: так и есть, они ни разу не взглянули на колумбарий. Точно его и не существовало. Они шли, внимательно поглядывая по сторонам и перебрасываясь короткими фразами, но их глаза почему-то старательно обегали монументальное белое здание, высившееся впереди. Они добрались до раскрытой могилы, с минуту постояли молча. Потом блондин, находившийся ближе ко мне, произнес какую-то фразу, от которой у его напарника язвительно скривились губы. Они поглазели еще немного, повернулись... Что это? Я лихорадочно нажал на кнопки реверса и паузы: тот, второй, что ухмылялся

сальной, надо думать, шутке, полуобернувшись, смотрел из-за товарища прямо в объектив.

Меня бросило в жар.

Не веря своему ошеломляющему открытию, я еще раз перемотал пленку немного назад. И опять холодные глаза показывались из-за светлой макушки блондина...

Увы, сомнений быть не могло: взгляд топтуна был обращен вверх, именно на то слуховое окно, за которым сидел я, или на крышу, чуть выше него. В реальном масштабе времени он длился какую-то секунду. К тому же голова напарника закрывала для меня обзор. Вот почему при непосредственном наблюдении я не заметил его.

Что же это выходит? Неужели мои перемещения действительно контролируются? И на погосте проводится всего лишь маленькая показательная акция устрашения? Но зачем Конторе вставлять мне палки в колеса? Какие такие великие тайны унес с собой в могилу продюсер, что ни много ни мало, а могущественная спецслужба вдруг воспылала жгучей ревностью к желающему их разгадать? Что-то тут не стыковалось...

Я оглянулся на легкий шорох.

В дверях, обернутая большим махровым полотенцем, стояла босая Даша. Она выглядела удивительно свежо.

— Не помешаю?

— Что ты! Иди сюда, присаживайся — я похлопал рукой по дивану.

Легкой походкой девушка пересекла комнату и уселась рядом, поджав одну ногу под себя.

— Холодно. Бр-р-р!

Я положил руку на ее трогательно узенькие плечи.

— Хочешь, чтобы я тебя согрел?

Но она легонько отстранилась.

— Что это ты смотришь? — в ее вопросе я не расслышал какой-либо нарочитости, чрезмерного любопытства. Голос звучал естественно, без напряжения.

— Похороны, разве не видишь? Кривицкого провожают в последний путь.

Она недоуменно перевела на меня глаза.

— Зачем тебе это?

— Работа у меня, Дашенька, такая.

— Работа?

— Да. Ведь я по профессии психоаналитик. Консультирую солидных клиентов. Так, чтобы не потерять форму, время от времени просматриваю самые разные видеоматериалы. В этом смысле похороны популярного лица, снятые скрытой камерой, для меня необыкновенно удачное приобретение. Если приглядеться, в тысячной толпе можно увидеть все: и подлинную скорбь, и лицедейство, скрываемое равнодушие и даже злорадство...

Даша молча смотрела на экран телевизора. Я продолжал разглагольствовать:

— Человек на людях и так вынужден сдерживать себя, накладывая запреты на какие-то мелкие привычки, даже строить речь по-другому, в чем-то менять манеру поведения. В ситуации же, которую ты наблюдаешь, требуется особый контроль над собой... Вот этот переход от живого лица к маске мне и интересен как специалисту...

— Кто же тебе все это снимает?

Я ухмыльнулся.

— Это совсем не важно. Но деньги за такие пленки я плачу немалые.

Возникла небольшая пауза.

— А у тебя для психоаналитика неплохие кулаки!

— Что же, милая, я ведь служил срочную в армейском спецназе. А туда берут только особенно стойких.

— Я уж и не думала от этих уголовников отделаться...

— Значит, мальчишки не зря на меня наехали — ты им понравилась раньше?

— С полчаса, наверное, вокруг да около ходили.

— А что же с ними не поехала? Деньги-то те же.

— Деньги деньгами, только больно уж страшно с такими дело иметь: не знаешь, где потом окажешься — в канаве или еще того похуже!

Я встал с дивана и направился к видеокамере, намереваясь ее выключить.

— Вот того парня я видела.

Я остановился на полпути.

— Какого? — мой голос был вял и безразличен.

— Того, который зевнул.

Я прогнал пленку назад. Высокий молодой человек в кадре зевал, прикрывая рот левой рукой, и на его мизинце сиял бриллиантовый перстенок.

— Прикинутый малый, ничего не скажешь.

— Он часто бывает у нас в казино, играет в основном в рулетку, иногда в “Блэк-Джек”.

— Да? Тесен мир. Но к вам многие из богемы ходят, насколько я слышал.

— Да. Кривицкий регулярно заглядывал. Мне даже стало как-то не по себе, когда на югах я узнала, что его убили.

— А девочек брал?

— Брал. Всегда Верку.

— Что за краля? Вчера я мог ее видеть?

— Нет, ее не было. Вообще, в последнее время она чаще по вызовам ездит.

— Писаная красавица?

— Не то слово! — У Даши загорелись глаза. — Она и смазливая, и фигуристая, и такие кренделя выделывает! Мы с ней один раз, давно еще, ездили на шикарнейшую виллу, так все мужики, которые там были, увивались только возле нее. А какой она классный стриптиз показала! У импотента, наверное, и то бы встал... Да и вообще, она ведет себя не так, как все. Одевается очень ярко, экстравагантно. Носит немыслимые парики...

— Это что еще за немыслимые?

— Ну, например, огненно-рыжие или ярко-ярко красные.

— Ты с таким пылом рекламируешь свою Верку... Завидуешь, признайся?

— А то! Ей иногда по пятихатке обламывается с денежного клиента! — Даша повернулась к телевизору. — Ой! И этого я знаю!

— У тебя сегодня прямо день встреч.

Я бросил взгляд на экран. В притихшей толпе, слушая речи ораторов, с внимательными лицами стояли брюнетка в песочном пальто и ее кавалер.

— Это еще кто такой?

— О, это банкир, Вениамин. Как-то ночью прямо из “Золотого павлина” привез меня в свой офис, двухэтажный кирпичный особнячок во дворах за “Яром”... Ух, у него и кабинет! Стильная мебель, кожаные кресла, за раздвижной стеной комната отдыха со всеми прибабасами. Предлагал мне курнуть какой-то дряни — достал из золоченой статуэтки с полки — я отказалась... Но что-то он здесь больно пришибленный...

— А эта, его черненькая спутница, кто?

— Понятия не имею. Может, любовница? Или жена? Вон какую морду соорудила! — Даша вдруг встрепенулась, будто что-то вспомнила. — Ну, ладно, некогда болтать языком, пора собираться.

— Э-э, погоди, подруга! Сначала подождла меня своей Веркой, а потом в кусты?

Она засмеялась.

— Время — деньги. На работу скоро.

— Не торопись, — я вплотную придвинулся к ней, заглянул в ее выжидающие глаза, — я тебе еще накину за пару часиков, — и потянул с нее полотенце...

...Прощались мы уже в третьем часу. Даша деловито крутилась перед зеркалом прихожей, наводя последний марафет: в десятый, наверное, раз коснулась кисточкой губ, сжала их, потом выпятила, проверяя, ровно ли лежит помада, неуловимым движением поправила прическу. И тотчас повернулась ко мне.

— Ну, все, бывай здоров! — слегка улыбнулась. — С тобой было хорошо.

Я помог ей открыть замок.

— А как увидеть твою Верку?

Она быстро вскинула на меня веселые глаза.

— Что, запал?

— Да, признаюсь, заинтригован твоей рекламой, — я протянул ей комиссионные.

Девушка раздумывала недолго.

— Ну, ладно, я вижу, ты не жадный да вдобавок порядочный человек. Так уж и быть, дам тебе ее домашний телефон, — она нацарапала на клочке тетрадного листа семь цифр. — По воскресеньям и понедельникам, кстати, Верка обычно не работает. Если нет каких-то вызовов, конечно. Так что вечером ты можешь застать ее дома. Пока!

— Погоди-ка! А что, у твоей продвинутой подружки нет мобильного?

— Вообще-то есть... - Даша немного замешкалась. — Только номер, наверное, уже не действует — подружка давно хотела сменить оператора... - Она покопалась в сумочке и протянула мне еще один мятый клочок бумаги. — Вот, держи. Ауфвидерзейн!

И подробно застучала каблучками по кафелю коридора.

Я закрыл за ней дверь и уставился на свое отражение в зеркале. Потом повертел в руках бумажки с телефонами: что это еще за Верка с красными волосами?

Оцепенение длилось недолго. Я снял трубку и набрал номер — на другом конце провода бились короткие гудки. Мобильный же телефон был временно заблокирован.

Это ничего, я не суетливый, могу и подождать. Главное, чтобы нашей встрече не помешали досадные случайности.

Выждав некоторое время, я оделся и вышел на улицу. Поплутав с четверть часа между домами, отыскал наконец исправный телефон-автомат и набрал другой номер.

Для воскресного дня улица была довольно пустынной.

За те несколько минут, что я простоял на ней, припарковав “пятерку” напротив дежурной булочной, мимо меня проехало всего десятка два машин. Редкие прохожие спешили по своим делам, некоторые заглядывали в магазин.

Прежде чем появиться на месте экстренно назначенной Кондратьеву встречи, я решил немного поколесить по городу, по возможности подсаживая по дороге случайных пассажиров.

Так мне было спокойнее.

Из головы никак не выходил внезапно всплывший эпизод на кладбище. Означал ли он, что все мои прежние, в большей степени перестраховочные предположения, в которые я и сам не очень хотел верить, однозначно подтверждаются, и, соответственно, прошедшие и текущие события приобретают совершенно иное качество? Или ему тоже можно было придать безобидное толкование, — точно так же, как и всем предыдущим двусмысленным моментам?

От ответа на эти вопросы зависели мои дальнейшие действия и планы.

Я еще раз внимательно оглядел улицу и не нашел каких-либо подозрительных деталей, характерных мелочей, указывающих на присутствие скрытых наблюдателей.

Из-за угла дома показалась долговязая фигура Кондратьева. Быстрым шагом он подошел к машине, открыл дверцу и плюхнулся на сиденье рядом со мной.

— Судя по всему, у нас появляются новые проблемы? — спросил он озабоченно вместо приветствия. — Ты что-то высмотрел в видеозаписи похорон?

— Да, к великому сожалению. Похоже, кого-то каким-то боком это дело все-таки цепляет. Пока непонятно только, насколько сильно.

— Что же, конкретно, тебя напрягло?

— Опять, в общем-то, мелочь. Всё сплошь мелочи кругом.

— Что?

— Один из топтунов, тех, других, не ваших, будто бы мельком взглянул на чердачное окно, за которым, как ты понимаешь, сидел-посиживал я.

— Мельком? Будто бы? Это ты называешь мелочью?!

— Смотря как все воспринимать. Слишком быстрым был взгляд — в реальном масштабе времени не больше секунды.

— Но, может, его внимание привлекло что-то постороннее наверху? Какими еще движениями сопровождался поворот головы? Чем-то внешне они были мотивированы?

— Это я и пытаюсь понять... Была, вроде бы, общая мотивировка движения — он оборачивался к своему напарнику. Но вот насчет взгляда... Что внезапно могло заинтересовать его на чердаке или на крыше?

— Короче, понятно: дело ясное, что дело темное.

— В любом случае, разумнее исходить из худшего.

— Согласен. Значит, будем считать окончательно установленным, что ты в поле зрения?

— Похоже на то.

Шура скривился в ехидной ухмылке.

— Что и говорить, а дельце поворачивается любопытной стороной! Как же, по-твоему, нам быть дальше?

— Мне кажется, мы с тобой взялись трудиться слишком рьяно. Не пора ли временно сбавить обороты, осмотреться? А то и впрямь наломаем дров. Себе на деревянные бушлаты.

— У тебя уже есть какой-то план?

— Пожалуй, в сложившейся ситуации тебе лучше взять отпуск, поехать в теплые края, полежать на солнышке. Прихвати с собой Свету, если уломаешь... Благо, с финансами дела у нас обстоят неплохо.

— А как же ты? Это ведь тебя, а не меня пасут!

— С меня спрос маленький. Буду пока вяло шевелиться, подбирать кое-какие детали, не высовываясь, впрочем. Совсем-то останавливаться нельзя. А там, глядишь, положение прояснится... Подходит такой вариант?

Шура неопределенно пожал плечами.

— Тебе виднее.

Его осторожная реакция только укрепила меня в принятом решении. Мне действительно было виднее.

— Поверь, так будет грамотнее, Шура. Но напоследок ты деликатно выясни по своим ментовским каналам, подчеркиваю, очень деликатно: как обстоят дела с пленками видеоконтроля игровых залов “Золотого павлина”. Где они? Только это.

— Ты имеешь в виду записи мониторов слежения казино?

— Именно. Странно, кстати, но о них мы с тобой почему-то до сих пор не обмолвились ни словом.

— А я о них пока ничего, честно признаться, и не слышал. Ладно, выясню.

— Тогда уж встречаться больше не будем — информацию сбросишь в абонентский ящик на почте. Это будет надежней. И, конечно, тут же черкнешь мне какое-нибудь нейтральное SMS-сообщение... На твоём мобильнике есть русский алфавит?

— Нет, только латинский.

— Ну сам текст-то не важен, главное, чтоб в нем было слово *box* либо буквы *bx*. Хорошо? А сейчас ты мне принес что-нибудь о парнишке из 740-го “БМВ”?

— Увы, совсем немного.

— Поделись хоть этим.

— Значит, так: машина принадлежит мытищинской фирме “Универсум”; документы оформлены на двоих — на гендиректора и его зама. Фактически же водит авто заместитель — наш стильный друг, Карпович Илья Дмитриевич.

— Что это за фирма? Я что-то не припоминаю такой в списке визиток продюсера, который ты мне передал.

— Вынужден тебя огорчить — по ней нигде ничего нет. Грешным делом, я покопался в закрытых базах данных ОБЭП и налоговой инспекции — там тоже пусто!

— Вот как? А ее профиль? Сфера деятельности?

— Профиль, как ты понимаешь, у большинства коммерческих лавочек на сегодня один — гнать из воздуха звонкую монету. Торгуют чем попало, перепродают... Разве только что...

— Что?

— С год назад у этого “Универсума” сложились очень тесные отношения с Прибалтикой: сбавривали туда лом цветного металла, оттуда тащили рыбную продукцию...

— Так! Уже теплее. Куда именно гнали? Откуда вывозили?

— Боюсь, быстро это установить достаточно проблематично — все материалы нужно искать по разным службам, в налоговой и таможне.

— Ладно. Это пока не жмет. Займешься выяснением деталей со свежими силами, когда отдохнешь, когда, даст бог, все немного поуляжется, — я взглянул на часы. — Значит, мы с тобой договорились: завтра же пиши заявление, как хочешь уламывай начальство, и отправляйся под жаркое солнышко задницу греть, в соленых волнах со Светочкой кувыраться. Береженого бог бережет. И не забудь — я жду от тебя конкретной информации о пленках.

18

— Все это ужасно, ужасно... Бедный Кривицкий! Мне так он нравился в своем шоу, такой он был очаровашка... Скажите, неужели опять никого не найдут?

— Это зависит от усилий многих людей и от нас с вами в том числе.

— Да... да... Марья Ильинична звонила — вас ведь родители просили попытаться что-либо выяснить... Но я боюсь, боюсь!

— Чего или кого, позвольте спросить?

— Не знаю. Сейчас такое время, такие люди... Ни перед чем не остановятся...

Племянница Филимоновой, та самая, что курила на лестнице в роковой вечер, внешне оказалась почти схожей с моим заочным представлением о ней: светленькая, пухленькая, слегка за тридцать, бездетная, одинокая. Из двух курильщиков я выбрал именно ее по простой причине: женщины более наблюдательны, если предмет обсуждения — незнакомые мужчины.

Между тем я сидел уже десять минут в ее уютной малогабаритной однокомнатной квартирке в Медведкове, а дальше причитаний дело пока не шло.

— Дина, вам нечего бояться, поверьте. Да и потом: то, о чем я спрашиваю, никто и никогда не узнает.

— Но я не представляю даже, о чем должна рассказать.

— О вечере. Желательно, не упуская мелочей. В таких делах любой пустяк может оказаться важным. В котором часу вы вышли из тетиного дома после празднования дня рождения?

— Наверное, в двенадцать...

— Вас ведь сопровождал кавалер?

— Да. Сын брата дяди Миши, теткиного мужа.

— И вы пошли к метро?

— Мы еще немного посидели на лавочке, поболтали: вечер был теплый, мне торопиться некуда, ему тоже — он недавно развелся с женой.

— Немного, это сколько?

— С полчаса... Да, Олег посмотрел на часы, сказал, что уже без пятнадцати двенадцать — пора идти.

— Хорошо. А теперь вспомните, не встречались вам по пути запоздалые прохожие, собачники? Может быть, проезжали какие-то машины?

— Редкие машины, конечно, проезжали по бульвару, только мне ни к чему... Да! Милицейский “уазик” промчался и свернул в проезд за домом — я еще подумала, что наконец-то милицию заставили темные закоулки патрулировать...

— Промчался? Значит, ехал очень быстро?

— Да, впечатление сложилось такое, будто они куда-то спешат.

- А по времени когда это было?
- Перед тем как нам уйти. Мы после совсем немного посидели...
- И что потом?
- Ничего. Поднялись да пошли.
- И никого не встретили по пути?
- Почему же. Только отошли от скамейки, я издалека увидела мужчину, направлявшегося к дому.
- Так. А не сможете его описать?
- Нет. Было темно. И далековато.
- Но хотя бы в общих чертах?
- Ну... Как сейчас вспоминается, коренастый, невысокого роста. Пожалуй, довольно молодой — не старше тридцати пяти-сорока лет — но это только судя по энергичной и бесшумной походке... Ой! Скажите, это мог быть он?
- Кто?
- Бандит?
- Не пугайтесь. Вряд ли. Считается, что убийц было двое... Да и потом, мы ведь с вами договорились никому ни о чем не рассказывать.

19

В трубке опять бились короткие гудки. Со вчерашнего вечера не могу дозвониться по домашнему и по мобильному телефонам: либо все время занято, либо никто не подходит; мобильный номер по-прежнему временно заблокирован. Квартирный аппарат с определителем... Может быть, потому Верка и не берет трубку, что на табло высвечивается незнакомый номер либо вообще прочерки, когда я звоню из телефона-автомата?

Какой-то непонятный холодок пробежал по спине. Но я себя быстро успокоил: в конце концов, ничего страшного пока не происходит — абонент проявляет естественную активность, адрес известен. Остальное же — дело техники.

Кроме того, появилось еще над чем поломать голову.

В понедельник утром, несмотря на возрастающую неопределенность ситуации, я решил все-таки поискать двухэтажный кирпичный особнячок во дворах за “Яром”.

Проехав несколько параллельных переулков, я без труда заметил в глубине сквера изломанную черепичную крышу явно современного здания с огромными буквами на карнизе. Кроны деревьев мешали прочесть надпись, частично выглядывали первая и две последние буквы — Б и ТА. Подъехав ближе, я увидел ее полностью: БАНК ВЕНТА. Знакомое, если покопаться в памяти, слово.

Подобные названия кажутся загадочными только на первый взгляд — на деле они всего лишь скрывают дурной вкус или отсутствие фантазии их сочинителей, так как состояются из усеченных имен: Вениамин + Татьяна, Вениамин + Тамара и так далее.

Особняк окружала кованая ажурная металлическая ограда, за которой располагалась стоянка автомашин. Белая “мазда” была припаркована совсем рядом с парадным крыльцом. Значит, я прибыл по верному адресу.

Я оставил “пятерку” в сквере и прошел к крыльцу

В просторном холле вдоль стен стояли кожаные диваны с хромированными пепельницами в подлокотниках. Во всем — холодный офисный стиль: кожа, металл, стекло. Кое-где заметны следы недавнего ремонта. Укрупняемся, значит.

Я сразу направился к конторке секьюрити, находившейся в стеклянном тамбуре перед лестницей.

— Здравствуйте. Я частный детектив, вот моя карточка.

Лицо охранника оставалось неподвижным словно маска.

— Как мне можно переговорить с генеральным директором, с Вениамином...

Стражника будто подменили. Он даже слегка привскочил со своего места.

— С Вениамином Борисовичем?

— Да. По очень важному конфиденциальному вопросу.

— Одну минуту. Вы записывались? Сейчас я выясню...

Не мешкая ни секунды, он позвонил секретарше, лаконично описал ситуацию и после небольшой паузы получил утвердительный ответ. Затем аккуратно занес мои данные в журнал регистрации посетителей, вежливо кивнул в сторону лестницы.

— Пройдите на второй этаж, там налево, в конце коридора, директорский кабинет, — увидел, что я потянулся за корочками, легонько прикрыл удостоверение ладонью. — Не волнуйтесь, документик пока остается здесь. На обратном пути заберете.

Я поднялся по довольно узкой, выложенной белым мрамором лестнице на второй этаж, размышляя о том, что персонал вышколен как надо.

Перед кабинетом директора молоденькая, похожая на ангелочка секретарша сидела за столом перед включенным компьютером.

— День добрый! Моя фамилия Годунов.

— Здравствуйте. Вениамин Борисович, к сожалению, сейчас занят. Просил подождать немного.

— Благодарю.

С независимым видом я взял с журнального столика свежую газету, уселся на стул, закинул ногу на ногу. Интересно, как долго меня будет мурыжить господин директор?

Прошло, однако, не так много времени: через несколько минут дверь кабинета открылась, и на пороге показался уже знакомый мне по похоронам субъект в компании с тучным пожилым господином. Продолжая разговор, он обвел глазами приемную, окинул меня быстрым взглядом, потом попрощался со своим собеседником и небрежным жестом пригласил в кабинет.

Помещение и впрямь было роскошно обставлено: дорогая офисная мебель — шкафы с деловыми бумагами; ассиметрично поставленный, по последней моде, большой стол для совещаний с вычурным сверкающим письменным прибором во главе; вокруг стола поворотные кожаные кресла с высокими спинками.

Раздвижная стена была убрана, и я мог видеть часть комнаты отдыха с огромным аквариумом до потолка, пышным цветком в напольной вазе, всевозможной бытовой аппаратурой. На полке шкафа, рядом с фотографией дамочки (той самой бесстрастной брюнетки в песочном пальто), вставленной в паспарту, стояла позолоченная статуэтка Гермеса. Интересно, это ее имела в виду Даша, говоря о наркоте?

Господин директор сдержаннее повторил свой жест, указывая на ближайшее кресло.

— Прошу. Вы частный детектив? Чем могу служить? Предупреждаю, в вашем распоряжении не больше пяти минут. Выкладывайте, что у вас.

— Мне хватит и трех. Я по поводу гибели Кривицкого.

— Кого? Кривицкого? Продюсера? И при чем тут я?

— Вашу визитку обнаружили среди бумаг покойного...

— И что из того? Да, были у нас кое-какие совместные планы... Не понимаю... Это все, что у вас есть ко мне? К сожалению, я ограничен во времени.

— Нет, это пустяки. Гораздо важнее то, что я имею некоторые конфиденциальные сведения, касающиеся лично вас. Поэтому предлагаю все же уделить мне чуточку внимания.

— Что еще за сведения? Слушаю!

Но я не стал ничего говорить, а молча поднялся из кресла и под изумленным взглядом хозяина кабинета прошел в комнату отдыха, снял с полки статуэтку Гермеса.

— Вам открыть секрет, каким образом обладатель этой прелестной вещицы рискует получить весьма солидный срок?

Вениамин Борисович слегка побледнел.

— Что это? Шантаж? Я сейчас дам знать охране, вас вышвырнут отсюда!

Однако я продолжал как ни в чем не бывало, словно не слышал угрозы:

— Ваша Татьяна тоже употребляет? Или вы держите наготове понюшку исключительно для шлюх и ночных оргий?

— Вы... Слушайте... Вон отсюда!

Я поставил статуэтку обратно на полку, сказал довольно твердо:

— Не надо кричать и не надо тревожить охрану. И напрасно вы так разволновались, Вениамин Борисович! Я ведь не из ОБНОНа, не из отдела по борьбе с незаконным оборотом наркотиков... Мы с вами можем спокойно поговорить.

Господин директор слегка сбавил тон:

— Что вам угодно?

— Вот это вопрос по существу. Взамен своей весьма скромной, но пикантной информации я прошу от вас самую малость: хотелось бы услышать от вас краткий обзор финансовой деятельности Кривицкого. С какой, на ваш взгляд, стороны ему мог быть нанесен удар в первую очередь? Вот и все. Только ваши личные соображения...

Вениамин Борисович быстро взял себя в руки, неторопливо закурил, усмехнулся.

— Боюсь, молодой наглец, вы не совсем представляете, куда суете свой нос. Стараетесь за мзду малую... Но хватка и напор нынче в цене... Так вот, информация, о которой вы спрашиваете, открыта и давно озвучена. Газеты надо читать и хоть изредка смотреть по ящику новости.

— Вы имеете в виду отношения Кривицкого с известным гонимым олигархом? Их совместный рекламный проект?

— Это в первую очередь, но не только... Вы хоть в курсе, какие доходы приносит реклама на телевидении?

— Думаю, в общих чертах, да.

— В общих чертах... Сотни миллионов долларов в год! А за такие деньги уберут не только продюсера, каким бы удачливым и именитым он ни был, но и впридачу и вас, и меня, и десяток других господ.

— Очень даже возможно. Тем более если вспомнить об “Энигме”, охранной фирме, владельцем которой является уже упомянутое мной влиятельное лицо...

— Вот видите! Вы сами отвечаете на свои же вопросы. Да и о чем тут говорить, если служаки из этой самой фирмы

ухитрились в свое время прослушивать даже телефоны ближайшего окружения Ельцина, когда тот был в силе?..

По селектору раздался голос секретарши-ангелочка:

— Вениамин Борисович, к вам из “Ремстройбанка”.

— Я занят, Катюша.

— Но вы назначали...

— Пусть немного подождут!

Я попытался продлить беседу:

— Вы намекали не только на рекламу...

— Того, что я сказал, вполне достаточно. Большого знать вам ни к чему.

— Понял, и за это благодарен.

— Но все-таки, молодой человек, я советую бросить ваше занятие, пока не поздно. Даже несмотря на ваши явно высокие профессиональные качества.

— Благодарю за совет. И еще, если позволите, последний вопрос. Вы что-нибудь слышали о такой фирме “Универсум” из Мытищ?

— “Универсум”? Что-то знакомое... Нет, не вспомню. Из Мытищ? Помнится, вдова Кривицкого, которую, правда, я лично не имел чести знать, родом оттуда... К вам, кстати, встречный вопрос: откуда пришла ваша пикантная информация?

— Будьте поаккуратнее с продажными девками, Вениамин Борисович, иначе из-за мелочевки рискуете попасть в пренеприятную историю.

— Согласен. У вас все?..

Вот такой разговор состоялся с утра, а к полудню умельцы из экспертно-криминалистического управления успели высушить пачку “Кента”, взяли на анализ крошки табака. Обработали ее также и на предмет пальчиков.

По всем параметрам — по сорту, цвету, ароматическим пропиткам, по способу нарезки и еще по нескольким специфическим показателям — табак оказался абсолютно идентичным тому, что содержался в найденных мною окурках. Отпечатки были чуть смазанными — пришлось корректировать

их на компьютере. Однако человек с такими пальчиками в картотеке не числился.

— Ничего не поделаешь, старик, — с сожалением развел руками эксперт. — Единственное, что могу еще добавить, авось пригодится: субъект, который лапал эту пачку, не из работяг — кожа гладкая, без микропорезов и трещин... Кроме того, — он помолчал немного, — на правом мизинце, вероятно, отсутствует крайняя фаланга. Но это я утверждаю не категорически...

Таким образом, что касается самого преступления, кое-что все же прояснялось: опираясь на собранные данные, я мог с определенной степенью точности воссоздать общую картину убийства (в которую, правда, пока не вписывался просквозивший в ночи милицейский “уазик”, — если это, конечно, не было простой случайностью).

В промежутке от 30 до 45 минут двенадцатого киллер вместе с напарником сидели в машине, припаркованной в проулке, курили — именно тогда их видел пугливый хозяин болонки Тотошки — и ожидали известий от кого-то еще, кто находился в непосредственной близости от жертвы. (Этот третий мог следить за Кривицким откуда угодно, и ему не обязательно было соваться в игровой зал под объективы видеокамер.)

Как только продюсер сорвал куш и покинул казино, соглядатай сообщил новость своим подельникам по мобильнику либо по рации.

Киллер вышел из машины, выбросил пачку, прежде, по-видимому, тайком выложив несколько сигарет в карман, — разыгрались нервишки...

На подходе к дому его издалека заметила Дина.

На последней лестничной клетке он стерег жертву не очень долго, но успел выкурить целых две штуки из своего запаса... Потом он или услышал подъехавший джип, или получил сообщение от напарника... Дальше все было совсем просто. Иномарка, поставленная хозяином на сигнализацию, издала характерный квакающий звук — с этого мгновения для Кривицкого начался отсчет последних секунд жизни... Времени у

киллера для того, чтобы спуститься с восьмого на третий этаж, пока продюсер шел двадцать метров от машины к подъезду и поднимался по лестнице, было достаточно...

Имеет ли огрехи такая схема убийства? На первый взгляд, один, но довольно существенный: не известно, сколько времени собирался Кривицкий просидеть за рулеткой. Хотя, наверное, у него все же существовала определенная договоренность с женой, если он доложил ей из машины по телефону о своем возвращении... Но мог ли об этом знать кто-либо посторонний?

Кроме того, отвлекал еще один, чисто технический штрих: а что если бы продюсер поднимался на четвертый этаж на лифте?.. Как практически можно было избежать подобной накладки? Оставить кабину с открытой дверью на любом из верхних этажей? Либо... Знать заранее о привычках жертвы!

Какие сомнения возникают относительно профессионализма исполнителей? Пожалуй, некоторая излишняя нервозность киллера и, как следствие, маленький прокол с окурками... Но в остальном работа в доме чистая — других-то следов на месте преступления не осталось. Машину в проулке не похоже, чтобы кто-нибудь видел, кроме собачника. От встречи же с припозднившимися прохожими не застрахован никто...

Еще нюансы? Почему убитого обнаружил на лестнице жилец, а вовсе не обеспокоенная отсутствием мужа супруга? После звонка Кривицкого из джипа прошло не слишком много времени?

Я раздумывал обо всем этом, о том, что мне сказал банкир, о деталях преступления, и что-то с самого начала — некое неустранимое противоречие между значимостью события, технической стороной дела и наступающими ныне последствиями — мешало мне сосредоточиться, спокойно уложить факты и фактики во вполне определенную версионную схему. Наконец, я понял, что меня так сильно отвлекает: какого рожна здесь нужно теперь спецам из ФСБ? По стилю, выбору средств, по методам исполнения убийство вряд ли можно было отнести на счет уважаемой Конторы. Так какого черта? Что их интересует в этом

деле? И насколько далеко они могут пойти в своем стремлении контролировать расследование?

Я медленно въезжал во внутренний двор продюсерского дома.

Как примет меня вдова? В каком русле пойдет разговор? Договариваясь с ней о встрече по телефону, я слышал в трубке относительно спокойный, хотя и с нотками усталости, приятный голос молодой женщины. Представившись и искренне выразив свои соболезнования, я попросил уделить мне немного времени для прояснения отдельных, не терпящих отлагательства вопросов. На другом конце провода, после некоторого колебания, ответили согласием.

Я намеренно не набрасывал какого-либо конкретного плана, во-первых, имея в голове неисчислимо множество вопросов, во-вторых, опасаясь, что излишняя заданность может плохо сказаться на общей атмосфере беседы. Я целиком полагался на интуицию, надеясь получить нужную информацию по ходу дела, сообразуясь с требованиями момента, лавируя между возможным и допустимым.

Поставив машину немного дальше прежнего места парковки джипа, я вошел в подъезд.

За два дня, что я здесь не был, ничего не изменилось. Разве только стало заметно грязнее: на полу отчетливо отпечатывались следы обуви; возле почтовых ящиков валялись рекламные листовки — приглашающие, обещающие, предлагающие. Видно, уборщица нечасто баловала дом своими посещениями.

Проделав прежний путь по лестничным маршам и мельком отметив знакомые детали — следы мела на площадках, успевшие посереть замытые кровавые разводы, почти не видимый скол краски на сетке лифтовой шахты, — я с некоторым волнением остановился на четвертом этаже перед квартирой Кривицких.

За обитой коричневым дерматином дверью, в прихожей, приглушенно прозвучал звонок, и уже спустя непродолжительное время кто-то пристально принялся разглядывать меня в глазок. Потом мужской голос весьма неприветливо спросил:

— Кто?

Я невольно подался вперед и, не желая делать свое посещение достоянием всего этажа, глухо произнес:

— Это Игорь Александрович. Я предварительно звонил Виктории Владимировне...

Отодвинулась собачка замка, дверь распахнулась, и я увидел на пороге высокого представительного мужчину, одетого в строгий темный костюм.

— Игорь Александрович? Прошу.

Я кивнул и шагнул за порог.

В квартире царила абсолютная тишина — ни единого движения, ни звука. Создавалось впечатление, что никого, кроме нас, в ней нет. Взяв из моих рук куртку, мужчина, как бы отвечая на мой вопросительный взгляд, молча указал на одну из приотворенных дверей.

В большой, роскошно обставленной комнате, в кресле, у окна, с книгой на коленях сидела вдова. На столе стоял большой портрет покойного супруга в траурной рамке.

Прежде чем она бросила чтение и перевела глаза на меня, я успел заметить, что печатные страницы мало интересуют ее. Она отложила книгу, легко поднялась с кресла и шагнула мне навстречу. Невысокого роста, хрупкая, лет тридцати. Лицо с мелкими, правильными чертами было холодно-спокойным. Такие женщины способны многое таить в себе.

— Здравствуйте.

— Здравствуйте, Виктория Владимировна, — я слегка сжал пальцами протянутую узкую холодную ладонь. — Я еще раз прошу прощения за беспокойство в такие тяжелые для вас дни, но обстоятельства заставляют...

— Достаточно извинений, Игорь Александрович, — сухо перебила она, — я понимаю — это ваша работа. И потом, хоть Витю уже и не вернуть, важно ведь использовать любой шанс... Вот почему я всегда к вашим услугам. Располагайтесь, я вас слушаю.

— Благодарю, — я устроился в кресле. — Прежде всего, Виктория Владимировна, хотелось бы с самого начала проследить развитие ситуации. Были ли какие-либо предпосылки к этому несчастью? Виктору Викентьевичу кто-нибудь угрожал?

— Насколько я знаю, нет. Витя был бесконфликтным человеком, в любом коллективе чувствовал себя уверенно, со всеми легко находил общий язык. Потом, когда телешоу, которое он вел, завоевало сумасшедшую популярность, когда дела в бизнесе пошли очень успешно, появились, конечно, у него и недруги, завистники, но чтобы угрожать...

— Я, Виктория Владимировна, имею в виду, конечно, не его шоу и людей с ним связанных. Здесь у меня мало вопросов. Как он мог иметь врагов среди телевизионщиков, если даже мы, зрители, все были им очарованы? Но в последнее время он фантастически прогрессировал в бизнесе, а мир большого бизнеса весьма жесток... Так вот: с этой стороны вы не замечали каких-либо тревожных сигналов?

Она отвела глаза.

— Нет, нет. Хотя Витя многое держал в себе, не открывался до конца, видимо, не желая меня беспокоить. Конечно, я замечала, особенно в последние месяцы, что иногда ему было очень трудно. Он вдруг становился рассеянным, невнимательным, а это бросалось в глаза, при его-то живом характере. Но на все мои вопросы он отшучивался, говорил, что в состоянии сам решить свои проблемы. Нет, ни о чем, связанном с угрозами, я никогда не слышала.

— Значит, несчастье, случившееся в среду, явилось для вас полной неожиданностью...

— Неожиданностью? Это... это вообще было... — голос прервался. Ее душили спазмы.

Я виновато потупился. Случайно мой взгляд упал на книгу, лежавшую на журнальном столике. Это была Библия.

— Извините, что заставляю вас заново переживать те минуты.

Но она уже сделала усилие над собой.

— Ничего, ничего.

— Виктор Викентьевич в среду рано уехал из дому?

— Да. Необычно рано. Именно в тот день у него было много работы.

— А возвращался очень поздно... Он предупредил вас, что задержится на некоторое время?

— Да, он всегда звонил, когда у него возникали какие-то неожиданные обстоятельства. Работал он очень много: разного рода переговоры, деловые встречи. К тому же, вы знаете, он готовился занять высокий пост. А тут еще телешоу, которое он до поры до времени не хотел оставлять...

— Он сказал конкретно, когда вернется? В котором часу, кстати, он позвонил?

— Что-то около восьми вечера. Предупредил, что, возможно, будет занят до двенадцати или даже дольше.

— Вы не заметили по разговору, по манере общения чего-то необычного?

Она задумалась.

— Пожалуй, Витя был немного возбужден. Но это сейчас мне так кажется. Тогда я не придавала этому значения.

— Сейчас — то есть после того, как вы узнали, где он был в тот злополучный вечер?

— Да. Когда мне сообщили, что он играл в казино...

— Для вас это оказалось новостью?

— Только отчасти. У каждого мужчины, я считаю, должна быть какая-то отдушина, место, где он мог бы забыть о заботах, немного развлечься. Тем более если жизнь полна стрессов... Согласитесь, казино, в этом смысле, — не худший вариант.

— Соглашусь. Как я понял, Виктория Владимировна, вы намеренно не вмешивались в эту, скрытую для вас часть его жизни, не пытались выяснять подробности?

— Так, мне представлялось, будет лучше.

— Вы сказали, что теперь вам кажется, будто он был немного возбужден. В чем это конкретно выражалось?

— Ах, господи! Трудно объяснить так, в двух словах. Наверное, что-то в интонациях, в тембре голоса...

— Как вы думаете, в восемь часов Виктор Викентьевич звонил из своего офиса?

Она удивленно посмотрела на меня.

— Скорее всего. А что, это имеет какое-то значение?

Я ответил уклончиво:

— В таких делах каждая мелочь имеет значение... А поздно вечером он вам звонил в котором часу?

— В одиннадцать тридцать пять. Я это помню точно, потому что по телевизору только-только началась программа “Времечко”.

— И что и как он вам сказал?

— Он был оживлен, даже весел. Сказал, что зверски проголодался и мчится домой к своим любимым голубцам...

Виктория Владимировна прикрыла ладонью повлажневшие глаза. Я видел, как дрожат ее губы. Наступила тягостная пауза. Я не знал, куда деться — чертовски неприятно оказываться в таких деликатных ситуациях.

— Простите, Виктория Владимировна, я отниму у вас еще совсем немного времени.

— Да-да, — краешком носового платка она промокнула покрасневшие глаза.

— Я вынужден все же попросить вас рассказать, что было после звонка.

— Я поставила разогревать ужин в микроволновку. Вернулась в комнату — показывали какой-то занятный сюжет. Прошло несколько минут, печь автоматически отключилась. Потом прошло еще с четверть часа. Хотя я и не знала, откуда Витя едет, уже начала волноваться: не случилось ли чего на дороге? Муж был опытным водителем, но времена нынче, сами знаете, какие... В двенадцать выглянула в окно — у нас из спальни виден двор — машина с потушенными огнями стояла на обычном месте парковки. Как сработала сигнализация, я не слышала, поэтому подумала, что Витя еще сидит в салоне. И тут меня будто кто

толкнул, сердце сжалось... Накинула я что-то быстро на плечи и к двери, а за ней сосед из 9-й квартиры стоит, говорит: “Ваш муж у нас на этаже...”

— Выходит, Виктора Викентьевича обнаружили почти сразу же после нападения?

— Получается, так. Я все вспоминаю: только посмотрела в окно, только подумала, выбежала к двери, а за ней сосед... Прошло каких-нибудь две-три минуты...

— Но ведь вы говорите, что не слышали никаких звуков с улицы. В то время как у джипа сигнализация была все-таки включена. Значит, машина уже стояла во дворе до того, как вы ее заметили...

— Наверное... В комнате работал телевизор...

— Виктория Владимировна, ваш муж поднимался по лестнице пешком. Это входило в его привычку?

— Нет. Совсем нет. В первую секунду я даже растерялась, не поняла, как это он оказался этажом ниже...

— А лифт вечером работал?

— Когда подъехали милиция и “скорая”, работал. Милиция, кстати, прибыла на место почти сразу же.

— Вот как?

— Да. Как будто приехали с соседней улицы.

— Ну что ж, большое спасибо, Виктория Владимировна. Вы прояснили мне некоторые важные моменты... Не смею больше занимать ваше время.

Мы поднялись с мест. Моя собеседница испытующим взглядом смотрела на меня.

— Игорь Александрович, вы мне позволите, в свою очередь, задать вопрос?

— Да, конечно.

— Я понимаю, прошло очень мало времени... И, может быть, нельзя еще ни о чем спрашивать. Но тем не менее... Как вы полагаете, реально найти тех... тех, кто это сделал?

Я выдержал ее пристальный взгляд.

— Вы правы, слишком мало времени прошло. Однако кое-какие положительные наработки уже есть, но... — я запнулся, — рано пока об этом говорить.

Она опустила глаза.

— Понимаю, понимаю.

Мы вышли в прихожую. Я был слегка смущен.

Уже уходя, я обернулся.

— Все-таки, Виктория Владимировна, в скором времени, возможно, появятся весьма определенные результаты.

Что-то заставило меня произнести эти слова.

На лестничной площадке между четвертым и третьим этажами я остановился.

За всеми этими психологическими маневрами чуть не забыл об еще одном пунктике, который, коль скоро я оказался в известном месте, требовалось отработать, — о посещении соседа из 9-й квартиры. Шел седьмой час вечера, и шансы застать кого-либо дома были достаточно высоки.

20

Впереди, на перекрестке, что-то случилось. Над крышами скопившихся машин в сумерках светлела беспомощная туша огромного автофургона, перегородившего все четыре полосы.

На проезжей части творилось черт знает что: пользуясь временным отсутствием власти и стремясь любыми средствами выскочить из западни, кто-то выруливал на встречную полосу, кто-то, наоборот, прокладывал себе дорогу по тротуару.

Стоявший передо мной “сааб”, отчаянно засигналив, сдал немного назад и, вывернув руль вправо, въехал на бордюр. Через секунду, взяв препятствие, он уже катил среди шарахавшихся в стороны пешеходов.

Раздумывать было некогда — дурной пример заразителен. Если тотчас же не воспользоваться шансом, его не упустят другие. Я оглянулся по сторонам и, увидев выбившуюся из ряда “девятку”, нажал на клаксон, поддал газу и выскочил на тротуар вслед за

“саабом”. Слава богу, подвеска выдержала. Оставалось проехать несколько десятков метров до светофора — дальше дорога была относительно свободной от машин.

Я мчался по шоссе, и неопределенное чувство дискомфорта, возникшее, вроде, бы ни с того ни с сего посреди мирной беседы в 9-й квартире, понемногу перерастало в беспокойство.

В какой момент оно возникло? Когда Сергей Прохорович, пенсионер, обнаруживший труп продюсера, описывал, какое мертвенно-бледное лицо было у Виктории Владимировны, открывшей дверь, едва он успел подняться к ней на этаж? Когда он подтвердил, как быстро приехала патрульная группа из местного отделения? Или суть была в другом — в упорно не реагирующей на звонки продажной прелестницы Верки с красными волосами?

Миновав нужный дом с ярко освещенным номером, я остановился. В ста метрах позади высилась элитная кирпичная четырнадцатизэтажка с частыми желтыми прямоугольниками зажатых окон.

Быстро распахивая по карманам необходимые мелочи, я выбрался из машины. Сдерживая нетерпение, некоторое время повозился с ключами: осенний вечер со скучными фигурами спешащих прохожих, с теплым светом оживающих домов не таил в себе никакой видимой опасности. С чего бы это вдруг меня забрало?

Небольшое расстояние до подъезда я прошел обычным шагом, чисто машинально разглядывая по пути припаркованные автомобили. Все они стояли пустые, без седоков. Я поднялся по ступеням крыльца и в дверях столкнулся с полноватой женщиной средних лет в кожаной куртке и шерстяном берете, ведшей на поводке бультерьера. Я намеренно постарался не встречаться с ней глазами: запоминается в первую очередь не фигура и даже не черты и выражение лица, а именно взгляд.

В ровно гудящем лифте я провел расческой по волосам, поправил воротничок и галстук.

На десятом этаже кабина мягко остановилась, и я вышел на площадку. Судя по номеру, нужная квартира находилась двумя-тремя этажами ниже — смотря сколько дверей было на каждом этаже. В доме было относительно тихо, работал только один лифт. Тот же, на котором приехал я, пока никто на вызывал.

Я медленно спустился на лестничный марш, прислушиваясь к ходу кабины в шахте: вот она остановилась где-то значительно ниже и, спустя мгновение оттуда донеслись возня, визгливый лай мелкой собачонки, по-видимому, болонки, и оживленные детские голоса. Я был уже на девятом этаже. Бегло посмотрев на номера квартир, я поспешил продолжить путь вниз: с десятого вызвали вторую кабину.

Перед металлической дверью (что угадывалось по обивке) с витиеватой цифрой 32 я остановился. Площадка этажа была ярко освещена и отлично просматривалась из соседских квартир, поэтому, не отрывая взгляда от блестящего глазка, без колебания я утопил кнопку звонка. Однако из-за двери никто не отозвался. Я подождал с полминуты и позвонил еще раз. Опять никакой реакции. Куда же она подевалась? На вызове? Или вышла куда? В прихожей горел свет — это было видно даже при опущенной заслонке глазка. Чисто рефлекторно я нажал на дверную ручку, в следующую секунду намереваясь отступить, но она поддалась...

Меня бросило в пот: открытая квартира, зажженный свет... Одному входить ни в коем случае нельзя. Ни в коем случае.

Монотонное гудение поднимавшегося лифта оборвалось у меня за спиной. Это подтолкнуло к действию — глубоко вдохнув, я потянул дверь на себя и ступил в прихожую...

В первую секунду я ничего не увидел, кроме слепящего света лампы, — так неожиданно быстро все произошло. Опустив руку в карман, я немедленно достал взведенный пистолет (который предпочитал носить лишь в исключительных случаях), снял его с предохранителя и прислушался. Из комнат не доносилось ни малейшего звука — не играло радио, не работал телевизор; только из кухонного крана громко капала вода.

Сзади на лестничной клетке хлопнула чья-то входная дверь.

Я быстро оглядел прихожую: обувницу, коврик, платяной шкаф, полки — никаких следов беспорядка, разве только коврик немного сдвинут, — и сделал шаг по направлению к той комнате, в которой горел свет. Стараясь держать в поле зрения все двери, заглянул в нее и убедился, что она пуста. Мебель и вещи, насколько можно было судить о незнакомом интерьере, находились на своих местах, шторы были раздвинуты, балконная дверь закрыта на задвижку. На стене мерно тикали часы.

Какой-никакой тыл у меня уже появлялся. Я повернулся спиной к гостиной и, переложив в левую руку пистолет, правой легонько толкнул следующую дверь: в полумраке отсвечивало трюмо, блестела разнокалиберная шеренга пузырьков на подзеркальнике. Я пошарил рукой по стене и на секунду включил люстру — комната тоже была пуста. Однако покрывало на двуспальной кровати морщинилось складками, а ящики одной из тумбочек стояли стопкой на полу. Рядом валялись шлепанцы.

Волна холода стиснула затылок: неужели я ошибся? Неправильно оценил момент, не распознал быстро меняющейся ситуации? Что-то ведь намекало на возможность подобного развития событий — не зря же я все время ощущал какое-то беспокойство...

Нужно было немедленно уносить ноги. Но перед тем, конечно, увидеть все своими глазами.

Санузел я пока пропустил: обе двери были заперты на шпингалеты снаружи.

В конце коридора я уже более или менее представлял, какая картина меня ожидает.

На полу кухни, прислонясь спиной к мойке, в распахнутом шелковом халатике сидела молоденькая девушка. Колготки были завязаны на ее шее наподобие пионерского галстука. Рот был полуоткрыт, краснел кончик прикушенного языка, глаза неподвижно уставились в потолок.

Я невольно остановил взгляд на великолепных голых ногах, плоском животе с маленькой впадинкой пупка, щеточке темных волос на лобке.

Вот так. Значит, опоздал.

Но рассуждать времени не было: несколько минут на осмотр и — вон из квартиры!

Я лихорадочно раздернул полы халата и оглядел труп: на левом боку, у нижних ребер, багровели четыре небольших кровоподтека и, чуть в стороне, — более крупный пятый, — как будто девушку тащили, обхватив сзади за талию. Температура тела была близкой к нормальной. На халате следов крови или каких-либо выделений обнаружить не удалось. Не заметил я и повреждений материи, которые могли бы указывать на отчаянное сопротивление жертвы.

В ванной, на сушильной трубе, висело совсем еще влажное нижнее белье.

Быстрее, быстрее!

В большой комнате меня прежде всего интересовал телефон — судя по гудкам определителя, импортная коробочка с отечественной начинкой заключала в себе много ценной информации: память на сто последних звонков с указанием категории, дат и времени; “черный” список, состоящий из нежелательных абонентов; часы; будильник, по показаниям которого нетрудно было представить себе распорядок дня хозяйки...

Разбитый аппарат я обнаружил за журнальным столиком, на полу. Отрезанная трубка лежала в стороне, шнур питания АОНа был выдернут из розетки.

Три минуты уже истекли.

Я воткнул вилку в сеть и, увидев, как мигнуло красным, а потом зажглось табло, — АОН раскуроченного аппарата все-таки работал — сразу же проверил время. Электронные часы показывали 19.58. Отставание составляло 28 минут — получалось, что я зашел в квартиру меньше чем через полчаса после того, как кем-то — убийцей? — был разбит телефон. Я набрал определенную комбинацию цифр: перед глазами замелькали телефонные номера, время, даты. Среди последних были, кроме всего прочего, мои звонки со случайных городских

аппаратов и из таксофонов, пара мытищенских, начинающихся с трехзначных чисел 581 и 583, — на эти я обратил особое внимание. Очень скоро я добрался до самого раннего оставшегося в памяти номера: звонили в прошлую среду, в день убийства продюсера, с московского служебного телефона...

Прошло пять минут моего вторжения.

Я вернулся к сегодняшнему вечеру: в 17.12 аппарат зафиксировал звонок с загородного таксофона, определив при этом его номер; в 17.17 последовал мой звонок (я засекал тогда время), также из таксофона, но уже столичного — на табло были прочерки; в 17.33 кто-то звонил из квартиры; в 19.01 и в 19.20 — опять звонки с неизвестных мобильных телефонов или таксофонов...

В темпе, в темпе!

Я бегло просмотрел “черный” список — на первый взгляд, ничего бросающегося в глаза. Однако несколько любопытных номеров я для себя все же отметил. Потом проверил будильник — девочка имела обыкновение подниматься не раньше часа дня — и выдернул вилку.

Дальнейшие мои действия можно описать одними глаголами — времени на частности не оставалось.

Я метнулся в спальню, подсвечивая себе фонариком, заглянул под кровать, в платяной шкаф, потом перебрал ящики тумбочек и трюмо, наткнулся на яркие парики. Что конкретно интересовало в этой комнате киллера? Почему он не обыскивал гостиную?

У входной двери, слегка запыхавшись, я остановился и прислушался: похоже, людей на этаже не было. Я приблизился к глазку и осторожно поднял заслонку — никого. Тогда, изо всех сил отжимая дверь к петлям, я бесшумно отодвинул собачку замка и тихонько толкнул ручку от себя — в щель с лестницы тотчас донеслось гудение лифтов: работали обе кабины.

Не мешкая ни секунды, я выскользнул из квартиры, оставив дверь незахлопнутой, и поспешил по ступенькам вниз.

Что, черт возьми, происходит? Кому помешала эта смазливая девочка по вызову? Что и про кого она могла знать? Или... Да нет, это не похоже на налет, случайно совпавший по времени, — вещи, за исключением каких-то мелочей, остались на местах.

Но если все не случайность, кто здесь приложил руку? Спецы из уважаемой Конторы? Вообще-то, не очень согласуется с их стилем — неосновательность им не к лицу. В квартире же явные следы спешки: незахлопнутая дверь, непогашенный свет, не выведенный из строя телефон, торопливый обыск (или имитация обыска?)... Опять же эти кровоподтеки под ребрами жертвы... А если постаралась не Контора, тогда кто? Отставные служаки из “Энигмы”?

Я ехал по Ярославскому шоссе и снова мысленно прокручивал ситуацию — вспоминал податливость дверной ручки, слепящий свет в прихожей, звонкую капель кухонного крана, соблазнительное, но мертвое тело... Кровоподтеки... Что-то ведь было в них, какая-то мелочь, которая... Но требовалось дальше осматривать квартиру, и я в ту минуту отвлекся. Что же именно? То, что пятна были расположены на левом боку — и, значит, убийца тащил жертву на кухню, обхватив сзади за талию правой рукой и зажимая рот левой? (Вероятно, девица была тогда еще жива — на голове никаких следов ушибов.) Но доказывает ли это, что киллер левша? Или все дело в рисунке пятен? Одно из четырех мелких, оставшееся от подушечки мизинца, находилось сравнительно далеко от прочих, заметно ближе к основанию пальца... О чем это говорит? Мизинец был согнут? На нем недостает фаланги? Неужели и в 32-й квартире постарался тот же умелец? И что мне это дает? Что дает? Многое. Если все обстоит так, тогда времени терять нельзя: пока об убийстве не узнали другие весьма озабоченные люди, у меня остается некоторая свобода маневра, а значит, и кое-какие шансы. Потом-то, скорее

всего, придется залечь на дно — слишком темным и опасным оказывается расклад.

Что я имею по этому мокрых дел мастеру, кроме некоторых его физических данных и анатомических особенностей? Возраст? Не старше сорока? Однако следует ли отнести свидетельство Дины конкретно к интересующему меня субъекту?

Еще загвоздка: где, в каких краях его искать?

Вопрос, в сущности, лишний. Выбирать пока не приходилось, адрес был единственным — потому-то я и гнал машину за город по Ярославскому шоссе: три раза за последние сутки упоминалось славное название подмосковного местечка Мытищи.

Сначала стильный паренек в “БМВ” и фирма “Универсум”, не имеющие как будто бы никакого отношения к продюсеру и его делам, — из Мытищ. Потом выяснилось, что вдова родом оттуда же. А вечером на табло определителя в квартире с неостывшим трупом высветились опять же мытищинские телефонные номера... Не много ли совпадений за столь короткий срок? Наверное, все-таки многовато. Оттого-то я вовремя и вспомнил об одном моем давнем знакомом.

Я подкатил к трехэтажному кирпичному зданию управления внутренних дел в половине десятого, когда дневная волна забот уже схлынула, а до вечерней напряженной работы оставалось час-полтора относительно спокойного времени.

Молоденький лейтенант, помощник дежурного, вопросительно посмотрел на меня из-за зарешеченной стеклянной перегородки.

— Как мне найти Ивана Парфеновича?

— А вы по какому вопросу?

— По неотложному.

Лейтенант внимательнее оглядел меня.

— Он сейчас занят, — но что-то уловив в выражении моего лица, потянулся к аппарату. — Обождите минутку.

Он нажал на кнопку селекторной связи, и из динамика донесся сильный хриловатый голос.

— Ну, что у тебя?

— Товарищ майор, к вам... — лейтенант поднял на меня глаза.

— Годунов Игорь Александрович.

— Годунов Игорь Александрович... Говорит, по неотложному вопросу.

— Пропусти!

С видимым облегчением лейтенант отключил связь.

— Проходите. Последняя дверь налево по коридору.

— Я знаю.

Я кивком поблагодарил дежурного и шагнул в длинный узкий коридор со знакомым вечным запахом то ли краски, то ли гуталина, в конце которого уже распахивалась массивная, обитая дерматином дверь.

— Сколько лет, сколько зим.

— Здорово, здорово, Иван Парфенович.

Мы зашли в кабинет.

— Какими судьбами в наших краях? Да на ночь глядя?

— По делу, Парфеныч, по делу.

— Да уж понятно. Так просто ты никогда не заглянешь!

— Сам знаешь, жизнь бекова — нас дерут, а нам некого.

— Волка ноги кормят? Знаю. Что на сей раз стряслось?

— Ищу вот одного молодца. Сам понимаешь, из каких.

Есть намеки, что он из вашей вотчины.

— Ты говори конкретно. Кто? Что? А там будем разбираться: наш или не наш.

— В том-то и суть, что конкретного немного: примерный возраст, рост, некоторые особые приметы, пальчики, не проходящие по картотеке, — вот и все, что я имею. Опять же кое-какие совпадения... Да! В розыске мой клиент не числится.

— И чем я могу помочь?

— Очень многим, Ваня. Есть, конечно, у вас информация для внутреннего, так сказать, пользования — по местной подкрученной публике.

— Ну и?..

— Я понимаю, что просить тебя заглянуть в нее хотя бы одним глазком, —дохлый номер...

— Правильно понимаешь.

— Но прогнать через банк данных мои приметы мы можем?

Иван Парфенович поскреб пятерней затылок.

— Ты, как всегда, ставишь меня в озабоченное положение!

— Озабоченное – это как? Ты ж меня знаешь, за мной никогда не пропадало.

Он усмехнулся.

— Ладно, пока есть время, попробуем.

Мы подошли к компьютеру.

— Давай, что ты там раскопал.

— Значит так: возраст до 45 лет (на всякий случай я накинул еще пяток лет), рост около 170 сантиметров, левша, без уголовного прошлого, в розыске не числится.

— И это все?

— Пока все. Остальное предположительно. Добавим позже, по ситуации.

Иван проворно застучал пальцами по клавиатуре.

Через полминуты на экране монитора появился список из тринадцати человек.

— Вот так да! В вашей большой деревне одни левши... Тогда подкорректируем: возможно, в прошлом кадровый военный, возможно, побывал в горячих точках... Что в этом случае у нас получается?

— Остается только четверо.

— Ваня, хорошо бы взглянуть поподробнее!

— Игорь, это служебная информация. Сам понимаешь, что будет, если она уйдет куда-то на сторону.

Я вздохнул.

— Ценю твою принципиальность.

— Спасибо. Так еще что?

— Возможно, отсутствует крайняя фаланга на правом мизинце. Но обещай, если таких не окажется...

Я не договорил — на экране возник убогий текст. Я успел прочитать только первую строчку: Сухоручко Павел Константинович, 1962 г.р...

Затем изображение исчезло.

— Что ты делаешь?

— Исключаю все, что касается оперативных разработок.

Как я понял, тебе важны приметы и координаты?

Я смог только молча кивнуть головой.

Чуть погодя на мониторе снова появился текст:

“Сухоручко Павел Константинович, 1962 г.р., уроженец г. Сумы, Сумская обл., с 1991 г. — территория Украины.

Старший прапорщик в отставке. Уволен из рядов Советской Армии в 1991 году по собственному желанию.

Семейное положение — холост.

Место постоянного жительства: Московская обл., г. Мытищи, ул. Мира, д. 59, кв. 13...

Признаки внешности:

Статические — рост 172 см, телосложение крепкое, нормального питания, голова крупная, форма затылка вертикальная, волосы густые, черные, с проседью, лицо круглое, контур лица выпуклый, кожа смуглая, лоб скошенный, низкий, значительно выступающие надбровные дуги, брови густые, горизонтальные, сросшиеся, глаза серые, миндалевидные, белки желтоватые, нос прямой, губы тонкие, правый край верхней губы приподнят, зубы крупные, подбородок средний, раздвоенный, шея короткая, толстая;

Функциональные — осанка подтянутая, голову держит прямо, руки — вдоль туловища, походка твердая, быстрая, речевая жестикация отсутствует, мимика малоразвитая, голос сильный, низкий, речь спокойная, с легким украинским акцентом, лексически правильная.

Особые приметы:

Анатомические — левша, на правом предплечье белый шрам от осколочного ранения длиной 7 и шириной 2 сантиметра, последняя фаланга на мизинце правой руки отсутствует,

татуировка чуть выше левого соска — автоматный патрон в венке из дубовых листьев и надпись над ним печатными латинскими буквами MEMENTO MORI — “ПОМНИ О СМЕРТИ”, на пальцах левой кисти вытатуирована аббревиатура ОКСВА — “Ограниченный контингент советских войск в Афганистане”;

Функциональные — отсутствуют.

Броские признаки:

Анатомические — крупная по отношению к туловищу голова, сросшиеся брови;

Функциональные — при разговоре слегка кривит рот, при ходьбе косолапит.

Хронические заболевания: фиброз печени...”

Я с трудом оторвался от монитора: что называется, в десятку! Встретился взглядом с Иваном Парфеновичем.

— Ну что? Твой?

— Очень возможно. Но надо еще проверять. Ты мне сделаешь распечатку?

— Нет, Игорь, не могу. Пиши от руки.

— Что ж, ты, как всегда, прав.

22

Посидев с час в гостях у Ивана Парфеновича, я отправился в обратный путь. С получением ошеломляюще конкретной информации об убийце появилась новая пицца для размышлений.

Чей заказ выполнял Сухоручко? (А в том, что продюсера убил именно он, сомнений теперь практически не оставалось: гепатитом, по статистике, болеет один человек из пятисот, и только у каждого третьего-четвертого из них болезнь в конце концов переходит в неактивную форму — фиброз печени. Вероятность же совпадения даже тех немногих примет внешности, которые имелись у меня, с фактом подобной патологии вообще сводила возможность ошибки к нулю).

Почему расправились также со шлюхой?

Что означало отстраненное присутствие на похоронах мытищинского коммерсанта, вероятно, сталкивавшегося с Кривицким в “Золотом павлине” и уж наверняка пользовавшегося услугами задушенной прелестницы?

Как все это связать?

Отчего, наконец, столько Мытищ в двух преступлениях? (С помощью телефонной базы данных я легко выяснил, откуда именно были звонки, начинавшиеся с чисел 581 и 583: первый — из шикарного ресторана, второй — из заштатного кафе. Но, главное, я установил местонахождение загородного таксофона, с которого звонили в Веркину квартиру незадолго до убийства, в 17.12, — отделение почтовой связи в городе Мытищи.)

Что вообще такое — этот Сухоручко? Осторожный Иван Парфенович не разрешил почерпнуть закрытой информации. И хотя мы были знакомы уже довольно давно, другого я, в принципе, и не ждал: слишком непредсказуема наша теперешняя жизнь — мало ли каким боком она повернется завтра? Поэтому стопроцентного доверия не может быть никому. Значит, нужно все самому собирать по крохам.

Итак: Сухоручко Павел Константинович.

Судя по татуировкам, проходил в Афгане срочную службу. Буквы ОКСВА на пальцах — это, конечно, знак не очень-то раздумывающей юности.

Я много встречал подобных отметин у тех, кто в числе первых побывал там. Автоматный патрон и пафосная надпись “MEMENTO MORI” свидетельствуют скорее всего о том, что он тянул лямку где-нибудь в автобате — мазута, как звали шоферов в армии, во все времена любила подобные штучки. Солдаты действительно боевых подразделений — разведрот, десантно-штурмовых батальонов и, на худой конец, обычных десантных частей — выделяли себя по-другому. Я видел вытатуированные (иногда и в цвете японской тушью) парашюты с оскаленными тигриными мордами и грозными буквами — ДШБ. У армейского спецназа свои эмблемы, официально утвержденные, — у чучковцев, например, на плече вытатуирована летучая мышь...

Место службы, естественно, не обо всем еще говорит: Сухоручко и в автобате, при рутинной перевозке грузов, мог вдосталь понюхать порошу — и шрам от осколочного ранения тому подтверждение. Татуировки только пояснили, что киллер не обучался тонкостями ремесла у профессионалов (хотя и приобрел потом дилетантскую сноровку: контрольный выстрел в ухо снизу вверх — чтоб мозги не вылетели наружу). А это уже многого стоящая деталь!

К сожалению, все прочее было менее определенным: я не знал, среди какой публики вращается Сухоручко, где его искать, если по адресу он не появляется, — а насчет этого я не строил иллюзий. И хотя были тут и зацепки — телефон дорогого ресторана, одного из немногих мест в городке, где продается оригинальный “Кент”, — неизвестно сколько времени оставалось в запасе: как скоро обнаружат труп в квартире с прикрытой, но не захлопнутой дверью и с невыключенным освещением? (От срока, кстати, зависело, в каком состоянии оперы обнаружат угасающий АОН, — в той модели телефона не предусмотрены батарейки. Хотя, возможно, им посчастливится отыскать мобильник, который, при недостатке времени, я даже не искал.)

Стоило бы еще, наверное, поспрашивать о Сухоручко и в местной организации афганцев...

Я хлопнул себя по лбу. Вот балбес! Ничего не скажешь, это дело незаметно затянуло! Что ломать над всем этим голову? Какая разница, кто такой Сухоручко и где его искать, кто нанимал киллера? Моя забота — добыть сведения, передать их соответствующим органам, а там — пусть разбираются: кто, что да почему. Пусть копают мельче или глубже, выясняют, если у них появится охота, отчего это у уважаемой конторы свербит в одном месте. Мавр сделал свое дело — мавр может удалиться. Составить для заказчика предусмотренный контрактом отчет о проделанной работе с указанием потраченных сумм. С включением в него, естественно, и проигрыша в казино, трат на ресторан и барышню. Это тоже издержки производства.

Домой, домой! И первым делом отзвонить Кондратьеву: где он, что он? Почему до сих пор не скинул SMS-сообщение, как договаривались? Не удалось ничего разноухать насчет пленок видеоконтроля в “Золотом павлине”? Да нужно бы узнать, как там Надя...

Впереди яркой оранжевой гирляндой тянулись огни Ярославского шоссе. Я переключил передачу и начал затяжной правый поворот на эстакаду, как почти перед самым бампером неожиданно выскочила женщина и отчаянно взмахнула руками.

Я едва успел ударить по тормозам.

Дамочка живо подбежала, нагнулась к стеклу и, не успев я слова сказать, воскликнула плачущим голосом:

— Ради бога, молодой человек, помогите!

— Что случилось?

— С машиной что-то. Никто не останавливается, тьма кругом... Помогите!

Чуть поодаль, у обочины, мигая подфарниками, сиротливо притулился старенький “мерседес”.

Этого еще не хватало.

— Что же вы ездите одна в такое время? — пробурчал я, выбираясь из машины. Злость сразу же прошла.

— Вы хотя бы дотащите меня на буксире до шоссе... — она будто не слышала меня, все твердила свое плачущим голосом.

— Вы, главное, не волнуйтесь, сейчас все сделаем. Есть у вас буксировочный трос?

— Да, кажется, в багажнике.

— Эх, кажется, кажется...

Я открыл багажник, нагнулся, пытаюсь впотьмах разглядеть, где что лежит. Услышав рядом тяжелые шаги, повернул голову...

В следующее мгновение в глазах полыхнули огненные брызги.

Под низким потолком нестерпимо ярко горела лампа, и этот слепящий свет смешивался с зыбкой розовой пеленой, застилающей взгляд.

Я отвернулся и прикрыл глаза, а когда снова разлепил отяжелевшие веки, увидел чью-то багровую руку с набухшими буграми вен. Да это же моя рука!

Я похолодел. В памяти всплывало кусками: оранжевые огни шоссе, женская фигура, мольбы, старенький “мерседес”, грузные мужские шаги... На дешевом трюке попался, словно последний лох. Но как, как это могло со мной случиться?

Тупая боль возникла в затылке и горячей волной прошла по всему телу, заставив стиснуть зубы.

— Что, оклемался? — кто-то еще был в комнате.

Я медленно поднял глаза. Рядом со мной, глубоко засунув руки в карманы брюк и слегка покачиваясь с носка на пятку, стоял какой-то человек.

— Вижу, вижу, ты наконец к нам вернулся.

— Ты уверен, что я тот, кто тебе нужен? — поначалу я даже не узнал собственного хриплого голоса.

Вместо ответа он вынул из кармана листок бумаги и приблизил его к моему лицу.

— Где ты это взял?

На листке от руки было записано несколько слов, касающихся Сухоручко.

Я молчал. Я не знал, с кем имею дело.

— Ты слышал вопрос? Я повторяю: откуда у тебя наколка на этого парня?

Я не реагировал.

Удар пришелся в скулу. В ухе зазвенело.

— Может быть, мне кликнуть Хирурга? Он любит разделять таких, как ты... Кстати, комнатка его здесь, рядом.

Он сделал три широких шага и пинком распахнул железную дверь.

В тесной, мрачной, с обшарпанными стенами комнатенке, освещенной запыленной лампочкой, висел ржавый крюк, стояла

прислоненная к столу почерневшая оцинкованная детская ванна. Пахнуло спертым сладковатым воздухом.

Ах, вот к кому я попал.

— Сначала он отрежет тебе уши, потом яйца. А после член порубит на пятаки... Ну?

За спиной раздалися шаги — кто-то неторопливо спускался по лестнице. Тотчас где-то совсем рядом мелодично тенькнул мой мобильник: пришла-таки от Кондратьева весточка. Или кто-то еще вспомнил обо мне?

Я отвернулся, но краем глаза наблюдал, как хмырь, что устроил мне допрос, с недовольным видом полез в карман брюк и достал из него трубку мобильного телефона. В помещение зашел еще один угрюмый тип.

— Герман, дело есть. Отвлекись на минутку.

— Что такое? Хирург приехал?

— Пока нет.

— Смотри, на мобильник этого кента пришла какая-то малява...

— Ну-ка, дай сюда!

Несколько секунд вошедший с недоумением смотрел на телефонный дисплей.

— Что-то совсем не врубаюсь, тут по-иностранному накалякано... Ладно, отойдем! Оставь этого фрайера для Хирурга. В курсе ведь, что он предпочитает возиться со свежатинкой.

— О'кей, — тот, кто говорил со мной и кого называли Германом, убрал бумагу и мобильник опять в карман. — Не буду Хирургу ломать кайф.

Они вышли из комнаты и захлопнули дверь. Я слышал, как в замке два раза повернулся ключ.

Сколько-то времени у меня появлялось, чтобы сориентироваться в ситуации. Мысль лихорадочно работала. Это же бандюки! Но кто их на меня навел? Неужели... Смутная догадка показалась настолько ошеломляющей, что я предпочел пока ее не додумывать. Впереди маячил допрос с пристрастием, и при любом его исходе — аут...

Какие есть шансы выкарабкаться?

Я оглядел помещение: довольно обветшалые кирпичные стены, справа под потолком маленькое застекленное окошко, забранное решеткой. Судя по скоплению хлама — старой поломанной мебели, хозинвентаря, — наверняка, подвал какого-нибудь загородного особнячка. Людей на таком объекте не должно быть много. Вопрос в том, как выбраться наружу?

Я попытался разглядеть дверь, находившуюся за спиной, повернул голову влево, вправо — тщетно. Стронуть с места кресло не удалось — оно было каким-то образом прикреплено к полу.

Эх, Шура! Доехало твое сообщение, да чуть поздновато. А доведется ли еще глотнуть свежего воздуха, бог весть...

В первую очередь, нужно попытаться освободить запястья. Изо всех сил я напряг руки, так, что, казалось, лопнут вены, но широкая клейкая пластиковая лента не поддавалась. Тогда, пользуясь предплечьем как рычагом, я принялся двигать локтем туда-сюда, постепенно растягивая ее до тех пор, пока не стало возможным ухватиться за край зубами. Правда, сделать это оказалось не так просто — я едва не вывихнул себе шею.

Изрядно облившись едким потом, но высвободив все-таки правую руку, я вытащил из-под кожаного лейбла джинсов шестиугольный сурикен, который всегда носил с собой и который никто, конечно же, не искал при шмоне, перерезал путы на другой руке и у лодыжек на ногах. Теперь я был не беззащитен, и хотя в голове по-прежнему шумело, и накатывала тошнота, чувствовал в себе достаточно сил для сопротивления.

Я подскочил к филанчатой двери, за которой скрылись те двое, и прислушался: никаких звуков. Дверь выглядела массивной и открывалась вовнутрь — поэтому нечего было даже и пытаться как-то отжать ее. Я кинулся к другой, обитой железом, — там меня опять ждало разочарование: вторая комната оказалась глухой.

Слабый гнилостный запах со сладковатым привкусом закупорил глотку.

Глаза быстро обежали помещение — грязный стол с тисками, ванну, паяльную лампу, убогий стул, крюк — и впились в большой, грубой мешковины куль, прислоненный к стене в углу.

Что-то в его очертаниях мне сразу не понравилось.

Я подошел, взрезал отточенным сурикеном горловину и невольно застыл в замешательстве: из мешка выглядывала голова. Лицо покойника уже наливалось синевой, но я узнал этот скошенный низкий лоб, густые горизонтальные сросшиеся брови, раздвоенный подбородок. Сухоручко! Вот где судьба мне готовила нечаянную встречу с ним.

На лестнице, ведущей в подвал, послышалась отборная матерщина, смех. Я отпрянул от своей неожиданной находки и опрометью бросился в первую комнату, по пути схватив со стола за раструб паяльную лампу.

За филенчатой дверью Герман, засовывая в замочную скважину ключ, говорил кому-то:

— Передаю тебе в целости и сохранности, хотя у меня самого чешутся руки... У этого фраера откуда-то данные Хохла, которого мы никак не выкинем из твоего чулана...

— Открывай, открывай, — тому, другому, видно, не терпелось приступить к делу.

Дверь плавно подалась, и, когда в проеме показалась голова, я с размаху опустил на нее сверху паяльную лампу.

Герман даже пикнуть не успел.

В следующее мгновение я рванул на себя дверь и оказался лицом к лицу с невзрачным человеком в застиранном хирургическом халате и с аккуратненьким пакетом в руках. С застывшего лица-маски на меня смотрели расширенные от ужаса глаза. Я повторил движение лампой сверху вниз...

Дальше я действовал почти автоматически: не обращая внимания на растекавшуюся по полу ярко-красную лужу, лихорадочно охлопал безответного Германа и вынул у него из-за пояса новенькую “беретту”, загнал патрон в патронник. Потом достал из кармана свой мобильник и напряг слух. Где-то в доме

звучала негромкая музыка. Больше ничто не указывало на присутствие людей.

С оружием в руках я почувствовал себя намного увереннее. Боль отступила, тело стало податливым, гибким — адреналин бушевал в крови. Я едва глянул на дисплей телефона, зацепил глазами буквы “bх”, сунул трубку в карман рубашки, пружинисто поднялся по лестнице, миновал еще дверь, заглянул в узкое окно коридора: во дворе стояли две новые иномарки, знакомый потрепанный “мерседес” и моя “пятерка”; дальше, метрах в тридцати, маячила черная полоса высокого забора.

Ритмичная музыка в соседней комнате перешла в громкие всхлипывания — кому-то было явно не до возни в подвале.

Я прошел дальше по полутемному коридору и оказался возле выхода. В этот момент неожиданно открылась боковая дверь.

— Герман...

Договорить парень не успел — рукоятка пистолета с хрустом впечаталась в лоб. Я едва успел ухватить его за шиворот левой рукой и, обмякшего, заботливо усадил на пол.

Только потом я обратил внимание на блестящий взгляд, устремленный на меня с дивана: там, поджав ноги, сидела давешняя плаксивая дамочка с Ярославского шоссе. Я плавно повел стволом в ее сторону, жестом приказывая молчать. Это было явно лишним — она и так оцепенела от страха.

Секунду я колебался, потом шагнул в комнату и втащил внутрь бесчувственное тело бандита.

— Сколько в доме людей?

У дамочки громко клацали зубы.

— Н-не зн-наю... Мальчики н-недавно п-подъехали...

Где-то наверху раздались глухие голоса, звуки шагов.

Тогда надо делать ноги. Жаль, что придется оставить свою машину здесь.

Я выглянул в коридор, бросил через плечо:

— Если пикнешь, сука, прибью!

Ответа не последовало. Укоризненно покачав головой, я двинулся к выходу. До свободы оставалось всего ничего.

Двор выглядел пустым, но меня не обманула ночная тишина. Напряженный слух уловил сначала легкий хруст песка, а потом и частое дыхание. Через секунду в слабом отсвете дальнего окна мелькнула быстрая серая тень.

Я остановился на полпути и вскинул пистолет.

Заметив мое движение, собака чуть замедлила бег. Это была крупная немецкая овчарка, судя по повадкам, специально натасканная — она не лаяла, не рычала, но, оскалив зубы, медленно и осторожно приближалась ко мне. Я видел прижатые уши, видел, как она напряглась перед прыжком. В тот момент, когда ее передние лапы оторвались от земли, я выстрелил...

Я уже сидел на гребне забора, когда из дома донеслись душераздирающие визгливые крики...

Полуночный осенний лес плотно обступил меня со всех сторон. Верхушки черных елей шумели в вышине. Лес — родной дом для бывшего диверсанта из спецназа ГРУ. Много месяцев нас учили, как в нем не только выживать, но и жить, чувствуя себя при этом довольно сносно.

Я бежал, ритмично дыша, по редкой сырой траве, без труда ориентируясь во мгле, и с каждым шагом подвал, Хирург, Сухоручко становились все дальше...

24

Боль вернулась только к утру, когда, сделав приличный крюк — преодолев с десятков километров по пересеченной местности (выронив по пути мобильник и сбросив в безымянный ручей пистолет), я добрался наконец до шоссе.

Мимо проносились многочисленные автомашины, но реагировать на мои отчаянные жесты никто не торопился. Потом надо мной все же сжалился какой-то горемыка на мусоровозе.

Едва я расположился на широком провонявшем бензином сиденьи грузовика, тело разбила такая ломота, что несколько

минут я не мог пошевелить ни рукой, ни ногой. Тогда же я заметил, что основательно промок. Кровь неровными толчками пульсировала в голове, вызывая в затылке нестерпимое жжение; приступами подкрадывалась тошнота.

Думаю, видок у меня был еще тот.

Шофер, искоса и, как показалось, неодобрительно оглядев меня, молча крутил баранку. Я ухмыльнулся:

— Извини, друг, попал в переplet.

— Ничего, бывает.

В молчании мы доехали до самой Москвы. Все это время я пытался осмыслить произошедшее.

Теперь, когда ночные события остались позади, волосы шевелились на голове при мысли, во что могла обойтись мне всего лишь одна не к месту сказанная фраза в квартире вдовы. Перед глазами вновь и вновь возникало посиневшее лицо Сухоручко — не пришлось-таки умельцу воспользоваться гонораром, завалили свои же... А ведь, судя по состоянию трупа, прикончили его около двух суток назад — значит, в гостях у проститутки Верки побывал кто-то другой. Герман? Или тот, кого я приложил пистолетом в лоб?

Впрочем, это уже было не важно: совсем немного времени оставалось до развязки...

Я вдруг представил себе Кондратьева, путешествующего в спальном вагоне с зеркалами, с прохладными накрахмаленными простынями в приятной компании разомлевшей от комфорта Светочки, и у меня от зависти заныли зубы. Жаль, при прыжке с забора, когда меня шатнуло в сторону, я обронил мобильник (или это случилось где-нибудь в буераке), а то можно было бы попытаться наладить прямую связь... Но молодчик Шура все же раздобыл у своих коллег какую-то информацию.

У въезда в город я попросил у шофера щетку, чтобы хоть как-то привести в порядок одежду. Джинсы и плотная рубашка не успели обсохнуть, и я не без труда очистил их от приставших репьев и грязи.

На пересечении Щелковского шоссе с одной из Парковых улиц я попрощался со своим благодетелем, одолжив у него напоследок денег на метро.

— Спасибо, друг.

— Не за что. Бывай здоров.

Проехав несколько остановок на метро, через полчаса я уже стоял возле абонентского ящика почтового отделения, делая вид, что разыскиваю в карманах ключи, и искоса наблюдая за окном выдачи корреспонденции, в котором маячило бледное лицо служащей. Улучив момент, я подцепил ногтем тонкую металлическую дверцу, просунул всю пятерню и, сильно надавив, вскрыл ящик.

Внутри лежал запечатанный конверт. Вдруг задрожавшими руками я разорвал его — на извлеченном листке бумаги корявым почерком Кондратьева было нацарапано:

“Мат. по монит. игр. залов ЗП изъяты в чт сотр. “Э”. Обст. так: счит. ошиб. размагнич. Т.е. не подл. выд. офиц. след. Прил. руку быв. п-к Кушинников. Помнишь? К. пос. “Мелихово”, 28 км М-10, 19, чрн “Шевр-Суб”, г.н. А777ГА 77 RUS. Пока не лезь”.

Вот о чем нужно было бы знать в первую очередь!

Со свойственной ему лаконичностью Кондратьев понаставил обрубков слов и точек, как будто телеграмму на дальний конец света отправлял. Хотя, с другой стороны, не до всякого любопытного дойдет смысл, попади писулька в чужие руки. Впрочем, предостережение Шура не поленился накарять полностью...

Для меня же ценность этого сообщения трудно было переоценить.

Итак, материалы по мониторингу игровых залов “Золотого павлина” наутро после убийства, в четверг, были изъяты сотрудниками “Энигмы”. Для официального следствия дело обставили так, что видеопленки, мол, ошибочно размагничены. Ловко! И концы в воду, и нет предмета для интереса со стороны кого бы то ни было. Руку к сему приложил бывший полковник Кушинников... Помню ли я его? А как же! Бравый такой,

подтянутый, с шапкой седых волос полкан, руководивший в свое время одним из отделов столичного ГУВД. Перебрался, значит, на солидное содержание под надежное крылышко олигарха?

Дальше... Коттеджный поселок Мелихово, что расположен чуть в стороне от 28-го километра федеральной трассы М-10, то есть Ленинградского шоссе. Тоже наслышаны. Там построен коммунизм для отдельно взятых работников образцового предприятия капиталистического труда – об этом неоднократно с гордостью сообщали по телевидению. Что такое 19? Порядковый номер коттеджа? Или здания, занятого службой “Энигмы”? И, наконец, госномер черного “шевроле-субурбана”. Ага, вон сколько счастливых семерок!..

В свете этой обескураживающей новости мои последующие действия выглядели совсем простыми: как можно быстрее добраться до собственной квартиры, вынуть из тайника всё с таким трудом добытое и передать в надежные руки следственной бригады. Поделившись, конечно, соответствующими соображениями: Кривицкого убрали непрофессионалы. Причем, непрофессионалы с весьма ограниченными возможностями... А вот что творилось при этом вокруг...

Впрочем, на этом моя миссия заканчивалась.

Зато начиналась головная боль у официального следствия — ведь, строго говоря, собранные мной материалы были юридически ничтожными: изъятие окурков в подъезде, обнаружение сигаретной пачки в проулке документально не были оформлены (пулю и гильзу я уже передал операм). Видеозапись похорон? А что в ней содержалось такого существенного? Личность коммерсанта из “Универсума” и возможное его знакомство с Кривицким (хотя бы даже на почве рулетки и девочек) оставались непроясненными... Еще больше предстояло возни в связи с приведением моих прочих изысканий в надлежащий, строго протокольный вид...

Воспользовавшись запасным ключом, на всякий случай хранившимся у соседа, старичка-ветерана, я открыл входную дверь и оказался в прихожей.

После вчерашних треволнений и ночного марш-броска тишина квартиры показалась совершенно необыкновенной. Я поспешно избавился от пропахшей потом одежды и полез под душ. Какое блаженство – подставить ноющее тело под теплые водяные струи!

Из сладостного состояния меня вывел настойчивый телефонный звонок. Вот черт, ни минуты покоя.

Намеренно неторопливо я надевал халат — телефон все не унимался. Наконец я снял трубку.

— Алло!

— Годунов, ты?

— Ну, — я узнал голос Шуриного сослуживца.

— Хорошо, что тебя наконец застал! Все утро как ошалелый диск накручиваю, номера твоего мобильного у меня нет...

— А что за пожар?

— Кондратьева сбила машина.

— Что?

— “Опель-монтерей” у Курского вокзала во втором часу ночи. Он уломал начальство дать ему отпуск, ну и собирался с какой-то девицей, своей новой знакомой, на юга... Так прямо на глазах девицы и того...

У меня словно что-то оборвалось внутри.

— Как же так? И где... он сейчас?

— В морге.

— Умер?!

— Не приходя в сознание... Джип-то, говорят, мчался под сотню.

— Водилу взяли?

— Нет. Скрылся с места происшествия.

Я сжал зубы.

— Слушай, я к вам скоро подъеду.

— Давай.

Я рухнул в кресло как подкошенный. Шуру сбила машина! Насмерть. После того как он осторожно поинтересовался материалами видеонаблюдения казино?

Неужели успели среагировать ретивые служаки из “Энигмы”? Но почему? Почему?

Мой блуждающий взгляд случайно упал на книжный шкаф. На верхних полках что-то было не так. Я сам убирал квартиру, мыл полы, стирал пыль с полок, поэтому знал о месте каждой мелочи в доме. Я пригляделся: томики собраний сочинений русских классиков стояли вразброд, а не по номерам, некоторые из них косо выглядывали из ровной шеренги книг. Что это? Я никогда не нарушал раз и навсегда заведенного порядка в своей скромной домашней библиотеке. Я бросился к письменному столу — так и есть: контрольный волосок, укрепленный в углу нижнего ящика, был сорван. Это означает... Мне вдруг стало не по себе: это означает, что ничего еще не заканчивается...

Из столбняка меня вывел вновь зазвонивший телефон. Несколько секунд я мучительно раздумывал, брать или не брать трубку.

— Да!

— Игорь! Игорь! — мембрана звенела от истерического женского крика.

— Надя?!

— Я боюсь! Боюсь! Кто-то названивал вчера вечером, угрожал... Грубый голос такой... И тебя никак найти не могла...

— Успокойся. Успокойся!

— Я боюсь, Игорь!

— Откуда ты звонишь?

— Из дома. Я не пошла на работу, чувствую себя совершенно разбитой...

— Потерпи немного, я сейчас приеду. Главное, никуда не выходи. И никому не открывай дверь. Я уже еду.

Я кинулся торопливо одеваться и уже буквально через минуту выскочил на улицу...

Где-то совсем рядом притаилась опасность. Вон того типа, выгуливающего брыластого слюнявого бульдога за буйно разросшимися, но уже изрядно поредевшими кустами, заботило, вполне возможно, вовсе не состояние кишечника четвероного друга, а нечто другое — не зря же он так старательно избегал смотреть по сторонам. А теплая компания, выбравшая место для общения за углом продовольственного магазина, действительно ли соображала на троих или только делала вид?..

Я вполголоса выругался: в такой аховой ситуации может померещиться что угодно.

Все полчаса поездки на такси я сидел как на иголках. Остановив машину возле Надиного дома и попросив шофера чуть подождать, направился к подъезду. Я не был уверен, что поступаю правильно, но слишком уж раздумывать не приходилось. В конце концов, мне было достаточно всего пяти минут, чтобы, прихватив Надю с собой, взять курс прямо на Петровку: материалы, извлеченные мной из надежного тайника в межкомнатной двери, который не смогли обнаружить тайные соглядатаи, уже лежали во внутреннем кармане моей куртки.

Я поднялся по лестнице и встал справа от лифта — как тому учат всевозможные служебные инструкции.

Одна кабина находилась где-то на верхних этажах, другую не было слышно — скорее всего, она не работала.

Пока лифт двигался вниз, я не спускал глаз со входа и лестничных пролетов, ведущих на второй этаж.

Кто мог угрожать Наде? Почему этот прессинг начался со вчерашнего дня?

Автоматические створки раскрылись, и из кабины, окинув меня любопытным взглядом, вышла молодая женщина с ребенком. Я быстро занял ее место и нажал кнопку.

Ничего-ничего. Скоро все прояснится.

Двадцать секунд, в течение которых лифт поднимался на девятый этаж, показались вечностью.

Очутившись наверху, я еще немного помедлил, пытаюсь уловить поблизости какие-либо подозрительные звуки — шорох

одежды, осторожный скрип напольной плитки — и, не расслышав ничего, подошел к нужной двери.

В прихожей тихо замурылкал звонок, потом, после паузы, раздались шаги.

Шаги не те!

Я молниеносно обернулся и наткнулся на направленный прямо мне в глаза черный зрачок глушителя. Дверь за спиной тотчас бесшумно распахнулась, и чьи-то цепкие сноровистые руки втянули меня в квартиру.

25

— Ну-с, приткий молодой человек, наконец-то, наконец-то мы с вами встретились!

За большим, красного дерева письменным столом сидел улыбающийся лысоватый мужчина в невзрачном пиджаке и удовлетворенно потирал ухоженные белые руки.

Я с трудом выплывал из вязкого тумана, окутавшего мозг.

— Надо отдать вам должное, поработали вы хорошо. За каких-то пять дней практически раскрутили дело. Но, — он притворно вздохнул, — се ля ви: в нашей дикой действительности результатом часто пользуется не тот, кто его добивается!

Я попытался пошевелиться — не сразу осознал, что мои руки заведены за высокую спинку стула и скованы наручниками.

Он заметил это движение и поспешил прокомментировать:

— Вынуждены были принять меры предосторожности, так как прекрасно осведомлены о ваших всесторонних талантах.

Постепенно ко мне возвращалась ясность сознания.

— Кто вы такой?

— Ой! — лысоватый даже всплеснул руками. — Это-то как раз, Игорь, вам знать и ни к чему. Многие знания — многие печали. Слышали, конечно? Впрочем, о чем я? Естественно, слышали, раз имеете приличную домашнюю библиотеку...

— Можете не продолжать, я догадался.

Мой собеседник поморщился.

— Эх, Игорь, Игорь. Зачем вам было бросаться в эту авантюру, если как дважды два ясно, что в таких делах выигравших не бывает?

— Почему не бывает?

— Вы много выиграли?

— О себе промолчу. Вдова — много.

— Тему вдовы мы пока пропустим. Поговорим о вас.

— Работа у меня такая. Волка ноги кормят.

— Волка? — лысоватый вежливо улыбнулся. — Хорошее сравнение. Но тогда вы должны помнить, что волка и бьют на любой охоте!

— Я представлял себе, на что шел. И ваших ребят срисовал еще на кладбище.

— Да что вы?! Это делает вам честь как профессионалу. Однако... Почему-то, Игорь, мне хочется быть с вами более откровенным... Мы ведь начали вас вести почти сразу же, с вечера пятницы, с того самого момента, когда узнали о неофициальном расследовании. Да, да, сообщив в прокуратуру о договоренности с родственниками убиенного продюсера, — поступив, конечно, как законопослушный гражданин, — вы совершили первую ошибку. Согласитесь, в таком деле важно полностью контролировать ситуацию — и мы не могли оставить без внимания человека, который брался за сбор сведений, а фактически, повторюсь, за частное расследование. Помните стычку при выходе из ресторана-погребка?

— Конечно.

— Так вот: с вами повздорил наш сотрудник. Мы намеренно грубо столкнули его с вами. Расчет был простой: испугать, заставить отказаться от активных действий — ничего не напишешь, руководство недолюбливает энтузиастов со стороны... Проще говоря, он должен был отправить вас надолго на больничную койку. Но вы оказались проворнее мастера спорта по боксу...

Я усмехнулся.

— Он не в моей весовой категории... И что же помешало в дальнейшем осуществить вашу довольно-таки нехитрую затею?

— Потом удалось убедить начальство, что нам на руку подконтрольная работа профессионала. К тому времени уже протупывались связи Кривицкого по казино. Продюсер вел довольно свободный образ жизни, и это должно было так или иначе сказываться на его отношениях с женой. Однако, как мы выяснили, в семье, по крайней мере при взгляде со стороны, были совершенно безоблачные, без сучка и задоринки взаимоотношения...

— Зачем вы мне все это рассказываете? — по обстановке комнаты я сообразил: мы находились в городе, где-то на служебной конспиративной квартире.

— Затем, мой молодой друг, чтобы вы поняли, хотя бы и с непоправимым опозданием, что у вас не было и не могло быть даже самых ничтожных шансов.

— Машину на Звенигородском шоссе у кладбища раскурочили тоже ваши?

— Да. В ночь с пятницы на субботу мы временно потеряли вас из виду, так как вы не ставили машину возле дома. Но не расстроились — знали где вас ждать. Еще с ночи на погосте находились наши люди. Когда к рассвету появились вы, возникла небольшая техническая накладка... Не важно, какая... Пришлось пускать человека, чтобы немного задержать вас...

— Бомжа, от которого за целую версту несло тухлятиной и перегаром?

— Ха-ха. Удачный образ?

— Да уж.

— Сразу после открытия заведения к разрытой могиле прошли наши парни, показали, чтобы вы оставались в полной уверенности, что ночью путешествовали по кладбищу в одиночку. А позже, уже во время похорон, когда стало ясно, что Карпович, деляга из “Универсума” и, кстати, давнишний знакомец вдовы, может попасть в поле вашего зрения — а он был тоже взят в разработку по линии казино — решили чуть-чуть “поработать” с

вашей пятой моделью “жигулей”, чтобы временно лишить вас свободы маневра. Но вы и здесь проявили себя куда как прытко!

— Благодарю за комплимент. Очень приятно, пусть даже и задним числом, ощутить себя пешкой в чьей-то умной игре.

— Что ж. Против системы не попрешь.

— Какого же рожна понадобилась этой системе мешать расследованию заказанного супругой почти случайным людям убийства? Да еще так тщательно скрывать свою суету?

Возникла небольшая пауза. Наконец мой собеседник нарушил молчание.

— Вы много знаете, Игорь. Но о еще большем не имеете представления. Да, это заурядный заказняк, да, исполненный малокомпетентными людьми... Хотя, все же следует признать, технически киллер сработал достаточно профессионально, что и неудивительно: помимо срочной службы в Афганистане, Сухоручко принимал участие в боевых действиях в Приднестровье...

— Вот оно что. Вот откуда сноровка засовывать в ухо ствол.

— Да именно оттуда... Но непрофессиональными оказались средства и схема: в руках редкий “маузер” (от которого тянется след из Прибалтики, — очень и очень знакомого адреса для Карповича со товарищи), а патроны старые и от “ТТ”; опять же едва не вышла неувязка с выглянувшим ночью соседом... И это лишь немногие из бросающихся в глаза мелочей...

— А милицейский “уазик”?

— Милиция здесь — совершенно случайно. Просто у них были свои делишки поблизости... Так вот, если все сопоставить с убийством известной вам путаны, совершенном умельцами из той же банды, совсем легко заподозрить вдову. Ревность или меркантильные соображения... Как просто! Но можно взглянуть на проблему и гораздо шире. Кривицкий делал в бизнесе весьма неплохие успехи. И очень быстро прогрессировал. Это кое-кого не устраивало. И в то самое время, когда издерганная жена задумала успокоить муженька навеки, справедливо опасаясь, что останется

у разбитого корыта в случае дальнейшего съезжания крыши у благоверного из-за связи с панельной девкой, другие, серьезные люди, уже выслеживали его.

— Контора?

— Вы имеете в виду ФСБ?

— Да. “Жигуленок” восьмой или девятой модели с двумя мордovorотами накануне убийства во дворе?

— Вы и про это разнюхали?

— Только в общих чертах...

— Отлично. Ну, а мы, — он усмехнулся, — тоже наблюдали. Нашему патрону он все больше не нравился. Попытался стать слишком самостоятельным, хотел сам взяться за дело, которое в свое время ему помогли начать... Конторские тоже видели в нем неудобную фигуру. Ведь он помышлял о политике. И, судя по всему, обещал стать деятелем, не лояльным к власти. Так-то вот. Теперь вы можете видеть, скольких устраивала его смерть. Потому, честно говоря, возможности выжить у него не было никакой. Это только случайно Виктория Владимировна опередила всех...

Нельзя сказать, чтобы я был так уж ошеломлен услышанным. Но подобные горизонты прежде различал, конечно, более туманно.

— Весьма вам благодарен за откровенность. Почти сразу становится понятна вся эта суета. Но главного вы все-таки не озвучили...

Я прекрасно отдавал себе отчет в том, что резких слов лучше не произносить. Но что это могло прибавить или убавить?

— Ну-ну, продолжайте!

— Вы много здесь наговорили, уважаемый. Но не обмолвились ни словом, зачем вам самим все это нужно. Вернее, не вам, конечно, а вашему хозяину. Ведь вы с завидным усердием работаете на человека, который ограбил полстраны, сколачивая свое миллиардное состояние. И преуспел в выстраивании собственной системы, которая всегда безотказно служила бы его шкурническим интересам. Парадокс в том, что ему было бы

выгодно, если б правда о причастности к убийству безутешной вдовы как можно быстрее выплыла наружу. Это отвело бы от него самого подозрение в устранении энергичного конкурента. Но это только на первый взгляд. Непревзойденный манипулятор, ваш патрон, решил затеять многоходовую комбинацию, намереваясь и здесь нажить политические дивиденды... Какие? Да хотя бы обвинить в убийстве спецслужбы и лично президента – мол, устранили будущего не лояльного к власти политика... Но, судя по всему, ваше время закончилось. А с потерей влияния вашего хозяина в высших кругах и охранная фирма под громким названием “Энигма”, увы, обречена...

— Все это совсем не очевидно, у вас слишком разыгралось воображение!

— Нет, ваше ближайшее будущее ясно как божий день, вы просто не хотите признавать реалий. А когда компетентные органы возьмутся за вас конкретно, за все трюки придется отвечать, в том числе и за сегодняшний...

— О чем вы?

— О ночном наезде на пешехода у Курского вокзала. Коронный номер отставных гэбистов. Всем заправляет Кушинников?

Лысоватый вздрогнул, кинул острый взгляд на меня, побарабанил пальцами по столу.

— Да... То есть я хотел сказать... Очень и очень жаль, Игорь, что вы не работаете на нас. А о Кондратьеве не печальтесь. Он нарушил закон, участвуя в официальном расследовании и передавая закрытую информацию вам.

— А Надя? Что вы сделали с Надей?

Мои вопросы повисли в воздухе — собеседник промолчал, как будто и не слышал этих слов. Наступила тягостная тишина. Я не строил никаких иллюзий относительно дальнейшего.

Наконец мой визави все же разомкнул губы:

— В несчастях, случившихся с вашими знакомыми, вините исключительно себя.

Я никак не отреагировал, я будто одеревенел.

— М-да, очень жаль, очень жаль... — не глядя на меня, он продолжал бормотать себе под нос.

Я еще успел подробно рассмотреть плешь на его склоненной голове.

Как и возле Надиной квартиры, ничьих шагов сзади я не слышал и, когда в руку впилась игла, от неожиданности вздрогнул. Особой боли я не почувствовал.

Потом стол красного дерева внезапно выгнулся горбом, вскинув сидящего за ним человека к самому потолку, поплыл в сторону и исчез в навалившейся тьме.

26

Над головой противно дребезжала какая-то железка. Тошнотворно воняло бензином. И странно качало. Может быть, все это вместе взятое и привело меня в чувство?

Я вдруг ощутил себя в темной тесной коробке с поджатыми ногами и согнутыми перед грудью руками, уже привычно стиснутыми на запястьях жесткими браслетами наручников. Где-то неподалеку, как бы вовне, что-то гудело, и в ритме гула колебалось мое пространство, порождая около уха резкий металлический звук.

Некоторое время я лежал без движения в этой непонятной зыбкой темноте, безучастный к чему бы то ни было, но вонь и дребезжание, а потом и внезапный резкий толчок вперед и, секундой позже, слабее, назад — вывели меня из состояния оцепенения. Я слышал шорох шин притормаживающей машины.

Движок тихо работал на холостых оборотах. Затем скрежетнула коробка передач, мотор взвыл, и опять возобновилось плавное покачивание.

Меня охватила паника. Приложить столько сил, чтобы вырваться из одной ловушки и сразу же угодить в другую! Я извивался в тесной темноте, зверея он пронзавшей тело боли, стремясь распрямиться, разорвать стискивающее меня железо, но

это была обреченность отчаяния. Очень скоро я выбился из сил. Тогда-то вместе с ясным осознанием безвыходности положения ко мне понемногу стала возвращаться рассудительность.

Я попытался, насколько было возможно, трезво, взвешенно оценить ситуацию.

Скованный наручниками, я находился в багажнике машины, мчавшейся куда-то на большой скорости, – видимо, за город. Там, где-нибудь в лесу, меня ожидал тот же исход, что и в подвале у бандитов, разве только менее болезненный. Браслеты были перестегнуты из-за спины вперед, а это уже давало некоторый шанс...

В свое время я хорошо ознакомился с этим изделием под впечатляющим названием “Нежность”. Как видно, конструкторы обладали изрядным чувством юмора: присвоить наручникам такое название — еще круче, чем именовать слезоточивый газ “Черемухой”, а резиновую дубинку – “Аргументом”.

Браслеты имели замки, запирающиеся на два оборота, и фиксаторы. Для того чтобы надежно заблокировать подвижные дужки, не нужно ковыряться ключом в скважине — достаточно специальным штырьком (или любым острым предметом) утопить фиксатор. Если же наручники не заперты, а только защелкнуты, их можно открыть даже булавкой, несмотря на кажущуюся массивность. Когда-то я изрядно попотел, практикуясь в этом занятии.

Непослушными, одеревеневшими пальцами я ощупал пояс джинсов и вытянул из-за второй слева ременной петли вставленную между слоями ткани шпильку. Теперь ею требовалось обследовать боковую поверхность правого браслета и выяснить, утоплен ли фиксатор. Не нажимая сильно, я провел зигзагообразно шпилькой по торцу и не обнаружил углубления. Видно, люди, тащившие меня в бессознательном состоянии до машины, перестегнув наручники (иначе невозможно было отсоединиться от стула с высокой спинкой), ограничились этим, посчитали ненужным возиться с фиксаторами и тем более с замками...

Я переместил Г-образную шпильку ниже, к замочной скважине, и буквально через несколько секунд раздался еле слышный из-за шума и дребезжания щелчок. Открылся правый браслет.

Я испытывал к “Нежности” неописуемую нежность.

Однако волна надежды быстро схлынула. Что было делать? Пусть я и освободил руки, а что дальше? Возможно ли изнутри открыть багажник? А если это и можно, прыгать, что ли, на ходу? Самоубийство. Ждать остановки? Но машина шла ходко — наверное, уже давно выехали за город. Не предпринимать пока никаких действий? А будут ли шансы уйти потом?

Я лежал на левом боку, слушая ровный гул движка, и не знал, на что решиться. Дужки обоих браслетов я осторожно завел обратно в пазы так, чтобы наручники выглядели заблокированными.

Думать, к счастью, долго не пришлось: где-то совсем рядом взвыла милицейская сирена, и чуть погодя машина начала замедлять скорость.

Во внешнем мире что-то явно произошло. Вой сирены оборвался так же внезапно, как и возник.

До меня донеслись неясные возбужденные голоса и хлопанье дверей — мы уже остановились. Дальше все случилось как-то само собой: без паузы, не раздумывая, я набрал полные легкие воздуха и что есть мочи заорал. Это был вопль, полный неподдельного отчаяния, — я сам не ожидал от себя такой выразительности. Уши заложило, — я не уловил даже скрежета задвижки багажного замка.

В поле моего зрения появилась золоченая милицейская кокарда и чье-то лицо.

— Это еще что такое?

— Товарищ лейтенант, — звание я ляпнул наобум, мой голос звенел чрезмерным восторгом, — товарищ лейтенант, как вы вовремя!

Глядя очень настороженно, патрульный бесцеремонно пихнул гражданского, стоявшего рядом, — как потом до меня дошло, водителя — автоматом в спину.

— Выгружай его.

Я едва удержался на ногах, утверждаясь на асфальте, — весь бок кололо иголками.

Невдалеке белел “шевроле” с включенными проблесковыми красно-синими огнями.

— Кто это? — второй милиционер, открывая переднюю дверцу машины и стволом приказывая пассажиру выходить, на секунду отвлекся, полуобернувшись к нам.

В то же мгновение хлопнул одиночный выстрел.

Последующие три-пять минут вспоминаются лишь фрагментами: падает с забрызганным кровью лицом офицер; автоматный ствол совсем близко описывает короткую дугу, готовясь выплюнуть очередь; искаженная физиономия водителя принимает удар моего кулака; провал — я кубарем лечу вниз по крутому откосу насыпи; треск кустов, обжигающая боль в щеке — и все это под аккомпанемент выстрелов там, наверху.

Только отмахав с полкилометра по редколесью, на берегу небольшой речушки я остановился, чтобы отдышаться. Беспорядочная стрельба давно стихла, слабый ветерок доносил еле слышное завывание милицейских сирен.

Я ощупал себя — на теле почти никаких повреждений: лишь тупая боль в лодыжке, плохо сгибающиеся ободранные пальцы, саднящая щека. Одежда была, вроде бы, целой.

Под ногами тихо струилась темная вода. Я наклонился и, зачерпнув пригоршню, прополоскал рот, осторожно омыл лицо. Тогда только я заметил болтающиеся на левом запястье наручники. Все-таки от резкого движения в совсем неподходящий момент снова защелкнулся один из браслетов.

Вой сирен быстро приближался. Вот это сюжетец: стычка частной охраны с милицией. Что и говорить, в лихое время живем.

Что же случилось? Кого отлавливал на шоссе патруль? С чего бы такое ревностное исполнение службы за чертой города?

Кое-как я освободился от надоевших браслетов и вместе с отмычкой забросил их в воду.

А теперь уносить ноги! Хотя, наверное, никому пока до меня дела не было — лучше побыстрее выйти из опасного района.

Я двинулся вдоль берега, прислушиваясь к звукам, доносившимся с шоссе, и через пару сотен метров наткнулся на поваленное дерево. Перебравшись через речушку, вздохнул уже с облегчением...

Некоторое время я бежал наобум, стремясь просто поскорее разорвать дистанцию. Я не имел ни малейшего представления о том, где нахожусь.

Местность была ровной. Еловый лес, черной завесой смыкавшийся над головой, сменялся березняком — и тогда вверху показывалось почти неотличимое от деревьев темное осеннее небо с редкими мелкими блестками звезд.

На краю небольшой поляны я заметил высокую ель и взобрался на нее. Ориентируясь по звездам, к юго-востоку от меня, на черте горизонта, горели огни — там была Москва и там для меня концентрировалась вся опасность. Я посмотрел в противоположную сторону — кругом мгла, мгла, мгла. Сквозь шум ветра из этой мглы как будто доносился легкий и ритмичный перестук колес. Я прислушался: вроде бы, не далеко, километрах в полутора-двух, шел пассажирский поезд.

С этого момента я уже действовал по четкой схеме. Поезд (лучше всего товарняк) — идеальный вид транспорта для быстрого исчезновения из опасной зоны. При выходе на железнодорожное полотно отыскивается, по возможности, не прямой участок или участок на подъеме, где машинисты поневоле вынуждены снижать скорость. Прицепиться же к вагону притормаживающего состава — дело техники.

Я прошел по шпалам, экономя силы, довольно-таки приличное расстояние, когда, наконец, задрожали рельсы, и плотная стена елей у дальнего поворота смутно отразила тяжелый

гул приближающегося товарняка. Вот уже желтая полоска света четко очертила неровный контур деревьев...

Я спустился к основанию насыпи и лег ничком на траву — совсем не обязательно, чтобы машинист заметил в такой глухомани около полотна человека.

Поезд неотвратимо надвигался — зазвенели рельсы, мелко задрожала земля. Через какие-то полминуты, испустив громоподобный звук, надо мной пронесся тепловоз, тяжело застучали колесные пары вагонов: состав шел груженный.

Я выждал немного, вскочил и побежал по насыпи что было сил. Когда поручни очередного вагона показались в поле зрения, вцепился в них, подогнул ноги. Несколько мгновений я так и летел во тьме. Потом подтянулся, перебирая руками, поднялся по скобам выше и перемахнул через борт.

27

Вторая кряду ночь на свежем воздухе совершенно меня доконала. К рассвету я буквально валился с ног. Кроме усталости и травмированной лодыжки, донимал еще и холод, который в горячке беготни как-то не чувствовался раньше.

Продрогший, с сырыми ногами, я брел по лесу, мечтая только об одном: побыстрее добраться до пристанища, где можно было бы обсушиться и перевести дух.

За прошедшие часы пришлось вспомнить все, чему меня научили в войсках, и к утру я уже обретался в совершенно другой местности, отдаленной от злополучного шоссе на добрую сотню километров, но в то же время находившейся не так далеко от Москвы...

Полувагон, в который забрался, был доверху засыпан опилками, и несколько минут я пролежал не двигаясь и не думая ни о чем — просто уставившись в холодный мрак. Однако расслабляться было некогда: небо вокруг заметно светлело от огней — подъезжали к какой-то крупной станции.

Я привстал со своего ложа и осторожно выглянул наружу: мимо плыли приземистые коробки пакгаузов, заборы, домики, потянулись безлюдные пассажирские платформы. На здании вокзала белела крупная надпись — КРЮКОВО. Так, значит, питерское направление. И всего с десятков километров до рокадной дороги...

Когда-то в наши наголо остриженные юные головы вдалбливали профессионалы: рокады, опоясывающие крупные города, в исключительных случаях бывают очень выгодными для быстрых, неожиданных перемещений в тылу противника. Для закрепления навыков проводились учения, оттого я отлично знал, что первый пояс стратегических рокадных дорог Москвы проходит на питерском направлении недалеко от Поварова. Там, за безымянной станцией, над рельсами нависает шоссейный мост авторокады. Дальше следует и железнодорожная развязка.

Товарняк миновал Крюково, Алабушево.

До боли в глазах я всматривался вперед, пытаюсь среди редких семафорных огней различить перекладину моста. Наконец состав втянулся в неглубокую котловину, загрохотав с удвоенной силой, и вскоре я заметил, как по темному небу, невысоко над полотном, ползет крошечное желтое пятно автомобильной фары.

После почти совсем не освещенной станции и моста дорога пошла на подъем, скорость заметно упала, колеса не так часто стучали на стыках, — и я подготовился к прыжку.

У ног неслась навстречу земля, но откос был относительно высокий — а это несколько упрощало дело. Я спустился еще ниже, на подножку, и, выждав, когда очередной столб промахнул мимо, соскочил против хода поезда спиной назад — как нас учили...

Перебравшись позже на другой товарняк, следовавший по рокадной дороге, я всю ночь просидел на мешках с картошкой и утром находился уже где-то недалеко от Калужского шоссе, километрах в шестидесяти с небольшим от Москвы...

Ночной прыжок с откоса получился не очень удачным, сказалось долгое отсутствие практики, — лодыжка, беспокоившая с самого начала, стала распухать. Хорошо еще, во

второй раз проделывать этот трюк мне не пришлось: перед крупным транспортным узлом состав плелся еле-еле — я просто сошел с него, как сходят с автобуса, когда шофер, подъезжая к остановке, преждевременно открывает двери.

Нужно было собирать остатки сил, чтобы добраться до трассы.

Оказавшись на твердой земле, я перво-наперво нарвал в полосе отчуждения сизой горькой полыни и, размочалив сочные еще стебли на камне, напихал их сбоку в носок, плотно обвязал платком. Это проверенное средство дало эффект: через некоторое время я почувствовал облегчение.

Я шел по лесной тропинке, ориентируясь на далекий гул шоссе, и внимательно поглядывал по сторонам.

Конец сентября при такой относительно теплой и недождливой погоде — не пора предзимнего затишья: долог день, кое-где сохраняется еще зелень, не улетели птицы, копошится зверье.

На тонких высохших сучках ели, у самого ствола, желтели корневые опята — это белка, готовя запас на зиму, повесила их сушиться. В узкой расщелине дупла другого дерева торчал расклеваный поползнем желудь.

Чуть погодя на влажной от утренней росы земле я обнаружил совсем свежие следы барсука. Зверь прошел в противоположном направлении, как видно, не спеша возвращаясь с ночной охоты на дневку, — отпечатки задних лап не полностью совпадали со следами передних. Я продвинулся немного по тропе и наткнулся на несколько коротких конических прикопок под корнями толстого дуба, в глубине которых валялись разорванные соты шмелиного гнезда и ползали вялые насекомые. Не долго думая, я подобрал сухую толстую ветку и довершил начатую барсуком работу. Из земли мне удалось извлечь приличный кусок сот с толикой меда.

После такой неожиданной находки на душе стало как-то веселее. В голову пока не лезли навязчивые мысли насчет произошедшего, насчет того, как существовать дальше. Мне

просто нужно было идти вперед, сохраняя по возможности силы, чтобы добраться до трассы, а там и до конечной цели этого вынужденного пути.

28

Горячая вода способна усыпить. Особенно, если вся предшествующая ночь прошла в беготне на свежем воздухе.

Я лежал, вытянувшись, в ванне и постепенно погружался в дремотное состояние.

В голове все перемешалось — недавние события, наползая друг на друга, искажались до неузнаваемости. Передо мной вдруг появилась красноволосая Верка с колготками на шее и, подмигнув, озорно высунула прикушенный язык...

Я мгновенно разодрал глаза — с плаката, висевшего на двери, улыбалась полуголая пляжная красотка.

В этой простенькой однокомнатной квартирке, снятой в поселке подмосковного совхоза на тот самый крайний случай, в вероятность наступления которого раньше как-то не верилось, не мог появиться ни один человек по той простой причине, что ее существование было абсолютной тайной для всех. За два прошедших месяца я посетил ее всего раз пять — и, значит, тем более опасаться было некого и нечего.

Резервный ключ, прилепленный скотчем с тыльной стороны соседского ящика для картошки, находился на месте, — я открыл дверь и сразу бросился в ванную наливать воду...

Сонливость улетучилась, ничего не оставалось, как взяться за мыло и мочалку.

Едва я взбодрился, мысли тотчас вернулись к невеселым реалиям: положение оказывалось совсем уж бедовым.

Что делать? Как быть дальше? Ехать немедленно на Петровку? А смысл? Ведь меня там поднимут на смех — ничего, ничего же не осталось даже из того мизера, что я имел. Да и потом... Я чувствовал, что последняя неделя, всего лишь неделя, многое изменила во мне. Череды смертей, пиковые ситуации, в

которые я попадал и из которых волей случая мне пока удавалось выбраться, — взвинтили нервы, заставили другими глазами смотреть на окружающее.

Да, не пришло еще время соваться в город — во многих возможных местах люди известного профиля с нетерпением поджидали моего появления, а также из-за того, что сквозь невольное смятение, охватившее меня, проклевывалась некая идея, которую требовалось переварить.

Я глянул в зеркало: диковатыми глазами на меня смотрела оттуда почти неузнаваемая, осунувшаяся небритая физиономия с расцарапанной щекой.

Спать. Не думать сейчас ни о чем. Утро вечера мудренее.

Ухватившись за спасительную отсрочку, я торопливо раскинул на пыльном диване хрустящие новенькие простыни и мгновенно уснул, будто провалился в глубокую черную яму.

29

Вокруг стояла необычная тишина. Пахло пылью и свежим бельем. Открыв глаза, некоторое время я не мог сообразить, где нахожусь, — смутные очертания мебели были не знакомы. По потолку ползла неровная полоска отраженного света.

Да это же берлога в совхозе “Коммунарка”!

В сознании сразу всплыло: Кондратьев погиб, с Надей — тоже беда. Кто следующий? Даша? Вдова? Вдову-то, конечно, они не тронут — им выгоднее подвесить ее на крючок. В общем, отставные служаки стараются — значит, дело будет исполнено на уровне: контингент зачищен по полной программе. Как сказал лысоватый? Против системы не попрешь. Мы все — пешки в чьей-то серьезной, умной игре, и наши неуклюжие действия с самого начала обречены на неудачу. Вот так-то.

Я включил телевизор.

Что-то совсем кисло все сложилось. Будто свет клином сошелся на Кривицком: тут тебе мстительность и вероломство

жены, оплатившей убийство суженого из его собственного кармана, тут и большой бизнес, и политика.

На черно-белом экране старенького “Рекорда” проступило бесстрастное лицо ведущей, монотонно зачитывающей какой-то текст, затем появилось изображение милицейского “шевроле” с включенными проблесковыми огнями.

Я прибавил звук.

— ...ском шоссе вчера, около 23-х часов, неизвестными была обстреляна патрульная машина ГИБДД, участвовавшая в общегородской операции “Перехват”, в результате чего старший лейтенант Лобко и сержант Колесников убиты на месте, стажер Новожилов скончался по дороге в больницу. В перестрелке, по мнению оперативников, был тяжело ранен один из нападавших. Мотивы преступления выясняются, милиция предпринимает необходимые меры для розыска скрывшихся преступников...

Есть одно очень хорошее средство против всех напастей. Надев курточку, висевшую в шкафу, я вышел на улицу.

Осенний вечер встретил промозглой сыростью — впервые за несколько дней разверзлись хляби небесные. Тем лучше: отметим временное избавление из цепких рук под тихий шепот дождя.

Я пересек по диагонали пустынную площадь и оказался возле освещенных витрин торговых палаток. Что взять? Джин? Виски? Водку? Или, может быть, ради исключительного, экстраординарного случая армянский коньяк?

А все-таки не так плохи новые времена, если, находясь ближе к ночи в каком-то бывшем крупном, а теперь зачахшем совхозе, пусть и в считанных километрах от Москвы, я могу выбирать спиртное по своему желанию. При этом, правда, рискуя нарваться на подделку.

Пока я раздумывал, что пить, рядом остановились две девицы под зонтом и тоже стали рассматривать витрину.

— Может, возьмем “Настойку рябиновую на коньяке”? — спросила одна другую. Голос был очень молодой.

— Ну ее! Она слишком сладкая.

Я скосил глаза в их сторону: аккуратные головки в мелких осветленных кудряшках, симпатичные юные мордашки. Пригласить их, что ли, в свою компанию?

— Девушки, а не устроить ли нам совместный вечерок? Финансовые проблемы, естественно, я беру на себя.

Они живо обернулись. В блестящих глазах было неподдельное любопытство.

— Ты как? — опять спросила первая.

— Я не против, — протянула вторая, быстрым взглядом окинув меня с ног до головы.

— Понял! — я подошел к окошку. — Дай нам по паре белого “Мартини”, вермута и шампанского, потом... Девушки, что будем пить: джин, виски, коньяк, водку?

— Водку.

— Тогда большую “Флагмана”, что-нибудь вкусенькое запить-заесть и сигареты, конечно... Какие?

— “Вог”.

— Значит, “Данхилл” и “Вог”...

Через три минуты я отошел от палатки с нагруженным доверху пакетом в обнимку, чтобы не оборвались ручки.

— Идите под зонт, что вы мокнете? — грудным, нежным голосом позвала вторая.

У меня екнуло сердце: что-то неуловимое в ней напомнило вдруг о Марианне, той стюардессе со светлой улыбкой, о которой я со всей этой суетой совсем забыл.

— С удовольствием. И можно на “ты”. Меня зовут Игорь.

— Аня, — она улыбнулась и взяла меня под руку.

— Леля, — представилась ее подруга.

— Очень приятно оказаться в компании таких милых и симпатичных девушек.

Мы двинулись по направлению к дому. Настроение заметным образом менялось.

— Девочки, вы даже не представляете, как вовремя мы с вами встретились.

— Почему же? — Аня опять улыбнулась. —
Представляем.

Я отпер квартиру и пропустил подружек вперед.

— Не взывайте за небольшой бедламчик — давно не был
в ваших краях...

Совместными усилиями мы быстро навели относительный
порядок, соорудили кое-какую закуску.

Тихо играла музыка. Я разливал водку по рюмкам.

— Анечка, Леля, за наше своевременное знакомство! Было
бы очень грустно, если бы мы не встретились.

Улыбаясь, девушки пили.

За столом я разглядел их подробнее: яркий, даже слегка
вызывающий макияж только подчеркивал их возраст — им было
едва ли больше восемнадцати. Аня время от времени
останавливала блестящие глаза на мне.

Что вдруг заставило меня вспомнить о Марианне? Ведь,
вроде бы, мало что было в девушках общего: в этой — плохо
скрытая вульгарность, уличная опытность, в той — подкупающая
искренность и чистота. Возраст? Аня, пожалуй, и помоложе.
Серые выразительные глаза? Но взгляд другой. Прическа? Голос?
Овал или черты лица? К сожалению, за эту сумасшедшую неделю
лицо Марианны стерлось в памяти. Остался только расплывчатый
образ, который каким-то непостижимым способом совмещался
теперь с Аней...

Я встряхнулся. Из динамиков лилась медленная
томительная мелодия. Аня задумчиво затягивалась тонкой
сигаретой, Леля наливала себе стопку за стопкой.

— Анечка, потанцуем?

Я обнял девушку за талию и заглянул ей в глаза. Радужки
были испещрены черными точками.

— Ты милая девочка.

Выдерживая мой пристальный взгляд, Аня неувлимо
улыбнулась краешками губ: мол, а что дальше?

— Что это подружка налегает на водку?

— Разругалась со своим парнем.

— А у тебя тоже есть кавалер?

— Это имеет значение?

— Как сказать.

Я наклонил голову и впился губами в ее губы. Она на одно мгновение замерла, потом медленно сняла руки с моих плеч и обняла за шею.

У стола раздались жидкие хлопки и совершенно пьяный голос забормотал:

— Б-браво, б-браво! Б-бис!

Мы вернулись к столу. Леля, проливая водку на салфетку, наполняла очередную рюмку.

— Б-беда в том, что мы не м-можем н-ничегошеньки, н-ничегошеньки изменить...

“Да. Мы не можем ничего изменить. Умные дяди за нас уже обо всем позаботились. Но...”

— Но мы можем, Лелечка, плюнуть на все и налить себе еще.

— Т-точно! Н-наливай!

С каждой рюмкой я чувствовал себя легче. Не сжималось сердце от тревожных мыслей, светлела голова, свободнее дышала грудь. Не существовало уже ни жертв, ни убийц, ни сторонних наблюдателей — ничего. Лишь звучала музыка и призывные серые глаза блестели в полумраке.

— Мы обязательно с тобой встретимся, девочка, обязательно... Только вот поставлю последнюю точку...

— Игорь!

Мои веки разлепились. Широко распахнутые глаза удивленно смотрели на меня.

— Что ты там бормочешь?

Я лежал навзничь на простынях. Полуголая девица, прерывисто дыша, ползала по мне.

— А? Аня? Извини, задремал. Есть что-нибудь выпить?

— Не знаю. Я тебе нравлюсь?

— Погоди. Сначала нужно выпить. Неужели мы все вылакали?

Я поднялся с дивана. В мыслях был полный сумбур.

На журнальном столике стояла пустая посуда. В кресле спала Леля, откинув голову и тихо похрапывая.

— Ты пока отдохни, я скоро буду, — поправив одежду, я накинул куртку и вышел за дверь.

Возвращение в сентябрьскую ночь слегка отрезвило. Дождь сыпал мелко и редко.

“Беда в том, что мы не можем ничего изменить!”

Прошла какая-то неделя — нет в живых Шуры, Нади (зачем заплочным мастерам лишний свидетель?), а я вот бреду невесть где под черным небом и не знаю, как быть дальше... Мы не можем ничего изменить. Но так ли это? По большому счету так. А все-таки кое на что мы способны или нет?

Около киосков гомонили пьяные голоса: за двумя высокими столиками гуляла теплая компания. Ободранные мокрые столешницы были заставлены бутылками и остатками закуски.

Я подошел со своей посудой.

— Причалить можно?

— Че? — стоявший ближе всех молодой парень уставил на меня мутные глаза.

— Потеснить, говорю, немного можно? — я водрузил на круглый столик бутылку “Смирновской”, положил банку ветчины.

Малый посмотрел на водку, потом опять на меня.

— А-а... Давай...

— Че, мужик, хочешь угостить? — нагло ухмыльнулся другой.

— Почему нет? — я свернул пробку. — Пей.

— Вот это по-нашенски! — через столешницу протянулась рука с пластиковым стаканом. — “Смирновочки” тяпну с превеликим удовольствием!

Я налил по полной мерке себе и страждущему и молча выпил.

За соседним столиком галдели о чем-то своем.

— ...Вы че, чуваки, не доезжаете? Да наша сегодняшняя житуха — натуральные джунгли! Киньте глазами кругом — идет дикая рубилровка за вкусную жрачку, комфорт, станки для содроганий. Быки наверху бьются за кулак, за власть, а это в итоге то же — жрачка, комфорт, бабы. Только в неограниченных количествах... И вы тут лепите о каких-то правилах, законах! Да нет их! Поступай так, как поступают с тобой, а лучше упреди — тогда, может быть, успеешь перегрызть другому глотку, прежде чем он сделает это тебе...

Я отставил стакан. Это мне хотелось услышать?

— Допивайте, ребята, — бросил я через плечо, отходя. Нужно было возвращаться. Я принял решение.

30

Итак, коттеджный поселок Мелихово, спрятанный в густом еловом подмосковном лесу за высоким кирпичным забором.

Его местонахождение мне было известно по публикациям в средствах массовой информации. Но и только. Не знал я, что конкретно размещается на огороженной территории помимо жилых домов, как осуществляется охрана. О возможности достать детальный план в моей ситуации нечего было и думать.

В общем-то, все подобные точки имели стандартную схему защиты — мониторы по периметру, проводную сигнализацию. Кроме того, однако, вполне могли быть задействованы и какие-то другие технические средства.

Но, чтобы подстраховаться, нужно было заранее предусмотреть и более сложный вариант с визитом на “объект” в случае, если ничего не выйдет с засадой на дороге. А без плана это представлялось почти авантюрой...

Отставной милицейский полковник Кушинников... Вот, значит, куда вас занесло жгучее желание заработать побольше денег. Что ж, вы всегда отличались умом и хваткой. И ваши люди весьма предусмотрительно распространили свою заботливую опеку на тех, кто так или иначе соприкоснулся с громким

убийством продюсера. Конечно, все у вас получилось, не могло не получиться — ведь за вашей спиной отлаженная опытными специалистами машина...

Но маленький прокол вы все же допустили: ведь Кондратьев, до того, как его настигла ваша карающая рука, успел сбросить в ящик коротенькую записку в несколько укороченных слов — а значит, прозевали вы ту субботнюю встречу в беседке, встречу, которая назначалась звонком с городского таксофона... А раз прозевали — возможно, наступят и для вас последствия.

Я был спокоен и собран с тех пор, как минувшей ночью за выщербленным столом среди отвязывавшегося молодняка принял окончательное решение. Все постороннее просто перестало существовать. Вернувшись домой, я немедленно выставил негодовавших девиц на свежий воздух и завалился спать...

Итак, отставной полковник Кушинников. Организация — частное охранное предприятие “Энигма”. Автомашина — черный “шевроле-субурбан” с пятью счастливыми семерками на госномере плюс, наверное, вооруженное сопровождение. Как легко было бы вычислить умельца, находишься я в городе! Но путь туда, по крайней мере на ближайшее время, для меня заказан: слишком велика вероятность в поисках мишени самому оказаться на мушке. Значит, единственная точка пересечения может находиться только на дороге, ведущей к объекту.

Из межпотолочного пространства в ванной комнате я извлек два продолговатых черных ящика, по внешнему виду очень похожих на обычные кейсы.

Вот оно, мое богатство: разборная снайперская винтовка бесшумной стрельбы “Винторез” с дозвуковой, в отличие от СВД-63¹, начальной скоростью пули и глушителем, составляющим со стволом единое целое; миниатюрный, но довольно мощный арбалет HORTON с запасом специальных стрел с катушками; оптика обычная и ночная; НРС — нож разведчика стреляющий; радиоэлектронные и другие мелочи.

---

¹ СВД — снайперская винтовка Драгунова, общевойсковая, образца 1963 года.

Экипировка что надо.

Боец 1-й роты, 1-го батальона, 13-й бригады спецназа ВДВ Годунов по кличке “Петля” постарается показать вам свое умение, господин полковник. И пусть, по большому счету, ничего нельзя изменить, пусть жизнь идет по навязанным вами и вашими хозяевами правилам, но в ней по-прежнему остается великий и непреложный закон — кровь за кровь!

Я аккуратно переложил содержимое “кейсов” в вылинявший, истрепанный рюкзак, обмотав оптику и детали винтовки тряпками; сверху кинул кое-какую еду, флягу с водкой; прикрыл все непромокаемой плащ-накидкой — неизвестно сколько придется ждать в лесу. Потом надел под одежду тонкий шерстяной спортивный костюм.

Перед выходом присел, оглядел чужими уже глазами комнату. Ну, удачи, Петля!

31

Дорогу, ведущую на “объект”, я оседлал еще засветло...

Частник, довезший меня к ближайшему от развилки населенному пункту, был словоохотлив.

— Теплая в этом году осень, ничего не скажешь. Грибов и орехов много... А как хорошо побродить по лесу, рыжие опята пособирать... Эх-х! Хочется тоже, знаете, иной раз с рюкзачком выйти...

— Так что же мешает?

— Заботы, хлопоты все. Жизнь наша бекова. В этот раз вот без соленых грибов останемся...

Уже при прощании, когда я отсчитывал деньги, он снова с завистью глянул на мой доверху набитый рюкзак.

— Опята-то еще есть?

— Есть.

— Надо выкроить время...

— Конечно, надо. А то зимой под водочку нечего будет вилкой по тарелке гонять.

Он засмеялся.

— Точно!

Я захлопнул дверцу и услышал вдогонку:

— Удачи!

Что-что, а это мне не помешает.

Не торопясь, я спустился с насыпи на тропинку и, миновав крайние дома, углубился в лес. Километрах в трех к северо-северо-востоку проходила интересовавшая меня дорога...

Место для наблюдения я выбрал в относительной близости от въездных ворот, возле непрямого участка. За 55 минут, что я простоял за деревом, по дороге проследовала всего одна автомашина в сторону Москвы.

В двадцатикратный бинокль я отчетливо видел номер и сосредоточенное лицо водителя, крутившего баранку. Пассажир сидел сзади, низко склонив голову, — может быть, копался в лежавшей на коленях папке с бумагами? — и его я не смог толком рассмотреть.

“Мерседес” находился в поле моего зрения не более 10 — 12 секунд, из них выгодными для прицеливания и стрельбы оказывались лишь пять: мешали блики на стеклах. Пять секунд для гарантированного поражения быстро движущейся цели с дистанции в 100 — 150 метров из положения стоя — прямо скажем, не густо. Но я решил пока не менять позиции.

Чтобы быстрее войти в ситуацию и привыкнуть к тяжести винтовки, время от времени я прикладывался к оптическому прицелу, мысленно прослеживал путь автомобиля через прицельную сетку...

Водя стволом туда-сюда, я невольно вздрогнул, когда вслед за едва слышным шорохом шин в расчерченный линиями круг вдруг ворвалась сверкающая иномарка.

Подпрыгнув на долю секунды, мушка прочно прилипла к радиатору: я уже держал цель. Но на переднем сиденье рядом с водителем никого не было, а стекла салона отсвечивали тонированной пленкой...

К шести вечера, пропустив таким образом в обе стороны с полтора десятка машин, я изрядно подустал от необходимости быть постоянно наготове.

Цифры рябили в глазах, все лица были на один манер. И хотя полковник обладал заметными внешними данными — помнились мне подбритые седые усы, густая шапка серебристых волос — я не был уверен, что успею узнать его, а тем более проделать в аккуратно стриженной голове дополнительную дырку.

Я опустил винтовку и снова взял бинокль.

Не унывать. Воля, непоколебимая уверенность, точный расчет — вот составляющие любого успеха. Не торопиться. В конце концов, я уже находился в нужном месте — в лесу, возле объекта. А для нужного времени стоило лишь запастись терпением.

Смеркалось. Я сбился со счета, просматривая проезжавшие машины. Черный “субурбан” все не появлялся. Из-за ухудшавшейся видимости я немного приблизился к асфальтовому полотну, хотя это было и небезопасно. К тому же этот вынужденный маневр практически лишал меня возможности нападения на дороге. С полчаса оставалось до наступления окончательной темноты, после чего наблюдение становилось не только малоэффективным, но и рискованным: ближайшие подступы и дорога вполне могли быть в зоне повышенного внимания патрулей с собаками.

Я на минуту отвлекся, когда со стороны развилки донесся неясный шум мотора.

Вдалеке, в конце видимого отрезка пути, показался высокий силуэт американского джипа с блестящей радиаторной решеткой. Скорость была приличной — темные отражения деревьев мелькали в лобовом стекле.

Я покрутил резкость (глаза устали от непрерывного многочасового напряжения) и успел различить три крупные семерки на белом прямоугольнике номера. Букв я не прочитал, машина уже мчалась мимо меня в каких-то пятидесяти метрах. На

заднем сиденье за тонированным стеклом на мгновение вспыхнул огонек зажигалки.

У меня задрожали руки: вот он, вершитель Шуриной и Надиной судеб, да и моей тоже, промахнул мимо. Почему он так поздно приехал сюда без сопровождения? По делу? Когда собирался и собирался ли вообще возвращаться обратно в город?

Как ни странно, мне даже в голову не пришло, что в салоне джипа мог находиться другой человек, — я нутром почуял добычу.

Я весь обратился в слух.

В тишине застывшего леса движок было слышно довольно отчетливо. Вот звук пропал, а потом возник с удвоенной силой: машина проезжала через КПП. Спустя несколько секунд шум стих.

Что это значило? Что здание, у которого остановился “субурбан”, находится недалеко от въездных ворот?

Оставаться на дороге было бессмысленно. Стоило воспользоваться последними минутами дня, чтобы подойти ближе к забору и посмотреть, как обстоит дело с охранной сигнализацией.

Предварительно вытащив из рюкзака все необходимое, я спрятал его на дереве. Потом тщательно зачистил следы своего пребывания — слегка взрыхлил покрытую хвоей притоптанную почву, посыпал место махоркой. Нужно было поторапливаться.

Я выбрался на обочину дороги и, убедившись, что кругом тихо, перебежал на другую сторону.

До забора, как я рассчитывал, было несколько сотен метров, из которых последняя — самая трудная. Неизвестно, какие сюрпризы приготовили “энigmatцы” для непрошенных гостей на подходе. Между деревьями могла быть натянута тончайшая проволока, например.

Я старался идти очень осторожно, внимательно смотрел под ноги и по сторонам, не забывая непрерывно посыпать свой путь махоркой.

Включенный высокочастотный сканер не подавал никаких сигналов, значит, датчики, фиксирующие любые движущиеся предметы, отсутствовали. По крайней мере, поблизости.

Углубившись на полторы сотни метров, я остановился. Сквозь частокол елей в бинокль уже ясно виделся высоченный кирпичный забор. В сгущавшихся сумерках — эх, если б подойти пораньше — я едва рассмотрел петли спирали Бруно, пущенной поверху, плоские противонепогодные кожухи телекамер. Ни одна из них не была повернута в сторону леса. Как же тогда контролируются подступы?

Прежде чем двинуться дальше, я еще раз внимательно оглядел ограждение: камеры жестко не закреплены, но сориентированы явно по периметру. Инфракрасная подсветка? Я надел ноктовизоры: один тонкий зеленый луч шел в метре над землей перед забором, другой — чуть выше гребня. Но это у самой границы объекта... А на подступах? Не чересчур ли рискованно лазить впотьмах?

Я нагнулся. Под ногами росла трава — костерок, а попростому, “петушок-или-курица”. В отличие от кислицы, папоротника, обычного плосколистого дерновника, костерок очень медленно распрямляется, хорошо держит любые следы.

Присмотревшись, я обнаружил, что некоторые стебли были примяты, некоторые обломаны. Это свидетельствовало о том, что здесь кто-то ходил около суток назад. Согнувшись в три погибели, придерживаясь этих еле различимых примятоостей, я продвинулся еще на несколько десятков метров. Ноги с непривычки одеревенели, винтовка оттягивала шею, по спине ручьями тек пот.

Стало темно.

Страшно хотелось курить. Пересилив искушение, я приладил ушной микрофон и отдышал, присев на корточках у толстого ствола ели, когда сквозь фон в мембране раздался слабый металлический звук — как будто звякнули ключи. Я вскочил: теперь был слышен приглушенный шум шагов, сбивчивое собачье дыхание; немного погодя опять звякнула железка. Патруль!

Молниеносно перекинув винтовку за спину, я достал из кармана баллончик с аэрозолем, имитирующим сильный трупный запах, обработал им место привала, потом ухватился за сук, нависший над головой, подтянулся и полез наверх.

Шум в мембране нарастал. В вечерней тишине до меня отчетливо донеслись глухие голоса — несколько коротких фраз, оброненных двумя патрульными. Расстояние сокращалось — они шли в мою сторону. Вскоре, благодаря ночной оптике, я различил сквозь нагромождение ветвей их фигуры, быстрые тени собак. Один из псов, уткнувшись носом в землю, семенил совсем неподалеку. Приблизившись к дереву, он обнюхал подножие, чихнул и, отбежав, задрал заднюю лапу.

— Пойдем, пойдем, Марс! — дернул за длинный поводок охранник. — Что ты там копаешься?

— Попахивает какой-то тухлятинкой, — не чуешь? — заговорил второй.

— Да, что-то есть. Может быть, заяц в путанке застрял?

— Ладно, завтра с утра глянем.

Я медленно снял палец со спускового крючка.

Голоса и шаги постепенно стихли.

Я сидел в добрых двадцати метрах от земли, крепко обняв липкий смолистый ствол, и приходил в себя после решительного момента. Да и от тошнотворного запаха тоже.

Вот почему они гуляют вдалеке от забора: ближе там путанка. Или, по-армейски, МЗП — малозаметное препятствие, тончайшая вольфрамовая проволока, выбраться из которой не так просто, если она прицепится.

Наступало самое благоприятное время для попытки проникновения на территорию: патруль прошел, охрана не так бдительна, пока на дворе ранний вечер.

Я спустился пониже и достал из подвязанного на груди подсумка арбалет.

Капроновый трос нужно было навешивать по восходящей линии — тогда эвакуация с объекта под уклон займет считанные минуты.

Укрепив катушку и вложив в станок соединенную с ней стрелу, я прицелился в ближайшее дерево, находившееся в десяти-двенадцати метрах, и выстрелил.

Легко зажужжала, разматываясь, катушка. Стрела попала точно в середину ствола.

Я с силой подергал трос, пробуя его закрепление, — разделяющийся наконечник прочно застрял в толще древесины. Теперь оставалось, следя за натяжением, несколько раз обернуть конец троса с катушкой вокруг дерева, на котором я сидел, — и можно было висом перебираться на другое...

Через час невероятных усилий, истратив в общей сложности десяток зарядов, я наконец оказался за ограждением.

За это время несколько машин покинуло коттеджный поселок, и только три приехали.

Отчаянно боясь, что мой клиент в любой момент может ускользнуть, я, тем не менее, не рвался в бой, старался все делать не спеша, размеренно и четко, помня о том, что малейшая оплошность чревата самыми печальными последствиями.

В бинокль я внимательно обследовал прилегающую территорию: солидные двух-трехэтажные особняки за решетчатыми заборами, обсаженные аккуратными шпалерами кустов; расчерченные по линейке подъездные дорожки, освещенные бледным светом фонарей. Плотная шеренга деревьев, темневшая поодаль, мешала увидеть что-либо еще.

Насколько обширен поселок? Где искать полковника? В любом случае нужно было сначала как-то выбраться с участка на одну из боковых дорог. Два часа назад джип, въехав на территорию, почти сразу остановился — по крайней мере, шум движка стих, — значит, свернул куда-то на боковую аллею за КПП?

“Туманом”, маскировочным карандашом, я густо заштриховал лицо: придется побегать, поиграть в прятки с отставными ментами из “Энигмы”. Потом еще раз прильнул к окулярам бинокля.

В ближайшем ко мне коттедже, возле которого я сидел на дереве, не светилось ни одно окно, изнутри не доносилось ни звука – по-видимому, хозяева отсутствовали. Но мне от этого было только хуже: раз дом временно пустует, значит, включена вся система сигнализации. Возможно, на участке работают также дополнительные видеокамеры.

Самым тщательным образом я изучил в оптику внушительное строение и действительно обнаружил пару замаскированных камер над балконом второго этажа и у бокового входа. Но они вряд ли были соединены с центральным пультом охраны и вряд ли работали круглосуточно – кому понравится слежка на собственной территории? Скорее всего, эта была инициатива хозяина особняка, желавшего дополнительно обезопасить себя... Так или иначе, приходилось считаться с тем, что я могу быть обнаружен в первые же минуты, как только спущусь с небес на землю...

Но еще более неприятным было то, что дом, который я осматривал, числился под 61-м номером, а мне был нужен девятнадцатый!

Освободившись от всего ненужного, оставив подсумок с арбалетом на дереве, налегке, с винтовкой, биноклем и ножом я спустился на землю. Все равно путь был один — параллельно внешнему ограждению к густому ельнику — в той стороне находились въездные ворота, в ту сторону свернул “шевроле-субурбан”.

Перемахнув через ограждение участка, пригибаясь, я побежал вдоль решетчатой ограды до еловой посадки. Как я и предполагал, за ней тянулась главная аллея, разделявшая поселок на части, — невдалеке видна была кирпичная будка КПП, возле которой неторопливо прохаживался охранник. Пересекать дорогу здесь было опасно: она хорошо просматривалась из помещения караулки. Я немного продвинулся вдоль главной аллеи, до того места, где она делала небольшой поворот, и осторожно выбрался на твердое покрытие. Вокруг были только черные неподвижные ели в бледном свете фонарей да тревожная тишина.

Оглядевшись по сторонам, я рванулся вперед и скрылся в кустах. И вовремя: на сером асфальте мелькнули желтые сполохи фар, и буквально через несколько секунд в сторону въездных ворот почти бесшумно пронеслась элегантная спортивная машина.

С трудом продравшись сквозь густой ельник, я отогнул пушистые лапы: прямо передо мной в полусотне метров стояли аккуратные двухэтажные коттеджи, и порядковые номера каждого были однозначными – то есть нумерация владений начиналась с этого края поселка.

Лишь в некоторых из домов светились окна.

У меня бешено заколотилось сердце: уехал или нет? Повезет мне, или все мои усилия напрасны?

Поколебавшись, я решил продвигаться вдоль густой посадки главной аллеи. Стараясь как можно меньше высовываться, ни на минуту не забывая о постоянном мониторинге территории, практически ползком я медленно приближался к цели своего непростого пути.

Я едва успел скрыться в кустах, когда на дорожке, совсем неподалеку, вдруг раздались шаги, и двое рослых парней в черной форме молча прошли мимо. Что это? Плановый обход участков, или я уже засветился, несмотря на всю свою осторожность? И как я мог прозевать их появление?

У седьмого по счету особняка значился нужный мне номер - 19. Часы между тем показывали уже 21:58.

Мало на что надеясь, я приблизился к ограде и сквозь густую поросль кустов разглядел массивную черную тушу “субурбана”. Госномера, конечно, было не разобрать, но в жизни таких совпадений практически не бывает.

Вот мы почти и свиделись с вами, господин отставной полковник.

Внимательно оглядев коттедж с фасада, я не обнаружил в окнах ни малейших признаков жизни: полные темнота и тишина. Но вот в боковом окне второго этажа виднелись желтые полосы света, пробивавшиеся между плотными шторами.

Кто мог быть в доме помимо Кушинникова? Где находится шофер, наверняка исполняющий также обязанности телохранителя?

Не без труда я вскарабкался на высокую ель и стал ждать. Что делать, если погаснет свет? Отступиться? Лезть в дом?

Пока я раздумывал над этим вариантом, отлично понимая, что второго такого случая уже не представится, — утром капроновый трос на деревьях обязательно обнаружат, — около одиннадцати отодвинулась половинка плотной шторы, и в освещенном проеме показалась подтянутая фигура полковника Кушинникова.

Он стоял у окна, курил и смотрел в ночь.

Я сразу узнал это холеное лицо с безжалостным взглядом бесцветных глаз и сжатыми тонкими губами под аккуратно побритой щеточкой седых усов, которое не раз в былые времена встречал в коридорах ГУВД. О чем он размышлял? Выстраивал в голове очередную хитроумную комбинацию, сообразуясь со стратегической линией своего опального, но по-прежнему могущественного патрона?

Как бы там ни было, твое время уже вышло. Бывай, господин отставной полковник, а ныне покорный слуга великого комбинатора. Свидимся в аду.

Выдыхая и одновременно опуская ствол винтовки, я подождал, когда мушка медленно наползет на переносицу, и плавно нажал на спусковой крючок. Звук выстрела почти не было слышно; слабо клацнул затвор, досылая в патронник очередной патрон, и слегка толкнуло в плечо...

Эвакуация из поселка прошла без осложнений: через пятнадцать минут я уже укладывал разобранный винтовку в рюкзак, через полчаса, для страховки утопив его в лесном озерце, выбрался у ближайшей деревеньки на шоссе...

Представлена 31 глава из 35. Заявку на книгу можно отправить на e-mail: bestbookz@mail.ru либо eugene-wr@yandex.ru . О порядке доставки придет дополнительное сообщение.